раздол туманов

Страницы шотландской гэльской поэзии XVII–XX вв.

перевод Евгения Витковского и Елены Кистеровой

раздол туманов

СТРАНИЦЫ ШОТЛАНДСКОЙ ГЭЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ XVII–XX вв.

Перевод с шотландского гэльского
Евгения Витковского и Елены Кистеровой

МОСКВА
ВОДОЛЕЙ
2018

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
Р17

На обложке: Джозеф Фаркухарсон (1846–1935).
«And All the Air a Solemn Silence Holds» (1900)

Р17 Раздол туманов: Страницы шотландской гэльской поэзии XVII–XX вв. / Пер. с шотландского гэльского Евгения Витковского и Елены Кистеровой. – М.: Водолей, 2018. – 260 с.

ISBN 978–5–91763–406–7

Поэзия, созданная в Шотландии на национальном гэльском языке, не переводилась ранее на русский язык. Для того, чтобы составить ныне предлагаемую русскому читателю антологию гэльской поэзии горцев, переводчикам пришлось разобраться в этой совершенно неизвестной у нас литературе и лишь потом приступать к переводу. Итогом стала книга стихотворений, созданных 29 поэтами на наречии Оссиана. Пережив бурный расцвет в XVIII веке, в XIX веке литературная гэльская традиция продолжилась уже в Канаде, куда были вытеснены гэлы-эмигранты. В XX веке эта поэзия вернулась на родину, и поныне литература горцев не умирает.

В книгу включены переводы практически всех «главных» произведений, созданных поэтами Шотландии на их родном гэльском языке в последние столетия.

ББК 84 (4Вел)
УДК 821.111

ISBN 978–5–91763–406–7

© Е. Витковский, составление, перевод, предисловие, 2018
© Е. Кистерова, перевод, 2018
© Издательство «Водолей», оформление, 2018

ПОЮЩИЕ СРЕДИ ВЕРЕСКА

Не так уж часто русский читатель получает доступ сразу к целому историческому срезу литературы на европейском языке, ранее у нас совершенно неизвестной. Но сейчас это так.

Само существование этой поэзии, да и всей светской литературы на шотландском гэльском языке у нас до недавнего времени не учитывалось. Как объявил больной синдромом Жиля де ла Туретта доктор Джонсон, что никакой литературы на шотландском неанглийском языке нет, так все и поверили. И аргумент привел убойной силы: Джеймс Макферсон, автор «Песен Оссиана», прижил пятерых детей от разных женщин, а женат никогда не был, какая может быть поэзия, какая литература? А еще – даже в тех справочниках, где шотландский признается все-таки не совсем мертвым языком, непременно будет добавлено, что язык этот сохранился лишь в самых труднодоступных уголках страны и говорят на нем преимущественно пожилые люди. Правда, «преимущественно пожилыми» называли тех, кто говорил на этом языке в Шотландии еще во времена короля Якова IV. Иначе говоря, пять столетий тому назад, и именно тогда в «Книге настоятеля острова Лисмор» были зафиксированы первые образцы поэзии на шотландском гэльском языке, уже почти вовсе отделившемся от ирландского.

Начал отделяться шотландский гэльский от новоирландского около 1200 года, и с каждым столетием различий становилось все больше. Примерно до конца царствования королевы Елизаветы, при чьем преемнике Шотландия и Англия превратилась в единое государство, ирландцы и шотландцы мало отличались. В XVII веке, последнем из пяти ирландских «темных веков», Ирландия пережила короткий расцвет поэзии на национальном языке, чтобы на два столетия уступить место английской речи.

Не то было в Шотландии. Хотя гэлы были почти целиком вытеснены с равнин в горы и на острова, именно это обособило их культуру. Цвела придворная традиция, появлялись гимны во славу вождей и героев (marbhrann) и поминальные элегии (cumha), реже сатиры (aoir); их сочинял и пел любой придворный бард вождя; кланов было много, много было и вождей, некоторые вожди сами неплохо сочиняли; они к тому же умели писать и часто знали английский, что отличало их от основной массы поэтов, составлявших в некотором роде нечто вроде профессионального сословия. Гэль-

ский язык – язык устной традиции, письмо в нем до сих пор невероятно архаично, и то, что дошло до наших дней, нередко записывалось с голоса через много лет после смерти автора, впрочем, была в этом и хорошая сторона, анонимной поэзии оказалось сравнительно мало, столь велико уважение народа к поэзии, что если уж помнили песню, то обычно помнили и ее автора. Надо ли при этом удивляться, что при этом по-гэльски не умел ни писать, ни читать ни великий Роб Донн в середине XVIII века, ни Рыжий Дональд из Коруны двумя столетиями позже. Были, конечно, и люди с университетским образованием, но они всегда составляли меньшинство. Еще в конце XIX века один из лучших собирателей гэльской поэзии Александр Маклин Синклер (1840–1924) писал о том, что главную трудность при собирании текстов составляет то, что даже те, кто умеет читать, свои стихи грамотно записать не могут. Даже то, что сохранилось, издано далеко не полностью и новые публикации появляются почти ежегодно; немало из того, что переведено для настоящей антологии, десять лет назад пребывало в безвестности и отыскалось лишь в недоступных по тому времени книгах и рукописях.

По загадочному, но неизбежному закону, чем хуже приходится народу и чем опасней жить, как говорят китайцы, «в интересное время», тем выше вероятность, что по крайней мере в поэзии начнется расцвет. В XVII веке это случилось в Ирландии, в XVIII – в Шотландии, кстати, случилось это на всех трех языках, гэльском, английском и англо-шотландском, scots, на котором создал практически все свои главные шедевры Роберт Бернс. Однако собственно гэльской поэзии надо было преодолеть застывшие «придворные» каноны, притом не отказываясь от них и не теряя национальной самобытности. Это случилось в 30-е – 40-е годы, когда в литературе появился человек, которому мы навсегда обязаны преображением гэльской поэзии Шотландии в явление европейского, если не мирового значения. Гэльское его литературное имя можно приблизительно записать как Аласдайр Макмастир Аласдайр, «Аластар, сын преподобного Аластара», иначе же как просто Александр Макдональд. Попадись этот яростный якобит, учитель гэльского языка при принце Красавчике Чарли, английским войскам в 1746, он был бы немедленно казнен, и вся литература пошла бы по другому руслу. Но он не попался, он еще сумел нелегально издать в Эдинбурге первый на гэльском языке поэтический сборник и мирно умереть, спрятавшись в глубокой провинции, во вполне преклонном возрасте.

Макдональд успел поучиться в университете в Глазго, хотя принято считать, что курса не окончил. На его поэзию почти не повлияли гэльские предшественники, зато сильно повлиял эпический цикл «Времена года», принадлежащий перу его современника, Джеймса Томсона. Пантеизм Томсона как нельзя лучше соответствовал настрою кельтских слушателей, – напомню, куда больше, чем читателей, было именно тех, кто воспринимал поэзию на слух. Довольно длинные, как почти любые гэльские стихи, поэмы Макдональда не имели отношения к политике, поэтому и без раздражения воспринимались каждым кланом, к тому же, поскольку не требовали специального образования, вызвали массу подражаний. И первым таким подражателем стал величайший гэльский поэт, Дункан Бан Макинтайр, тот самый бард-охотник, неграмотный Бард долины Гленорхи, на сооружение памятника которому гэлы всего мира посылали свои трудовые пенсы, величественный памятник-ротонда был возведен в 1859 году, а через 16 лет лично поднялась к нему и поклонилась королева Виктория. Учитель превзошел ученика.

Третьему гэльскому поэту, к имени которого не стыдно прибавить эпитет «великий», судьба выпала менее справедливая. Роб Донн, он же Роб Маккей, жил на крайнем севере страны и сочинял свои песни на диалекте, полностью мертвом к нашему времени уже более столетия; его непросто читать даже носителям языка. Если полное и научное собрание стихотворений Макинтайра с параллельными переводами на английский язык выходило много раз, если у Макдональда такого издания нет, но хотя бы по сборникам и антологиям желающий все его произведений все-таки соберет, то у Роба Донна нет даже этого. Относительно полно его песни были собраны только раз, в 1899 году, а переводов даже на английский язык существуют лишь единицы, о том, что нет научного издания, можно и не писать.

Тот, кто хочет войти в Шотландию времен расцвета ее поэзии в середине 18 века, может взять роман Роберта Луиса Стивенсона «Похищенный», среди персонажей легко обнаружатся исторические лица и герои, появление которых предсказуемо и на страницах нашей книги, в частности, таков вождь Клуни Макферсон, девять лет отсиживавшийся от правительственных преследователей в клети, подвешенной между скал. В чертах одного из главных героев книги, Алана Брека, скользят черты выдающегося поэта-якобита Йана Руа Стюарта. По поводу «апинского убийства», описанного на страницах той же книги, Макинтайр сложил стихи, родичам одного из

участников этого убийства посылал поэтические письма Роб Донн, словом, прежде, чем читать эту антологию, лучше освежить роман в памяти.

Неплохо будет перечитать и песни Оссиана, которые Джонсон считал подделкой, но тем не менее оказавшие влияние на европейскую поэзию не меньшее, чем Байрон. Особо сильного влияния на светскую гэльскую поэзию песни Макферсона не оказали, хотя ни единый гэл в их подлинности не сомневался, зато обозначилась сама фигура Макферсона, мецената и благодетеля долины Баденох, чему свидетельством большая элегия на его смерть, сложенная Дунканом Маккеем, – ну, а что именно кельтский мир Шотландии думал о докторе Джонсоне – это можно узнать из адресованной ему песни вождя клана Макинтайр, Шемаса. Хорошо будет и Вальтера Скотта вспомнить, прежде всего «Уэверли», хотя там герои в основном вымышленные, но это не отменяет их национального колорита. Достаточно реалистично изображена гэльская Шотландия того времени в популярном телесериале «Чужестранка», хотя герои в нем разговаривают на почти вымышленном языке древнего королевства Дал Риада, причем это лишь имитация: ни для кого из актеров гэльский актер не родной. По иронии судьбы, родным язык, сходный с тем, на котором говорят персонажи, оказался только для исполнительницы главной роли ирландки Катрины Балф, которая по сценарию гэльского знать как раз не должна. Невероятная популярность сериала, продленного уже на четвертый сезон, говорит сама за себя, ибо человек, не разбирающийся в реалиях шотландской истории, просто ничего здесь скорее всего не поймет.

До самого XX века даже на английский язык гэльская поэзия почти не переводилась, исключение составила антология «Гэльские барды» Томаса Паттисона (1828–1867), но и она была издана лишь в конце столетия. В ней не владеющие языком оригинала читатели впервые смогли познакомиться с полными переложениями величайших произведений этой литературы, поэмой «Большая ладья Кланранальда», Аласдайра-Макдональда и «Раздолом туманов» Дункана Бана Макинтайра, с некоторыми другими стихотворениями, к сожалению, в большинстве случаев они были сокращены. В 1890-е годы количество ежедневно говорящих на гэльском языке было не менее четверти миллиона человек, но поэзии тех лет было далеко до того, что создавалось предшественниками. Другие переводы на английский появлялись как исключение, но именно они пробудили интерес шотландцев к собственной литературе на национальном языке.

Интерес к поэзии прошлого начинал просыпаться, в 1906 году появилась большая, хотя весьма сурово и по-протестантски отредактированная антология «Поэзия долины Баденох» преподобного Томаса Синтона; в 1912 году увидело свет полное издание произведений Макинтайра с параллельными английскими, притом поэтическими, переводами Джорджа Колдера. В 1924 году А. и А. Макдональды предприняли попытку такого же полного издания Аласдайра, но книга популярностью не пользовалась и никогда не переиздавалась; полного и тем более научного собрания произведений ни этот поэт, ни почти все остальные гэльские классики до сих пор не дождались; исключения можно перечесть по пальцам.

Гэльские поэты времен расцвета своей культуры отнюдь не сторонились общественной жизни; известны гневные стихи Макинтайра о британском журналисте Джоне Уилксе, столь же гневная «Песнь о деньгах» Лахлана Макферсона, направленная против шотландского врача Джона Брауна, по мнению многих исказившего и предавшего учение своего учителя Уильяма Каллена и т. д. Что же касается фактов собственно гэльской истории, таких, как восстание 1745 года или «зачистки» XIX века, то этим событиям посвящены целые антологии, изданные уже в наше время.

Гэльские поселения задолго до американской революции стали возникать в Северной Америке, сперва в Северной Каролине, позже в Канаде, прежде всего на полуострове Новая Шотландия, на острове Кап Бретон и на острове Принца Эдуарда. Среди сотни гэлов всегда хоть один что-то сочиняет, если нет, то помнит наизусть сколько-то чужих песен, в итоге возникла и американская гэльская поэзия, в какой-то момент ставшая чуть ли не сильней, чем та, что была в метрополии. Этому способствовали трагические «зачистки», когда землевладельцы сгоняли с арендуемой земли тех, кто ее возделывал, и устраивали на ней пастбища для овец. Это привело к массовой эмиграции, настолько массовой, что гэльский язык в какой-то момент едва не стал третьим государственным в Канаде. Эта часть гэльской поэзии XIX века, кстати, на сегодня неплохо изучена, хотя лучший из поэтов Канады, бард Маклин тоже по сей день толком не издан. Правда, многие, как Дональд нан Оран Маклауд и Дункан Блэк Блэр, позднее вернулись в Шотландию, но творческие их годы чаще всего приходились на время, прожитое за океаном.

Однако в целом гэльская поэзия XIX века таким большим разнообразием значительных поэтов, как в предыдущий век, похвалиться не могла; на общем фоне выделяется лишь колоритная фигура круп-

нейшей поэтессы Мари нан Оран Макферсон, большой Мари Песенницы, начавшей сочинять лишь в 50 лет, когда на шесть недель она по ложному обвинению попала в тюрьму. Гэльская периодика в то время была запрещена, как и преподавание на этом языке, лишь песни в домах и на митингах оставались своеобразной формой журналистики. Казалось, языку конец, но с приходом нового века пришла и новая действительность.

Гэльское Возрождение XX века в Шотландии связано с именами нескольких выдающихся писателей, в первую очередь Сорли Маклина, а также таких поэтов, как Йан Крайтон Смит и Джордж Кэмпбелл Хэй, появление высшего учебного заведения для гэлоговорящих студентов на острове Скай (Sabhal Mòr Ostaig), появление все новых и новых изданий, в том числе периодических, радио- и телевизионных программ на гэльском язык, – все это ко временам появления интернета привело к тому, что количество тех, кто говорит и читает по-гэльски, стало неуклонно расти. Стали подниматься материалы старых архивов, а в них обнаружились сотни забытых стихотворений, кое-что из них специально было переведено для книги, которую читатель сейчас держит в руках.

«По поводу языка Earse – я не понимаю на нем ничего, не могу сказать больше того, что мне сказали. Это – грубая речь варваров, обладавших скудным запасом мыслей, дабы облечь их в слова, и счастливых тем лишь, что могли родить хоть что-то, доступное пониманию <...> Я уверен, что и на всем языке Earse не может набраться пятисот строк, хоть как-то свидетельствующих о том, что им сотня лет», – заявил в 1779 году больной на всю голову доктор Джонсон.

Дело не в древности литературы, если говорить о традиции, то ирландская, к которой восходит новая гэльская литература, много старше английской. Дело в том, что, по крылатому выражению Станислава Ежи Леца, «ложь отличается от правды тем, что не является ею». Предлагаемая читателям антология ни в коей мере не ставит целью утвердить древность гэльской поэзии; для этого пришлось бы переводить все семь томов антологии Carmina Gadelica Александра Кармайкла, вышедшие с 1900 по 1971 годы, или хотя бы извлечь старинные тексты из «Книги настоятеля острова Лисмор» (1525). Перед переводчиками на первый раз стояла весьма скромная задача: продемонстрировать русскому читателю светскую поэзию шотландского гэльского мира трех последних столетий.

Если с изучением языка оба переводчика как-то все же справились, что в эпоху интернета много проще, чем в былые времена, то

с доставанием оригиналов дело обстояло куда как скверно. Мы столкнулись не то чтобы с прямым противодействием нашей работе (хотя было и это, причем именно со стороны организаций, казалось бы, в нашей работе заинтересованных), но с полным отсутствием интереса к ней со стороны всех, кроме наших близких друзей, бескорыстно снабжавших нас и копиями недоступных изданий, и самими изданиями, когда их удавалось купить. Работа над книгой заняла у нас десять лет, ее можно было бы продолжать, но мы решили, что для первого знакомства хватит и того, что уже сделано.

Евгений Витковский
2007–2017

Мурхад Маккоиих
(ок. 1650)

Перевод Е. Витковского

Мурхад Маккоиих (Мардо Маккензи) стоял во главе своего септа в Стратпеффере близ Дингуолла. Он принадлежал к поколению бардов, попавших под влияние непрофессиональных поэтов, знакомых с Библией и перешедших в творчестве на более понятный гэльский язык. Считается, что приводимое стихотворение направлено против тех, кто предал Карла II.

Суета сует

Суета – волос твоих седина,
Суета – любовь, суета – война,
Суета – богатства на дне ларей,
Все – суета, если смерть у дверей.

Суета – ускользающие лета,
Суета приют, где царит нищета,
Суета дворцов, суета пустырей,
Все – суета, если смерть у дверей.

Суета полей, суета крепостей,
Суета отцов, суета детей,
Суета земель, суета морей,
Все – суета, если смерть у дверей.

Суета – бесполезных снов череда,
Суета – монета за день труда,
Суета холопов и бунтарей,
Все – суета, если смерть у дверей.

Суета – богатства души и ума,
Суета все что свет и все то, что тьма,
Суета слепцов и поводырей,
Все – суета, если смерть у дверей.

Все – суета, человече: прозрей
Суету рабов, суету царей,
И, поскольку на свете все – суета,
Я в смирении затворяю уста.

Шейла на Кеппок [Шейла Макдональд] (ок.1660–1729)

Перевод Е. Витковского

В отличие от большинства знатных (в гэльском понимании слова) горских леди, дочь Макдональда из Лохабера Шейла Макдональд была католичкой. О ней почти ничего не известно до 1688 года, да и до тех пор, пока она не овдовела в 1720 году, сведения более чем скудны. Она была явной якобиткой; считается, что до весьма поздних лет к поэзии не обращалось. Ее песни были обращены прежде всего к слушателям различных ветвей и септов клана Макдональд. Сохранилось 23 произведения Шейлы Макдональд (вошедшей в поэзию как «Шейла на Кеппок»), среди них – знаменитый плач «Аластар Гленгарри» (ок. 1720), один из самых известных образцов жанра элегии на смерть героя.

Аластар Гленгарри

Гордый Аластар Гленгарри,
Светоч блага и приязни!..
Гаснет разум, как в угаре,
Тело просит ран и казни.
Горек жребий, тяжек случай:
Слез сегодняшних причина;
Чем ветвистей дуб могучий –
Тем скорей его кончина.

Злая участь виновата,
Где ты, Дональд, – век твой прожит.
Искупить утрату брата
Ранальд ни один не сможет.
Древний дуб сметен судьбиной,
Сколь могучий, столь же старый;
Где ты, клич тетеревиный,
Ястребиный клекот ярый?!

На воителе великом
Благодать была Господня;
Мудрый и приятный ликом,
Ты покинул нас сегодня.
Похвалы любой достоин,
Предводитель, где ты ныне?...
Ярый лев, великий воин –
Плачь, Иаков, на чужбине![1]

Дональд, властелин на море,
Не приплыл на лодке к бою.
Пусть ни с кем не делит горе, –
Так не стало бы с тобою.
Но когда в прибрежной дали
Ты бы в лодке был замечен,
Мы б заранее рыдали:
Ведь герой – недолговечен.

Был ты страшен перед войском,
Полон огненною жаждой,
В исступлении геройском
Был ты первым в битве каждой:
Был лососем пресноводным,
Был орлом высокогорным,
Был ты львом высокородным
И оленем был проворным.

Даже в бурю не прогневясь,
Был ты бездною озерной,
Был огромен, как Бен-Невис,
Был ты – замок необорный.
Был ты башней твердостенной,
Был скалой неколебимой,
Был ты – камень драгоценный,
Был ты – флаг, вождем любимый.

Был ты дубом мускулистым,
Был ты тисом непокорным,
Был цветущим остролистом,
Был неумолимым терном.

Страстью полные до всхлипа
Рощи ластились любовней –
Но ольха, осина, липа
Не были с тобою ровней.

Ты берег жену с любовью;
Нет тебя со мной – ужели?
Но сегодня участь вдовью
Остальным сносить тяжеле.
Пусть полегче станет вдовам, –
Тем, которых горе гложет, –
Ибо делом, ибо словом
Лишь Господень сын поможет.

Бури ты прошел и войны,
Душу спас, народ прославил;
Но едва ли так спокойны
Те, кого ты здесь оставил.
Об одном мечтаю даре:
Не забудь в молитвах сына.
Гордый Аластар Гленгарри,
Горьких слез моих причина.

[1] т.н «Старый претендент», низложенный король низложенный король Джеймс Стюарт.

Йан Маккей [Слепой Волынщик] (1666–1754)

Перевод Е. Кистеровой

Поэт и музыкант Йан Маккей родился в Россшире; он от рождения был слеп или почти слеп. До нас дошло только шесть его стихотворений, правда, по-гэльски длинных. Сохранились также его многочисленные пиброхи (симфонии для волынки). Приводимое стихотворение считается у него лучшим, в частности, появляющиеся в нем каскады прилагательных вызвали позднее много подражаний.

Плач у Водопадного Раздола

Ухожу сегодня далече
Сквозь олений лес знаменитый,
Без гроша в кармане: что было –
Всё могильные скрыли плиты.

Пестрой речкой к Сырому логу –
Склон полог, в корчагах водица;
Иоанновым днем осенним
В здешней сени олень резвится.

Вот и он – Водопадный Раздол мой,
В теплом воздухе порох чую:
Здесь борзых пускают по следу
За оленем в чащу лесную.

О Раздол, приют без порока,
Здесь бывал и Роберт, я знаю;
Говорю о тебе иль с тобою –
Сердце боль сжимает немая.

– Это я – Раздол Водопада,
Коль отраден мой дом зеленый,
Что принес мне, певец, поведай –
Пусть услышат здешние склоны.

– Что ты нынче хочешь послушать?
Равнодушен полог тумана;
Если нас покинул Полковник,
То о ком беспокоиться стану?

О беда, терзанье, и горе,
И уйдут не скоро печали:
В землю скрылись лучшие люди,
Те, что чудны в деяньях бывали.

Коль во мне увидишь, Раздол мой,
Сердца боль, души сокрушенье, –
От печали песен не чая,
Ты молчанью подаришь прощенье.

– Ты, сын Родрика, мне напомнил
Вновь Полковника добрые нравы:
Чтил он тех, кто к благу способен,
А особенно – ум нелукавый.

Я слыхал Ирландии песни:
Помню славный голос Маккея;
С ним и Родрик Слепой, и иные
Пели мне, хвалы не жалея.

– О, Раздол, твой горестный шелест
Об ушедших героях услышу;
Принесу и я тебе песню
И нелестный голос возвышу.

Ждет нас горе, грядут печали –
Их начало скрыто от взора;
Вместо прежней хвалебной дани –
Ты рыданьем наполнишься скоро.

Вот плачевный напев – сильнее
И нежней не слыхал с колыбели:
Буду помнить горькие стоны,
Что зеленые кроны пропели.

– Битвы день покуда неведом:
Пусть победа венчает героя,
Ради песен – милости злато
До заката пребудет с тобою.

– О, Раздол, ты столп светоносный,
Слёзный, росный, с запахом мёда,
Для оленей – пастбище сочно,
Склон молочный, проточные воды.

Будь обилен мох и осоки,
И высокие, стройные травы,
Выше – склон тенистый, пятнистый,
В чистых листьях ветвистые главы.

Оторочка лёгкой пушицы
Будет мягко виться на склонах;
Пусть живут олени повсюду
И ревут в этих зарослях сонных.

Ни капусты, ни злака не смеет
Сеять здесь рука человека:
Будут травы рослы, богаты
Для рогатых хозяев до века.

Колокольчик, вьюн, маргаритка
И ракитник чуют прохладу, –
Их от бури скроют свирепой
И согреют скалистые гряды.

Пестро-клеверный, с клейкой смолкой –
Мшисто-влажный, торфяно-болотный,
Вересковый, каменно-гладкий –
Щавелю и лапчатке вольготно.

Я иду тропою с отрадой;
На прохладе вод – листья кресса;
Шелковиста, холмиста, равнинна
Из былинок тонких завеса.

Пусть же зелень тянется споро,
По озёрам плещет пеганка
И охотнику встречь оленуху
Во весь дух гонят псы спозаранку.

Мрачно-темный, полный ревущих
И несущих рога горделиво;
Нежно-травный у вод родниковых,
А где овод – быстро-гневливый.

Влажноглазый, сморщенноносый,
На утес – копытный, стремнинный;
Ввечеру робея резвится,
Мчится птицей прочь из долины.

На рассвете поднят борзыми,
И любим, и хвалим, хлопотливый,
Избегает шума и крика,
Гнётся дикой трепетной ивой.

Солнце к западу клонится снова –
Полон крови, грома и треска,
Острый, гулкий, разящий, матерый,
Смелый, смертный, рваный и резкий.

Будет время для новой встречи –
Будут свечи, тепло разговора:
Мелодично, винно и струнно
Пьется кубок без ссор и укора.

А теперь, о Раздол, пора мне:
Я был рад беседе приятной,
Коль Шотландия встретит Маккея,
Я сумею вернуться обратно.

Так прими мой привет прощальный;
Я приду опять, будет случай:
А покуда – в город уходим,
Спотыкливой тропой через кручи.

Йан Маккодрум (1693–1779)

Перевод Е. Витковского

Поэт-сатирик, всю жизнь проведший на родном острове Северный Уйст. Как многие гэльские поэты до и после него, он не умел ни читать, не писать, что было естественно для общества, целиком основанного на устной культуре сказаний, восходящих к ирландской древности и к временам войн с норвежцами; некоторые сказители помнили до восьмидесяти тысяч поэтических строк. Первое стихотворение поэта, злая и, возможно, несправедливая «Свадебная песнь» вызвала скандал: семнадцатилетний поэт явился незваным гостем туда, куда не был приглашен. Песня стала широко известна, и отец Йана приказал ему больше стихи не сочинять. По крайней мере до 1740-х годов, когда умер отец, поэт приказание выполнял. В 1760 году с ним встретился Джеймс Макферсон, ведший записи эпических сказаний для создания их английской обработки, но контакт не состоялся, судя по всему, из-за иронического отношения к записям того, что сочинено не самим бардом; возможно, поэт и не стал бы помогать: Макферсон не записывал песен, он искал только рукописи, что кончилось не совсем удачно, как мы знаем. Позже случилось важнейшее событие в жизни поэта, он был назначен придворным бардом Шемаса Макдональда, восьмого вождя клана Макдональдов из Слита, прямого потомка прославленного «короля на островах» Сомерледа. Вождь назначил барду во владение не облагаемый арендной платой хутор, серьезную по тем временам зарплату в два с половиной фунта (40 шотландских марок), пять кругов сыра и т. д. Сохранилось письмо вождя от 1763 года, где он восхищенно описывает сказания, которые Йан Маккодрум пел ему по полчаса ежедневно. Лишь тогда семидесятилетний поэт серьезно занялся сочинением собственных песен, причем прославился прежде всего как сатирик, хотя по обязанности слагал и песни, восхваляющие героев его клана. Вскоре молодой вождь был ранен на охоте, пытаясь восстановить здоровье, уехал в Италию, и 1766 году умер, преемник же оказался человеком совсем иной культуры, но продолжал выплачивать барду жалование до самой смерти. Практически все, что было им создано, можно датировать временем до 1769 года, лишь две песни были сложены позже. На могиле поэта, расположенной у самого входа на кладбище, согласно его последней воле был поставлен безобразный кусок гнейса: история гласит, что, когда барда спросили, почему он выбрал такой уродливый камень, он указал, что именно поэтому будут спрашивать, кто похоронен здесь, а в итоге о местоположении его могилы никогда не забудут.

Сохранилось более тридцати песен Маккодрума, в основном по-гэльски длинных, причем одна или две «раблезианские» по духу так и не были напечатаны в его академическом собрании 1938 года. Из-за одного из них («Песня свиньи») поэт на семь лет был отлучен от церкви, известно, что автор был доволен таким признанием. Кроме этого Йан Маккодрум известен как друг Аласдайра (Александра Макдональда), который бывал у него, скрываясь на островах после восстания 1745 года.

Сатира на портных

Этой темы не миную,
Кратко говоря.
Ткань купил я шерстяную,
И, похоже, зря.
Лето над землей пылает,
Все сильнее зной,
И работать не желает
Ни один портной

Много ль дел великих сделав,
Так горды они?
В них кипит ли кровь гойделов,
Мудрый, объясни!
О быках и о посевах
Думать ли в пивной?
Да и рук у них – две левых,
Правых – ни одной.

За портным за пустомелей,
Ты поди, поспей!
Кто способен их умелей
Станцевать страспей?
Но когда в делах бывает
Скверный оборот,
Тут же слезы наплывают
На глаза сирот.

У портного, знамо дело,
Дома есть жена,

Сроду пламя не умела
Развести она.
Пьян ли муж, кричат ли детки –
Ей печали нет:
Лишь попросит у соседки
Торфяной брикет.

К одному из них в субботу
С делом я подгреб.
Он сказал, что за работу
Не возьмется Боб.
Если просишь об ответе,
Мой ответ таков:
На зады на все на свете
Не нашить портков.

Макинтайр разинуть пасти
Мне совсем не дал:
Все, сказал, тебе не здрасьте,
Лезешь на скандал,
Повторяешь непрестанно:
«Шей, любезный, шей».
Не видать тебе кафтана,
Как своих ушей.

Грей, известный всем портняжка,
Ну-ка, помоги!
Он в ответ, что нынче тяжко,
С левой встал ноги.
Без порток ты, срань господня,
Ну и поделом.
А в Кариниш мне сегодня
Топать вовсе влом.

Я с Маквикаром, с папашей,
Поболтал тайком.
«Был знаком я с мамой вашей,
С батей был знаком.
Тут не повод для беседы,
Не игра ума,

Объясню все ваши беды
Я легко весьма:

Этот швец, не то портняга,
И сказать-то грех,
Сатане собрал для флага
Тысячи прорех.
Он не больно-то мудрует,
Мысль его проста:
С флагом он умарширует
В адские врата».

Песня к лихорадке

Я описать едва ли смогу
Эту чудовищную каргу,
Ту, что меня согнула в дугу,
Что в спину вонзила мне острогу.
Мне в грудь она водворила хрип,
Проклятый кашель ко мне прилип,
А с ним бессонница и недосып.
Когда б не Господь, я б давно погиб.

Увлекся разум странной игрой:
У постели моей плясали порой
Римляне, Гектор, троянский герой,
Живых и мертвых призрачный рой.
Мне в горло черная ворожея
Втыкала иглы и лезвия,
Глумясь надо мной, терзая, гноя.
Ныне рассудка лишаюсь я.

Жалкая осень вступила в права,
Сгинул посев, надежда мертва,
Спутаны мысли, коснеют слова,
Кости трещат и болит голова.
Хворь запускает в меня клыки:
Плоть ослабевшую рвет на куски,

Дни и минуты мои горьки.
Жажде моей – не хватит реки.

Лихорадка – тягость, тоска и беда,
Полная горечи и вреда:
От волос на черепе – ни следа,
Зато и длинна и густа борода,
Спутана, седа и желта.
Душит мерзкая тошнота.
Поесть нет силы и вполсыта,
Ибо валятся крошки изо рта.

Давно уже старый плащ велик,
Шею не может закрыть воротник,
Чело морщинисто, бледен лик,
Куда ни двинешься – там тупик.
Покорен черному волшебству,
Ныне почти что и не живу.
Тяжкие вижу сны наяву.
Если шагну – не сомну и траву.

Чуешь усталость, на миг привстав,
Ломит и ребра, и каждый сустав.
Только-то и поймешь, захворав:
Ни врач не поможет, ни костоправ.
Ни колени не держат тебя, ни ступни,
Кисти рук похожи на две клешни,
Бесплодны ночи твои и дни,
Больше не встать тебе с простыни.

Шапка давно уже велика,
Все норовит упасть с парика.
И омерзительно скользка
Макушка, лысая, как рука.
Тело похоже на ивовый прут,
С какого разве что лыко дерут,
И скоро, если чувства не врут,
Смерть наступить не почтет за труд.

У хвори ни совести, ни стыда.
Нужно поесть, но отвратна еда,
И пусть питье твое – только вода,
Пропойцею кажешься ты всегда.
Никакие мольбы тебя не спасут,
Прозвучал приговор, состоялся суд,
И костлявые руки вот-вот унесут
Горя и боли скудельный сосуд.

Аласдайр Макмастир Аласдайр (Александр Макдональд) (ок. 1698–1770)

Перевод Е. Витковского

По традиции Аласдайр считается наиболее выдающимся гэльским поэтом XVIII века (конкуренцию в популярности его «Ладье Кланранальда» составляют лишь «Хвала Бен Дорану» и «Раздол туманов» Дункана Бана Макинтайра). Практически первым он порвал с «придворной» традицией, уходящей в глубину ирландской древности, когда поэтам вменялось в обязанность почти исключительно сочинение хвалебных гимнов вождям и их победам, а также оплакивание тех же героев, и сделал гэльскую поэзию Шотландии исключительно светской; влияние его творчества испытали решительно все заметные поэты трех последних столетий. Он первым издал на гэльском языке авторский сборник поэтических произведений (1751), еще ранее выпустил словник гэльского языка (1741). В его творчестве гармонично синтезировались пантеистические начала англошотландской эпики Джеймса Томсона («Времена года»), старинная ирландская эпическая традиция и собственный опыт, обретенный им во время восстания 1745–1746 года, когда он стал учителем гэльского языка при принце Чарли, а позднее участвовал в трагических битвах и скрывался от англичан в глубинах «грубых границ» Арднамурхана. Ему также принадлежит заслуга создания особого поэтического жанра, многочастного пиброха, однако не музыкального, а поэтического, с «темами» и «вариациями» («Хвала Мораг»).

Поэт родился в Далилее, Мойдарт, в семье священнослужителя епископальной церкви; впрочем, в конце жизни он перешел в католичество. Около года он учился в университете Глазго, в 1729 году поселился на острове Финнан в Арднамурхане, в нескольких милях от дома, где родился, в качестве учителя. Он женился, в браке у него родились четыре дочери и сын Рональд, которому мы обязаны посмертным изданием составленной его отцом антологии гэльской поэзии («Антология острова Эгг», 1776). В 1730-е годы поэт создает все свои эпические произведения, восхваляющие шотландскую природу – «Сахарный ручей», «Песнь о лете», «Песнь о зиме», – без этих произведений был бы немыслим знаменитый «Раздол туманов» Макинтайра. Позже он продолжал преподавание, пока в начале 1745 года не был вызван в Эдинбург для разбирательства по поводу его «нескромных» стихов. Однако уже в августе поэт оказался в числе первых яко-

битов, которые в деревушке Гленфиннан встречали принца Чарли, провозглашенного королем Карлом III Стюартом. После поражения повстанцев в битве при Куллодене он, его брат Ангус и остальная семья вынуждены были скрываться от «красных мундиров», пока в 1749 поэт не обосновался на скромной должности на острове Канна. Двумя годами позже он инкогнито появился в Эдинбурге, где была издана книга его избранных стихотворений «Воскрешение древнего шотландского языка». Тираж книги был уничтожен, до нашего времени дошли только 12 экземпляров этого издания. Поэт умер в Арисайге, из которого за 24 года до того корабль навсегда увез принца Чарли после неудавшегося восстания. Известно кладбище, на котором был похоронен поэт, но место самой могилы утрачено.

Помимо пантеистической поэзии ранних лет и произведений, так или иначе связанных с восстанием 1745 года, Аласдайр оставил после себя уникальное произведение – поэму-цикл «Ладья Кланранальда». Поэма не публиковалась при жизни автора. Впервые она появилась в антологии, изданной сыном поэта через шесть лет после его смерти. Поэма повествует о плавании *birlinn*, чисто шотландской «лодки вождя» с острова Южный Уйст через Ирландское море на Каррикфергус в Северной Ирландии. Исторические *birlinn* были сожжены по приказу короля в 1493 году, ибо по тем временам ладьи, способные нести множество тяжеловооруженных воинов, представляли серьезную опасность для властей. Таким образом, фон поэмы – чисто исторический. Прообразы подобного сюжета в гэльской поэзии можно найти и в поэзии XVI–XVII веков, и хорошо образованный автор явно был с этими образцами знаком. Надо отметить и формальную новизну поэмы (кстати, это самое длинное произведение авторской шотландской гэльской поэзии по сей день): поэт использует множество размеров, все чаще возвращаясь к ирландскому *snèadhbhairdne*, притом последняя, самая длинная и самая известная часть поэмы написана именно им. Ритм этот долго жил в гэльской поэзии, отозвавшись даже в двойной пародии на поэму Дональда Маклауда и мелькнувший в «Ниагаре» Д. Блэра, одном из наиболее известных произведений гэльской поэзии Канады.

Поэтическое наследие Аласдайра, считая и переведенные с английского стихи маркиза Монтроза, весьма велико – около девяти тысяч строк. Оно было почти полностью собрано под одним переплетом только один раз, в 1924 году, с параллельными, но довольно далекими от оригинала переводами А. и А. Макдональдов, но издание почти не имело научного аппарата. Единственное научное издание избранных стихотворений вышло в 1996 году без английского перевода, хотя с комментариями; впрочем, оно охватило лишь четверть наследия Аласдайра; в книге отсутствовал даже знаменитый «Сахарный ручей».

Сахарный ручей

Над Сахарным Ручьем
Я шел, струям внимая:
Был светел окоем
Погожим утром мая;
Звучал веселый хор
Зарянок на опушке
И оглашал простор
Протяжный клич кукушки.

Сколь рад я был тогда,
Заслышав спозаранок
И певчего дрозда,
И нежных коноплянок;
Крапивник трелью чист
Короткою, но чинной,
Здесь куропатки свист,
Здесь бормот косачиный.

Над влагою ручья,
Прозрачной и холодной,
Блистает чешуя
Форели пресноводной:
Ведет она игру,
Взметается рывками,
И ловит мошкару
Сверкая плавниками.

Доверчивый цветок
Пчелу о ласке просит;
Он дарит ей взяток,
Он щедро плодоносит,
Цветет земная грудь,
Течет росой медвяной:
В ней не питье отнюдь,
Но запах розы пряной.

Отрада для очей
Увидеть в здешней пуще

Сей Сахарный Ручей,
Блестящий и поющий:
Ему не надоест
Спешить по краю леса,
Лелеять сонный рдест,
Качать отростки кресса.

Кристальная струя
Спешит от леса к лугу,
Доверчиво лия
Блаженство на округу:
Среди цветов снуют
Заботливые пчелы,
Напиток в соты льют
И сладкий, и тяжелый.

Веселию телят
Здесь подивиться надо –
Резвятся и шалят
Поблизости от стада.
Тем временем легко
Заводит песнь доярка,
Парное молоко
В подойник льется жарко.

Течет из фруктов мед,
Едва ли не излишний;
Созрели в свой черед
И яблоки, и вишни.
Плоды снимать пора,
Всегдашняя морока.
В восторге детвора
От каплющего сока

Росистая листва,
Весенние расцветки;
Сплелись, как кружева,
Сверкающие ветки.
Смелея, ветерки
Шумящие трепещут,

Травинки, как клинки,
Рассветной влагой блещут.

Брильянты в кронах ив,
Склонивших листья долу;
Ах, берег столь красив:
Куда там Уайтхоллу.
Лучами луг согрет,
Небес прозрачны дали,
И каждый первоцвет
Горит в своем шандале.

Песнь лебедя – звончей;
Песочники – воркуют;
О, Сахарный ручей!
Пернатые ликуют.
И клики в вышине,
Стихая под сурдинку,
Напоминают мне
Далекую волынку.

Косуля, не спеши,
Ступай пастись на травку;
Откушай черемши,
Не трогай горечавку.
На всё щедра весна:
Здесь видится воочью –
Блистает бузина,
Что звезды зимней ночью.

Пылает свет зари
Рябиной перезрелой;
Орехов набери,
Что хочешь с ними делай;
Чудесные плоды, –
О щедрая природа!
Поспели для еды
Малина и смородa.

Эдем лежит окрест,
Манит прохладной пущей;
Вовек не надоест
Смотреть на край цветущий;
Щедротствует земля,
Богатства умножая,
Торжественно суля
Предвестье урожая.

Сколь тут чудес – не счесть.
Спешит олень к опушке;
И рыба в море есть,
И у воды – ракушки;
Старинный и благой
Есть у парней обычай –
С простою острогой
Пускаться за добычей.

Утоптанной тропой
Дневной томимый жаждой
Табун на водопой
Приходит вечер каждый.
Тут испокон веков
Всё по одной дороге
Ведет своих телков
Олень ветвисторогий.

Косуля и олень
Пугливы, осторожны:
Но кормятся весь день
И копят жир подкожный;
Черника целый год
Отыщется в распадке;
Средь седины болот
Мелькают куропатки.

Сошел рассветный час
На розовые склоны;
И каждый луч – алмаз
На золоте короны;

Спокойствие, уют,
Ветвей и трав зеленых,
Лишь птицы здесь поют
Не умолкая в кронах.

Вершина красоты –
Владычица лилея;
О сколь прекрасна ты,
В лучах зари белея.
Как Сахарный ручей
В полдневный зной трепещет,
Так звездами ночей
Небесный полог блещет.

Здесь аир и щавель
На берегу покатом,
Зеленая постель,
Усыпанная златом.
Здесь рай для птичьих гнезд,
Средь зарослей осоки.
Здесь дягиль в полный рост
Возносится высокий.

Отрада для очей:
Тот парус отдаленный,
Где Сахарный ручей
Спешит к воде соленой.
Пускай кораблик мал –
Смотри и не досадуй:
Там хладный остров Малл
Стоит ветрам преградой.

Не исходить вовек
Лугов прибрежных тропы;
О лучшая из рек
На севере Европы!
Заботлива всегда
Природа-опекунша:
Вот бренди, вот вода –
Так выпей чашу пунша!

Всем воздает с лихвой
Природа втихомолку:
Хлопочет над травой,
Хранит быка и тёлку;
И в зной, и в холода
Здесь мир – как на ладони,
Здесь движутся стада
Подобно горным пони.

Поверх известняков
Слой почвы плодородной;
Здесь море колосков
Взрастает ежегодно.
Пшеничные луга –
Что может быть чудесней?
Метать снопы в стога
Всего отрадней – с песней.

Раздол, где мчит ручей,
Что в мире всех богаче.
Всеобщий и ничей
Раздол земной удачи;
Все то, что здесь растет,
Блаженствует сызвека:
Раздол, точащий мед
И пенистое млеко.

Раздол овец, ягнят,
Раздол, страна коровья,
Раздол спокойных стад,
Мир солнца и здоровья,
Раздол. где пенье птиц
Звенит порою вешней,
Раздол, страна лисиц.
Раздол, страна порешней.

Раздол, где барсуки
Блюдут свои порядки,
Раздол, где у реки
Резвятся куропатки.

Сезон нерестяной,
Лососий и форельный;
Сыт выводок свиной,
И все коровы стельны.

Раздол, приходит час
Овечьего окота,
Он людям каждый раз –
Приятная забота.
Отрадны плоть и шерсть
Породы тонкорунной,
Раздол, тебя отверзть
Земле случилось юной.

Раздол, ты похвала,
Природным проявленьям;
Раздол, где нет числа
Фазанам и оленям.
Не надобно речей,
О том. как год за годом
Струится вдаль Ручей
И молоком, и медом.

Песнь о зиме

И вот решило, что завершило
По небу Солнце круг годовой,
Чрез тропик Рака к пучине мрака
Ушло дорогою кочевой.
Прошла, сгорая, суббота вторая
Июньского десятого дня[1],
И покатило в закат светило,
Чело печально к земле клоня.

Для земнородных в краях холодных
Судьба – томиться среди теней;
Все дни короче, все дольше ночи,
Грустней природа и даль темней;

Желты, шершавы листва и травы,
Повсюду бедность, везде нужда,
И всё покорней стволы и корни
Тому, что сякнет в земле вода.

В сей час последний погоды летней
Вконец истаивают следы;
Отсумасбродив и обесплодев,
Стоят покинутые сады;
Луга в грязище, в лесу не чище,
Не льется с неба живых лучей,
Добыча тленья – тропа оленья,
И водопойный горчит ручей.

Пусты и голы, стоят раздолы,
Осенний траур объял холмы;
Полей просторы бедны и хворы;
Чернеют пашни и ждут зимы;
В остывших гнездах недвижен воздух;
Пеан пернатых уныл и нем;
Ложатся тучи в горах на кручи,
Природе скорбный тяжел ярем.

В плену дремоты грустят высоты,
Во всем кручина, во всем надлом,
В глубинах леса примолкла месса,
В кустах последний замолк псалом.
Для птиц усталых в камнях и скалах
Осталось ныне искать приют,
И в холод велий, во мрак ущелий,
Лучи светила тепла не льют.

Иссякло лето, со златоцвета
Едва ли каплю пчела возьмет;
Прошло разгулье, и нынче в улье
Оставлен в сотах последний мед.
Смолк над долиной напев шмелиный,
Все злей морозы, все затяжней;
Что неприятней для верещатни,
Чем ветер поздних осенних дней?

Черёд годины, когда в глубины
На глуховодье идет лосось,
Там жить неловко, трудна зимовка,
Но так привычно, так повелось.
И присмирели впотьмах форели, –
Вода недвижна и холодна, –
Вконец устали и отблистали,
И неподвижно стоят у дна.

Холмы в морщинах, туман в лощинах,
Вблизи тоскливо, темно вдали,
Застой гнетущий в заветной пуще,
Где фейри танец ночной вели,
Закутан в морок любой пригорок,
Вскипает пеной в морях вода,
Во тьме беззвездной скользя над бездной,
Дорогу ищут к земле суда.

Печаль смертельна и беспредельна,
Мороз над миром вступил в права,
Дрожат осины среди трясины,
Цветы исчезли, сошла трава.
Надежды тщетны, поля бесцветны,
Болота стынут под коркой льда,
В лесах затишно, нигде не слышно
Скворца, кукушки или дрозда.

Рецепту вверясь, в елей и верес
Добавить меда не чтя трудом,
Тебя утешит, парик расчешет
Светило – верный твой мажордом;
Бальзам надежен, не слишком сложен:
Всегда Владыка Небес готов
Июльской ранью дать притиранью
Все ароматы ночных цветов.

Сплошь в непорядке сады и грядки,
На грушах ветви давно пусты,
Столь сиротливы все вишни, сливы,
Все огороды и все кусты;

Тоска на свете, и плачут дети –
Коровье кончилось молоко;
Мир дышит хладом, разладом, гладом,
И знак Тельца еще далеко.

Вдаль, к Козерогу ушло в дорогу,
Солнце, почти незримое нам;
Дождь безотраден летящих градин,
Бьющих по скалам и валунам.
Бураны, громы, зарниц изломы,
Неумолимые холода,
Наутро стала ясней кристалла
За ночь застывшая гладь пруда.

Густые ливни все непрерывней,
Все беспощадней метет пурга;
Безумный, хлесткий, метельный, жесткий
Сей месяц дарит земле снега;
Глухой, суровый и нездоровый,
Почти смертельный и роковой,
Больной, отвратный, безблагодатный,
Страшный для всякой твари живой.

Сей месяц трудный, дурной, простудный
В штаны одетый, и в теплый мех,
Сей месяц зверской погоды мерзкой,
Когда и правду воздать не грех
Капусте с мясом, сырам, колбасам,
Всем благородным сортам харчей –
Овсянкам, шкваркам, супам, поджаркам,
Чему угодно, – погорячей.

Сей месяц сливок, густых подливок,
Копченой рыбы и ветчины,
Крутой овсянки и запеканки.
Великой пьянки для всей страны;
Но жаждет чрево еще сугрева:
Опасен холод, и он таков,
Что нет иного, опричь спиртного,
Спасенья в мире от сквозняков.

В Европе мрачно, она невзрачна,
Светило, медля, бредет сквозь тьму,
Его десница еще скупится,
Сиянья жалко для нас ему;
Пройдет, однако, сквозь бездны мрака,
Спокойно вступит в знак Близнецов,
Разгонит тучи, – поля и кручи
Тогда проснутся в конце концов!

И хоры птичьи во всем величье
Явленье славят весенних дней;
Что беспечальней сей величальни,
И литургии такой мощней?
Гремит огромный распев псаломный,
Не просто гимны теперь звучат,
Но похвалами, плеща крылами,
Творят единый магнификат.

Живые твари в весенней яри,
Возликовала природа вся,
Сияет с неба величье Феба,
Благословенье земле неся;
Нет опасений в сей миг весенний,
Добро приходит, уходит зло,
Журавль курлычет, подругу кличет,
И кончен холод, и вновь тепло.

[1] Автор точно датирует как минимум начало стихотворения: 21. VI.1738 Григорианского, или 10/11 Юлианского календаря, «вторая суббота». [Англия перешла на Григорианский в 1752 году.]

Ладья Макдональдов из Кланранальда

I. Благословение ладьи[1]

Пусть, Господи, легко скользит сия ладья,
Тебе хвалы в пути утроив.
Да будет милостна сегодня длань Твоя,
Благослови Твоих героев.

Святая Троица, к моленьям снизойди,
Дай рифы миновать и мели,
Утишь бурленье вод, что ждут нас впереди,
Позволь достичь заветной цели,

О Святый Отче! Пусть не сгубят нас ветра,
Пусть не колеблются мужчины.
О Сыне! Будет пусть фортуна к нам добра,
Пусть не разверзнутся пучины.
В открытом море нам не присуди пропасть,
Пусть не коснутся нас недуги,
Пусть уцелеет руль и вся иная снасть
Бушприт, и якорь, и опруги[2].

И киль оборони, и мачту, и набой[3],
Пусть не ярится зыбь морская,
И да избегнем мы опасности любой,
Просторы вплавь пересекая.
Нам укажи средь волн благополучный путь,
Пусть мы придем к надежной суше,
Надежным лоцманом для мореходов будь,
Мы веруем, о Святый Душе.

II. Благословение оружия

Вложи уверенность в тяжелые мечи,
Что были куплены в Толедо,
Секиры укрепи, кинжалы заточи,
Надежда в них и в них победа.
Пусть никакой бойцам не учинится вред,
Пусть охранят их в бранной сече
Кольчуга, бармица, кираса и дублет
Все то, что ляжет им на плечи.

И благородный лук с надежной тетивой.
И верных стрел пучок колючий
Уложенный в колчан, удобный, боевой,
Обшитый шкурою барсучьей, –

Благословенье дай чекану и ружью
Рулону яркого тартана,
Всему, что для войны загружено в сию
Ладью Макдональдова клана.

Команда моряков, испытанных бойцов,
Взойти на готовая судно
И сесть по нашестям, где весла для гребцов[4]
Укреплены благорассудно.
Ни трещина, ни щель не оскорбляет глаз,
Исправны прорези уключин;
Ладья – ваш дом родной, и вера есть у вас,
Что будет путь благополучен.

Как только вашу мощь на деле ощутит
Вечнояpящееся море,
Немедля предпочтет принять покорный вид
И тишь наступит на просторе.
Так, в миг, когда поймет на суше супостат,
Что не уступите ни пяди,
Он, не задумавшись, предпримет шаг назад,
Окончит бой, спасенья ради.

Порой и нà море взметенный к небу шквал
Чреват победою грядущей,
И подчинится тот, кто прежде бушевал,
Как заповедал Вездесущий.

III. Вёсла!

Отправляйся же, ладья,
В дальние края!
Навалитесь тяжело
Каждый на весло.
Сила каждого валька
Будет велика.
Будет каждый ваш гребок
Пенист и глубок.

Море искры в небо шлет;
Их шальной полет,
Словно пламя на ветру,
Губит мошкару.
Ветер свищет меж снастей
И меж лопастей,
И взрезает гордый струг
Океанский луг.

Чтоб стихию оседлать,
Вскрой морскую гладь,
Встреть враждебную волну,
И начни войну.
Взводень стонет под веслом –
Вот и поделом.
Пусть валы идут вразброс –
Помни, ты – матрос.

Время нынче, моряки,
Стиснуть кулаки
Докрасна и добела, –
Не жалей весла!
Для весла не зря нужна
Красная сосна.
Что сравнится с добротой
Древесины той?

Каждый, с носа до кормы,
Кликнет: «Ай да мы!»,
Чтобы справился с волной
Мощный загребной,
Если вас из бездны вод
Кинет в небосвод,
Или срезать вы должны
Гребешок волны.

Вырвать весла из гнезда
Норовит вода
И ватагу моряков
Стиснуть с двух боков,

Только это весляру
Даже по нутру:
Помнит руки в волдырях
Тот, кто был в морях.

Не боится мореход
Разъяренных вод,
Так что, лодка, не дрожи,
Береги гужи,
Ибо труд у моряков
Прост, и он таков:
Через пену и рапу
Проложить тропу.

И важна для моряка
Сильная рука,
Ибо угадать нельзя,
Где лежит стезя,
Ибо тот всегда в бою,
Кто ведет ладью
Тот, кто думает про цель,
Огибая мель,
И плевать хотел на смерть,
Мчась чрез водоверть.

IV. Песня загребного

И после того, как шесть мужчин и еще десять разместились на веслах, чтобы грести к месту назначения, было позволено крепкому Малькольму, сыну Ранальда Морского, запеть иоррам[5] *у переднего весла, и он был таков:*

Труд начать – всегда во благо,
Ибо собрана ватага,
Страх да не лишает вас ума,
Страх да не лишает вас ума.

Ни в какую непогоду
Не убавит лодка ходу,

И да не погубят вас шторма,
И да не погубят вас шторма.

Сколько соберете силы,
Столько и вложите в жилы,
Станет шире пены полоса,
Станет шире пены полоса.

Пусть летит по морю лодка
Храбро, весело и ходко,
Песней надувайте паруса,
Песней надувайте паруса.

Руки стиснуты до дрожи,
Закипает пот на коже,
Только вам плевать на неуют.
Только вам плевать на неуют.

И на то, что на работе
Руки скоро в кровь сотрете,
Ничего: мозоли заживут.
Ничего: мозоли заживут.

Пусть понощно и подённо
Пихтовые веретена[6]
Движутся, чтоб лодка вдаль несла,
Движутся, чтоб лодка вдаль несла.

Пусть звучит, душе все слаще,
Каждый плеск волны, кипящей
От движенья каждого весла.
От движенья каждого весла.

Положитесь друг на друга,
Весла двигайте упруго,
Твердо цель свою определя,
Твердо цель свою определя.

Мощно дайте лодке тягу,
Смело рассекайте влагу,

Режьте море носом корабля,
Режьте море носом корабля.

Пусть при деле этом добром
Дрожь по деревянным ребрам
Пробегает с силою любой,
Пробегает с силою любой.

Пусть кругом то шквал, то вьюга,
На весло давите туго,
Управляйте собственной судьбой,
Управляйте собственной судьбой.

Море пусть ревет и стонет,
Но ладья в воде не тонет,
Как бы ни ярились небеса,
Как бы ни ярились небеса.

Перед каждым поворотом
Заливает брови потом,
И все шире пены полоса,
И все шире пены полоса.

Так упритесь в решетины[7]
И покиньте Уйст утиный[8],
Подставляя ветру паруса,
Подставляя ветру паруса.

V. Все по местам

Миг настал: великий клан
Вызов морю бросил,

Опустили в океан
Все шестнадцать весел.

Будет каждый из гужей
В нужный миг отвязан.

Будет каждый из мужей
Делать, что обязан.

Мало ль что произойти
Может по пути[9].

VI. Кормщик[10]

После избрания каждому человеку было приказано взять на себя ответственность за собственную задачу, в результате этого рулевому было приказано сидеть у руля следующими словами:

Роль всегда найдется для
Рулевого:
Пусть садится у руля
Кормового.

Для его могучих ляжек
Труд не тяжек,
Он внимательный и сильный,
Он двужильный.

Невысокий, норовистый,
Мускулистый,
Страстный, яростный, живучий
И могучий.

Если волны все враждебней
Пенят гребни,
И дорога в океане
Вся в тумане,

Он удержит путь прямой
В непогоду
И оставит за кормой
Злую воду,

Не боится он волны,
Одичалой,

Не дает он слабины,
Самой малой.

Если бесконечный ливень
Непрерывен,
Если тащит, как в трясину,
Древесину,

Он не верит ни в какую
Казнь морскую,
Только ждет, чтоб миновало
Время шквала.

Он – сидящий при руле
Гордый воин,
На воде, как на земле,
Он спокоен,

Отлетает в облака
Пены обрезь,
Он – являет моряка
Строгий образ.

Снастью править потому
Надо плавно,
Чтобы ветер на корму
Брать исправно.

Чтоб пощады злая сила
Запросила,
Чтоб легко ладья домчала
До причала.

VII. Ответственный за бегучую снасть

Пусть силач, расставя ноги,
Тянет дроги[11],
Охраняет от напасти
Эти снасти.

Коль ладья трещит по шву,
По приказу
Он щеглу-середову[12]
Срубит сразу.

Он следить за ветром станет,
Делом занят,
И держать в порядке вожжи
Будет тоже.

Пясть его поднаторела
Делать дело:
Снасть удерживать вручную
Власяную.

VIII. Ответственный за прямой парус

Рядом – парень мускулистый
И костистый,
Пусть присмотрит, чтоб ветрило
Не дурило,

Чтобы парус не завис
Серединный,
Чтобы шел он вверх и вниз
В миг единый.

Буря стихнет, буря грянет,
Чуя встряску,
Он ослабит, он подтянет
Всю оснастку.

IX. Ответственный за косой парус

К носу, ловок и весом,
Парень сядет;
И на парусе косом
Гуж отладит,

Будут все при нем в порядке
Рукоятки,
И набои, и подзоры[14],
И распоры.

Он с умом подвяжет снасти
При ненастье
И надежною для тяжей
Станет стражей.

X. Впередсмотрящий

Пусть следит впередсмотрящий;
Направленье,
Пусть следит земли манящей
Появленье,

Пусть осмотрит все, что можно,
Осторожно,
Пусть воскликнет голосисто:
«В море – чисто!»

Пусть следит он каждый знак
Бездны водной;
Он в пути для вас маяк
Путеводный.

XI. Ответственный за снасти косого паруса

Пусть-ка парень смотрит в оба,
Чтоб особо
Не качалась снасть косая,
Провисая.

И надежно, и отлично,
И привычно
Он присмотрит меж делами
За узлами.

Парень крепкий, удалой,
Не измучен:
Управляться со щеглой
Он обучен.

Не упустит никакую
Снасть тугую,
Узел вяжет он скользящий,
Настоящий.

Ведь матросу по нутру,
Это дело –
Чтоб ветрило на ветру
Загудело.

XII. Море забурлило, кормщик пригласил следящего за волнами

Пусть у нашести со мной
Сядет рядом
Он, следящий за волной
Острым взглядом.

Пусть он будет чуть трусливым,
Но сметливым,
Ибо худо плыть по волнам
Трусам полным.

Пусть следит на всякий случай
Он за тучей,
Если небо беззащитным
Пригрозит нам.

Пусть меня он сей же час
Потревожит,
Чуть беду в пути для нас
Предположит.

Шквал вскипит волною мутной
И могутной,
В души ужасом плеснет нам
Безотчетным,

Если бесится вода,
Вихрь лютует,
Путь ладье держать куда –
Пусть диктует.

Пусть один за всех решает,
Не сплошает,
Чтоб уйти нам хоть сегодня
Прочь от взводня.

XIII. Откачивающий воду

Пусть ведром из плотной кожи
Парень гожий
Выливает за борт воду
В непогоду.

Все равно весь путь водица
Будет злиться,
Дождь и буря скроют овидь
Все равно ведь.

Он силен и длиннорук,
Он осилит:
Наберет в ведро тузлук
Да и выльет.

Парню – горе не беда,
И по силам,
Чтоб не хлюпала вода
Под настилом.

Он спокойно и в охотку
Сушит лодку,

Как просушивает солнце
Бочке донце.

XIV. Два человека назначены тянуть за боканцы[15], чтобы паруса не сорвало бурей

Ну, и вот еще: герои
Эти двое,
Двое сильных, грубоватых,
Волосатых;
Сберегают молодцы
Наши судьбы;
Им бы только взять концы
И тянуть бы.

Пусть, пришедши на подмогу,
Всю дорогу
Вожжи Дункан возле Яна
Тянет рьяно;
Оба – парни-великаны,
Оба с Канны.

XV. Шестеро запасных

Пусть-ка эта шестерица
Исхитрится
Потрудиться до упада
Там, где надо.

Будто от собак зайчиха
Мчится лихо,
Будто белка мчит в родную
Глушь лесную;

Чтоб заставил расстараться
Братец братца,
Чтоб у них всегда во власти
Были снасти,

Чтоб ладья легко домчала
До причала,
Чтоб Макдональда ветрило
Воспарило.

XVI. Путешествие

И когда все необходимое было сделано и каждый воин без страха и без робости занял свое место, они подняли паруса на рассвете дня Святой Бригитты, отправляясь из устья Лох Эйнорт на Южном Уйсте[16].

Выпал солнца шарик хрупкий
Из скорлупки,
Небо стало темным, хмурым,
Стало бурым;

Серой синью придавило,
И явило
Все тартанные расцветки
Напоследки.

Кратко вспыхнуло при этом
Семицветом,
И возник меж туч и радуг
Беспорядок.

Пестрый парус взмыл над райной
Неслучайно;
Заплескалась ткань сухая,
Набухая
Над щеглой, еще душистой
И смолистой.

Провисать возжам негоже,
Дрогам тоже,
Их концами укрепили
На ветриле.

Все закреплено надежно,
Что возможно
Для бойцов высокорослых,
Что на веслах.

Свод небес, пустых и сирых,
В темных дырах;
Туча крылья распростерла,
Скалит жерла.

Вскинулось над морем шквала
Покрывало
Грубое, в чернильных пятнах
Неопрятных.

Бурей океан измотан,
И встает он
То холмом, а то порою
И горою.

Злилась бездна роковая,
Завывая,
Злобно чавкая волною,
Как слюною.

В искрах моря опахало[17]
Полыхало,
Громоносна и багряна
Шла моряна.

Шла валов гряда седая,
Наседая,
Даль угрюмо лиловела
И ревела.

К небу нас морская сила
Возносила –
Паруса на гребне вала
Нам срывало.

Вниз несла волна другая,
Настигая:
Висли, как волокна пряжи,
Наши тяжи.

Бури уханье в сувое
Громовое;
Волн стенанье роковое
Горше вдвое.

Все отчаянней, все пуще
Шквал ревущий,
Но и кормщик в гневе диком
Шит не лыком.

Гребни пенные срезаем
И сползаем
В преисподню тьму подводну,
Чуть не пó дну.

Толпы яростных, злорадных
Чудищ смрадных,
Полный горьких сожалений
Крик тюлений.

Бесконечная болтанка,
Лихоманка,
Мозга взорванного брызги,
Треск и взвизги.

Рвется вопль из водной бездны
Бесполезный:
«Не покиньте раб смиренных
В долах пенных!»

Если выглянешь из лодки
В миг короткий,
Всюду прикоснется взор твой
К рыбе мертвой.

С ложа сорванные хлябью,
Плыли рябью
Горы донных, безобразных
Слизней грязных.

Море закипело чашей
Гнусной каши
С кровью мрази ядовитой,
Клешневитой,

Тошнотворной, маслянистой
И когтистой,
Многоглавой, бесноватой
И рогатой.

Из пучин всплывали орды:
Злые морды,
Сонмы чудищ вездесущих
И орущих.

Изнывало в этом вое
Все живое,
Внемля эдакому ору,
Сгинуть впору.

И стихия не сдержала б
Горьких жалоб
Демонов глубинноводных,
Безысходных.

К цели мчимся полным ходом
Вдаль по водам,
И в борта носы дельфиньи
Тычут свиньи[18].

И ворочается море
В тяжкой хвори
Меж ладьей и дальней сушей
Грузной тушей.

Нас в дороге постепенно
Топит пена,
И гремит над синей бездной
Гром небесный.

Круглых молний длятся пляски
Средь оснастки,
И висит над нами скверный –
Запах серный.

С морем небеса смешались,
Не решались
Огнь, Земля, Вода и Воздух
Дать нам роздых.

Но, поняв, что мы не сгинем
В море синем,
Вдруг притихла ширь морская.
Размякая.

На ладье – печальный гомон:
Руль поломан,
Вышли весла из уключин,
Всяк измучен.

Напрочь порваны на части
Наши снасти,
Напрочь выдраны кусины
Парусины,

Покорежена с испода
Вся колода[19];
Разломались, как тростины,
Решетины,

Нашесть дыбится любая,
Погибая,
И трещит доска кривая
Бортовая.

Хоть еще ветрило плещет
И трепещет,
Но, похоже, лопнут вожжи
Чуть попозже.

Все заклепки расклепало,
Все пропало.
Ничего, сказать по чести,
Нет на месте!

На ладье царит усталость:
Всем досталось.
Верить в то, что цело судно.
Нынче трудно.

У пролива на Гебридах
Сделав выдох,
Проявила буря милость,
Притомилась.

Удалилась с небосвода
Непогода,
Уступив черед отраде
Синей глади.

И молитва клана смело
Возгремела:
Сохранила нас сегодня
Длань Господня.

Паруса часы свои
Отслужили.
Мы щеглу на дно ладьи
Положили.

Вот и кончена дорога
До порога,
Нас гребок сосновых весел
К суше бросил,

Сделать шаг всего один
Надо скоро:
Каррикфергус – наш притин
И опора.

Только пища и вода –
Вся награда.
Но отсюда никуда
Нам не надо.

[1] Эта молитва возникла, видимо, потому, что автор знал Литургию Епископа Карсьюелла, которая содержит форму для Благословения Судна, идущего в море, где последовательно призывается каждый лик Троицы, а Рулевой занимает место Священника.
[2] Шпангоуты.
[3] Возвышение борта.
[4] Скамья в лодке, банка.
[5] Лодочная песнь, двойной термин: она исполнялась и как задающая ритм гребцам, и как отходная при отправке ладей с телами умерших вождей к месту погребения, на остров Св. Ионы.
[6] Часть весла от лопасти до валька.
[7] Стрингеры.
[8] Утки-пеганки живут на Гебридах круглый год.
[9] Ладья отправляется в плавание, видимо, сам глава клана или кто-то, им назначенный, называет одного за другим мужчин, которые стоят перед ним, ожидая указаний. Он называет их не по именам, а по личным качествам и по обязанностям на борту ладьи. Поэт, возможно, сам – персонаж картины, которую нарисовал, и назначил каждому члену экипажа роль по обстоятельствам, описывая в то же время внешность каждого так, чтобы его могли легко узнать те, кто был с ним знаком.
[10] Начиная с этой главы и до конца автор использует только sneadhbairdne (snay-vuy-erd-ne) – древнюю ирландскую форму, довольно редкую в Шотландии.
[11] Фалы.
[12] Грот-мачта.
[13] Брасы.
[14] Канаты для поддержки паруса.
[15] Здесь: при бакштагах.
[16] Св. Бригитта Ирландская, 1 февраля.

[17] Автор описывает появление на поверхности моря слоя «панцирных жгутиковых». Их огромные скопления заставляют море полыхать искристым огнем. При этом явлении массово гибнет рыба.

[18] Морская свинья (*Phocoena phocoena*).

[19] Киль.

Йан Руа Стюарт (1700–1747/52)

Перевод Е. Витковского

Йан Руа Стюарт, «Рыжий Полковник Стюарт», родился в Кинкардине, в горах близ долины Баденох в 1700 году; известно, что он был единственным ребенком в семье, и что матери его, когда он родился, было пятьдесят три года. Дед его был представителем баронов Стюартов, но сын его, отец поэта, (из-за происков «родни») титул уже утратил. Родным языком поэта и воина был гэльский, хотя стихи он сочинял и на английском. Стихов от него сталось немного: по нашим данным, это 12 произведений, изданных единственный раз в 1947 г. отдельной книгой, которая пока остается недоступной. Во время восстания принца Бонни Чарли Стюарта в 1745–1746 годах Йан Руа (или Джон Рой – по-английски) «Рыжий Полковник» командовал резервным полком эдинбургского ополчения, вместе с ним и потерпел страшное поражение в битве при Куллодене. Судя по тому, что никаких особых побед, кроме этой, герцог Вильям Камберленд, устроивший 16 апреля резню горцам Принца, не одержал ни до, ни после, прозвище «мясник» он заслужил недаром. К тому же Йан Руа Стюарт (как, видимо, и Принц) верил в предательство графа Джорджа Мюррея, хотя предателей хватало всегда. После поражения при Куллодене через крайний Север Шотландии (Кейтнесс) Полковник бежал во Францию; очевидно, там и умер между 1747 и 1752 годами. Самые знаменитые его стихотворения приводятся ниже. «Псалом» в оригинальной гэльской версии втрое длиннее английского варианта, который также приписывается ему; впрочем, сходство версий дальше первых строф не идет.

День Куллодена

Я плачу не над Божьей карой,
Но над жестокостью врага:
Господь, сынам отвагу дàруй:
К Тебе взывает Твой слуга.
Наш победитель – герцог Вильям:
Иссохнет пусть его рука!
Мы – колоски, мы не осилим
Презренной мощи сорняка.

О горе! Узурпатор трона,
Чудовище, Георг Второй,
Не чтя исконного закона,
Пригнал красномундирный строй,
Страшна не пушка, не бомбарда, –
Страшны – южане-дикари!
Всевышний! Карла-Эдуарда
На трон шотландский водвори!

Не отразишь меча тартаном,
У горцев слишком мало сил.
А к злобным лисам, к англичанам,
И Сатана благоволил:
Стихии стали им подспорьем;
Земля промокла, и тотчас
Дожди и вихри по нагорьям
Пришли, одолевая нас.

Безжалостные сассенахи
Торжествовали в этот день:
А мы рассеялись во прахе
Вдали от гор и деревень;
Лишь чародейством, самым черным,
Нас победила эта рать, –
Мы прячемся по склонам горным,
Врага не в силах покарать.

Тела, как память роковая:
Белеют меж альпийских трав.
Их бросили, не отпевая,
Не спеленав, не закопав.
Кто уцелел – проси защиты
Когда чужой земли достиг;
Преступны все, кто якобиты
И всяк мятежен, кто не виг.

Ликует армия чужая,
Венчает грабежом войну;
Несчастья наши умножая,
Нас гонят из страны в страну;

Разрушена твердыня Дуна,
В руинах пыльно и темно;
Все, что сулила нам Фортуна
Утрачено и сожжено.

Незабываемых видений
Проходит предо мною строй:
Цветы лесные в день весенний
Преклонены к земле сырой;
Не вечен миг победы вражьей,
Но жатву собирает смерть.
Смягчи, Всевышний, души стражей
И палачей умилосердь.

Я никогда не присмирею
Пред сей позорною судьбой:
Продажной гадине, Мюррею,
Проклятье шлю за этот бой;
Он мог служить чертополоху,
Но стал рабом иных щедрот:
Он предал всю свою эпоху –
И да взойдет на эшафот.

Есть поражению причины,
Но можно ли забыть о том,
Что в битве сгинули мужчины
С мечом в руках и со щитом;
Забвенья нет для этой раны,
И, если б мысль убить могла,
Сейчас бы торопились враны
Склевать английские тела.

Увы, печалуюсь недаром
И в скалах прячусь много дней,
Глядишь, не попадусь рейтарам,
Что в Кейтнесс привели коней;
Вооруженные вояки
Наглеющие в суете,
Обнюхивают, как собаки,
Погосты в вечной мерзлоте.

И разорен, и опозорен
Тот край, что приютил меня:
Не наберешь и горсти зерен
Здесь ни овса, ни ячменя;
А если где-то цел курятник –
Незваный гость в него полез:
Ты победил, английский ратник,
Ты проклят, как трухлявый лес.

Мы, словно загнанные звери,
Отодвигая смертный час,
Бежим и прячемся по мере
Последних сил, что есть у нас,
В нужде, в беде, в упадке духа,
Таимся под покровом тьмы,
Лишь горестно кричит сипуха
О том, как проиграли мы.

Псалом Йана Руа

Йан Руа Стюарт, – это я, –
Три дня бежал без передышки.
Я полощу в воде ручья
Свои несчастные лодыжки.

Пусть даже Кэмпбеллов орда
Придет за мной порой ночною,
Я верю: даже и тогда
Они не справятся со мною.

Семь раз молитву я прочту
И Петр, Апостол, чудо явит[1],
Измученность и хромоту
Он от меня уйти заставит.

И чудо нам еще одно
Подаст Небесная Царица:
Я верю, будет нам дано
Врагу вовек не покориться.

Но я на том себя ловлю,
Что на душе – одна забота:
На всех, служивших королю,
Теперь объявлена охота.

Тверды в своей неправоте,
Грядут враги по душу нашу;
Иисусе, Господи Христе,
Не дай испить нам эту чашу.

Я верю, что француз изгнал
Из Фландрии чужие рати,
Что он придет через Канал,
Британца призовет к расплате[2].

Его войска по дну пройдут,
Как Моисей во время оно,
И совершится правый суд
Над гордой ратью фараона.

Когда Израиль оттолкнул
Все, в чем была его свобода,
То стал царем над ним Саул
И сделался бичом народа.

А днесь Британская земля
Чужим терзаема владыкой[3];
Страна, отвергнув короля,
Лишилась права быть великой.

Молитве, Господи, внемли,
Ответь на горестные пени,
К Тебе взываю от земли,
Упав на слабые колени,

Да не останемся одни
Перед чужими племенами;
Всего лишь, Господи, верни
Судьбу, утраченную нами!

[1] Деяния, 3, 1–10 (первое апостольское чудо).

[2] Автор надеется, что, победив окончательно Британию во Фландрии в войне за австрийское наследство, Франция продолжит борьбу уже в Англии; вера основывалась на том, что именно победы французского оружия вдохновили принц Карла-Эдуарда на восстание 1745.

[3] Чужой владыка – Георг II, представитель ганноверского (немецкого) королевского рода.

Александр Камерон из Доханасси (ок. 1701–1788)

Перевод Е. Кистеровой

Данных о поэте очень мало, сохранилось лишь три или четыре его произведения. Известно, что в 1787 году он был назначен официальным бардом Горского сообщества земледельцев, и в следующем году умер.

Песнь к Дональду Бану, сыну Дональда Черного, лэрду Лохиеля

Пьем за здравие героя!
Кубок наполняй до края:
Сей обычай меж собою
Мы храним, не отступая.
А кому он не по нраву –
Жажды горькой тот достоин,
Бренди иль вино – во славу
Выпивает каждый воин.
Будь во славу, будь во славу.

Бренди, коль хорош на диво,
Кубок поднесу поближе:
Подниму неторопливо,
Красоту его увижу.
Не добро среди собратий
В сердце оскудеть любовью;
А кому привычны рати –
Пей Мятежника здоровье!
За здоровье, за здоровье.

Пей, Лохабер! Дональд юный,
За тебя здесь выпьет каждый:
Духом твердым мир подлунный
Удивил ты не однажды;

Странно ли, что облик строгий
Благородства дышит силой?
Кровью королевской многой
Полнятся героя жилы.
Королевской, королевской.

Плодоносна кровь струится,
О, Маккарибра потомки!
Мужеством крепка десница,
Подвиги славны и громки.
Пестрые щиты двойные
Вы носили без печали,
В бой идя, сыны стальные
Никому не уступали.
В битву шли сыны стальные.

Родичей твоих немало:
Здесь и Дрёлання наследник,
Дональд Слита – муж бывалый,
Твой по духу собеседник;
Доблестный потомок Шима,
Клуни Йохана отряды:
Люди их неодолимы,
За тебя сразиться рады.
За тебя сразиться рады.

Герцог Перта ищет боя,
Вот маркиза Энзи знамя,
Каттан встанет за тобою
С остро-синими клинками;
Стюарт Апинский достоин,
Внука Ранальда всяк знает:
Смелый вождь и добрый воин
Честь свою не запятнают.
Честь свою не запятнают.

Взоры не поникнут долу,
Дух людей твоих надёжен,
Не ослабнут в час тяжёлый,
Враг противу них ничтожен;

Будут мужественны в деле,
Отступления не зная;
Их огонь достигнет цели,
Вражии ряды сминая.
Вражии ряды сминая.

Сарычева Пустошь[1] силу,
Твердость духа показала,
Доблестная кровь бурлила –
Дедовский подарок алый.
И добудем коль корону
(В Троице – надежда наша) –
Славим Герцога знамёна! –
За тебя осушим чашу.
Будешь Герцог, славный Герцог.

Возле Пестрой Церкви[2] бились,
Одолели волчью стаю,
На удары не скупились,
Вражии ряды сметая.
Родичи с тобою вместе
Славу предков поддержали;
Испугавшись лютой мести,
Звери злые побежали.
Побежали, побежали!

Но спешили понапрасну,
Не избегли страшной доли:
Цвет мундиров ярко-красный
Изукрасил битвы поле;
Многие скатились главы,
Сметены злодеев орды
И прославил бой кровавый
Дух отважный наш и гордый.
Дух отважный, дух отважный.

Выпадет противным горе,
Ужас овладеет всеми –
Ты, герой, в кровавом споре
Победишь злодеев племя;

Держат славные знамёна
Воинов бесстрашных длани;
Перед силой их сплочённой
Расточатся англичане.
Расточатся англичане,
Расточатся англичане...

[1] Сарычева Пустошь – Gladsmuir *(скотс)* или Sliabh a' Chlamhain *(гэльск.)*, место сражения 21 сент. 1745 г., больше известного как битва при Престонпансе (Prestonpans).

[2] Пестрая Церковь – Falkirk *(скотс)* или An Eaglais Bhreac *(гэльск.)*, место победоносного для якобитов сражения 17 янв. 1746 г.

Роб Донн (Роб Маккей)
(1714–1778)

Перевод Е. Витковского

Принято считать, что родился трагик и сатирик Роб Донн («Роб с коричневыми волосами») в 1714 году в Стратморе, Сазерленд. Принадлежал к клану Маккеев, хотя вариантов его полного имени предлагается много. Он не только не выучил английского языка, но не научился даже читать по-гэльски. Еще в детстве он был замечен состоятельным скотопромышленником по имени Йан Маккей, писавшим стихи; тот, распознав талант мальчика, взял его на воспитание. Роб Донн служил в армии, но не в качестве простого солдата. Его период военной службы пришелся на 1740-е, когда он, по всей вероятности, находился на положении полкового барда.

Вся его жизнь была ограничена границами Сазерленда, говорившего тогда почти исключительно на гэльском языке, притом на диалекте, ныне полностью отмершем. Чаще всего, как это принято не только в Шотландии, он использовал в качестве ритма мелодию, притом нередко собственного сочинения. Если мелодия известна, это во многом упрощает задачи переводчика, ибо мелодия превращает силлабический гэльский стих в русский силлабо-тонический. Согласно биографу Донна, Иану Гримблу, Донн оставил больше мелодий, чем любой другой поэт восемнадцатого столетия, кстати – больше, чем Бернс, который, записывал бытующие мелодии, но сам почти не был сочинителем их.

Записей его поэтических произведений, сделанных под диктовку, сохранились единицы. Прочие были записаны современниками со слуха или на память. Их аутентичности повредило не только изъятие при записи всего того, от чего в те времена вспыхивали лица и бумага, но и намеренное упрощение умирающего диалекта. Однако поэт был настолько популярен в родном краю. что до самого конца XIX века продолжали отыскиваться ранее неизвестные его стихи и песни. Это были в прямом смысл *устные* стихи; сохранности их способствовала многовековая кельтская традиция слагать не столько стихи, сколько песни.

Первое отдельное издание стихотворений Роба Донна вышло через полвека после его смерти, в 1829 году. Второе воспоследовало лишь в 1899 году и содержало ноты к многим его песням. Буквально сразу появилось еще одно, где количество стихотворений превысило 200, что делает Роба Донна едва ли не самым плодовитым гэльским поэтом XVIII века. К сожалению, за этим почти ничего не воспоследовало. С тех пор больше книг не издавалось ни в оригинале, ни в переводе. Переведены по сей день на ан-

глийский только 3-4 хрестоматийных вещи, прочее же остаётся толком не изучено. На основе содержания стихотворений отчасти реконструируется его биография, на основании же документированных событий того времени, преимущественно имевших место на землях кланов Маккей и Сазерленд, где жил Роб Донн, реконструируется и сама эпоха патриархального быта гэльской Шотландии, стремительно отмиравшего к концу XVIII века. Научное издание произведений Донна пока что остается лишь мечтой его многочисленных поклонников.

Гимн Йану Маккею*

Уже не нужно звать врачей,
Ты путь окончил, Йан, сын Йана,
Благорассудный казначей,
Нас опекавший постоянно;
И тем, что ты – в земле сырой,
Мы опечалены до гроба,
А что придет такой второй,
Так в это верю не особо.

Вовек не требовал похвал,
На повод к оным невзирая,
Ты многим деньги раздавал,
Со многих деньги собирая.
Добравшись до порога тьмы
И оглянувшись у предела,
О многих не промолвим мы:
«Земля без них осиротела».

Они друг другу не враги
И не замечены в пороке,
У них записаны долги,
Они проценты платят в сроки;
Но крохоборственна рука
У оных бережливых скаред,
И в кошельке для бедняка
Она монету не нашарит.

Их перечислить не могу,
Но в мире их большой излишек;
Для них отрадней быть в долгу
У Бога, а не у людишек.
Воззрясь на тех, кто нищ и наг,
Ворчат и сетуют сурово:
«Зачем лишаешь Ты бедняг
Еды, питья, одежды, крова?»

Когда б умел я встать на путь
Веденья ваших дел и хроник,
Как много мог бы почерпнуть
Из них ваш будущий сторонник;
Узнал бы он в грядущий час,
Как ждали вас питомцы хижин,
И как надеялись на вас
Те, кто оболган и унижен.

Юнцы, не ждите, чтоб пришла
Немая просьба о защите;
Все ваши добрые дела
Заблаговременно творите[1];
Прислушайтесь к моим словам,
Несложна доброты наука;
Жалеть не доведется вам,
И в этом вам моя порука.

Решить легко, что я чудак,
Что обречен на неудачи,
Но я умею только так
И не хочу уметь иначе;
Не поворотишь время вспять,
Так надо ли по доброй воле
Однажды вечность обменять
На шесть десятков лет в юдоли?

Но к вам прислушивались мы,
На мудрость вашу уповая,
И наши скудные умы
Питала истина живая;

Здесь неуместна похвала:
Должны не забывать потомки,
Что ваша мудрость провела
Нас через бури и потемки.

Был горек вам кусок любой
При мысли о любом голодном,
Тот, кто тянулся к вам с мольбой,
О вопле не жалел бесплодном.
Другой копить бы деньги рад,
А вы делились год за годом,
И да воздастся вам стократ
За хлеб, отпущенный по водам[2].

Я вижу тех, кого нужда
Как червь, не усыпая, гложет[3],
Тех, кто сгорает со стыда,
Но ужина купить не может;
Я вижу страждущий народ,
Вдовиц в опорках и обносках;
Я вижу нищих и сирот,
Простых бродяг на перекрестках;

Я вижу смолкших скрипачей,
Забывших танцы вкруговую,
Я вижу бывших богачей,
Попавших в яму долговую,
Сей мироздания изъян,
Язвящий душу постоянно,
Исправить мог бы только Йан,
Да только нет на свете Йана.

Пусть в горле застревает ком,
Но вас оплакивают ныне
Не только те, с кем я знаком,
Но чуть не все в моей долине;
Мы потрясенно познаем,
Что в небо звезды запустило,
Сойдя за темный окоем,
Вчера сиявшее светило.

Как много песен в мире есть,
Порой звучащих в час печальный,
В них дурно пахнущая лесть,
В них нет отрады поминальной;
Пусть не похвалит судия
Мой гимн в назначенные сроки,
Но лишь о том поведал я,
Что уместилось в эти строки.

* Приемный отец Роба Донна, Джон Маккей из Мусала (или Страт), как его часто называли, был ипотекодержателем части Стралмора и жил в Мусале, недалеко от места рождения поэта. Он сам был поэтом и рано оценил гений барда. Роб Донн был нанят Маккеем и состоял при нем скорее как компаньон, чем как слуга. В 1729 году Йан Маккей собирал деньги с арендаторов по закладным земельной собственности в Классяхе.

[1] «...делайте свое дело заблаговременно, и Он в свое время отдаст вашу награду». Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, 51:38.

[2] «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его» Екклесиаст 11:1.

[3] «*...червем неусыпающим и огнем неугасающим*» (Мк.9:44).

Элегия для сыновей арендатора Риспанна

Лишь десять дней с начала года
Прошло, и вот, среди зимы
С людей долги взяла природа:
Троих похоронили мы.
Здоровым и отнюдь не старым
Казался холостяцкий дом,
Но вестник к каждому недаром
Грядет нежданным чередом.

Погодки из одной каморы,
С которыми пресекся род;
Открыта дверь под кров, который
Хозяев более не ждет,

Что меж собой наполовину
Всю жизнь делили все дела, –
И к домовине домовину
Одна могила приняла.

Да, были некогда у братьев
Родная мать, родной отец –
И прялась в нужный день для платьев
Непокупная шерсть овец;
Их смерть почти не разлучила:
Вот подошли похорона,
И братьям общая могила
Судьбою на двоих дана.

Блюдущий заповедей десять
Мнит, что сберег судьбу свою,
Но скупость не уравновесить
Пред Богом всеми десятью;
Вопрос исчерпан подчистую,
Кладбищенской землей прикрыт:
Росли, состарились впустую:
Их род оборван и забыт.

Семья любому денег стоит,
Однако выигрыш таков:
Никто поминок не устроит,
Не выпьет в честь холостяков:
И в час, когда придет глашатай,
Веля земной покинуть свет –
С собой возьмешь ли скот рогатый,
Где спрячешь свой запас монет?

Соседям утешать не надо
Детей и горестных вдовиц;
Питать собою будет стадо
Одних собак и диких птиц;
Их жребий, ни на что не годный,
Не отмолить мне в День Суда;
Их золото в земле холодной
Пусть остается навсегда.

Смиренный – с высшей волей Бога
Предусмотрительно знаком:
Кто в жизни получает много,
Делиться должен с бедняком;
Ни принужденья, ни традиций
Здесь чувствовать не должен ты:
Воздастся щедрому сторицей
За добровольство доброты.

Все сказано и все понятно,
Я слов обратно не возьму:
Но правда слишком неприятна,
И людям явно ни к чему;
Мне убежденье не по силе
И вы не слышите меня,
Как те, которых схоронили
Сегодня на исходе дня.

Элегия для Эхана

Рефрен:

Как много лет, как много лет
Одно лишь горе, горе;
И вот теперь лекарства нет
От сей последней хвори.
Пришла пора склониться
Испить из горькой чаши,
Но впереди – седмица:
Пути спрямите ваши.

Когда приходит Смерть, отсрочку
Не выпросить людскому роду:
Она поставит в жизни точку
И богачу, и нищеброду.
Осенний день минует быстро,
Зима ложится на округу;
Приходит Смерть в дворец министра,
Приходит к Эхану в лачугу.

Смерть равнодушна и упряма,
Не позабудет, не отринет:
Никто из племени Адама
Однажды встречи с ней не минет;
Мы все один удел разделим,
Равно безжалостен для всех он:
В дворце застигнут Смертью Пелем,
В хибарке жалкой – бедный Эхан.

Она хозяйствует в покоях,
Где суд законотворством занят;
Она приходит к тем, о коих
Никто и вспоминать не станет;
Привычно подводя итоги
На всех путях, во всех жилищах:
Она ведет в свои чертоги
Министров и убогих нищих.

Она грозит последним часом,
Она уже идет за нами –
И возвещает трубным гласом,
Что очередь не за горами;
Об Эхане на смертном ложе
Сосед слыхал ли хоть единый?
О Пелеме не все ль вельможи
Узнали в час его кончины?

Сопротивленье тут негоже –
Кто здесь истец и кто ответчик?
Две жизни конченых похожи
На пару догоревших свечек.
Уже и не чадят огарки,
И нет ни жалобы, ни стона.
Смерть одинакова в хибарке
И на ступенях возле трона.

Стихи для Джона Маккея*

Мне нынче снова одиноко.
Вокруг печаль и сожаленье.
Иссохли папорть и осока,
И пусто пастбище оленье.
Тоска переполняет землю,
В природе – торжество разлада.
Все то, что выпало, приемлю,
Хоть это и не то, что надо.

Без сна, без голода, без жажды,
С душой, что вечно не на месте,
Я жду с тревогой вести каждой,
Боясь дождаться скорбной вести.
Кто – радостен в такие годы,
Кто – их считает лихолетьем.
Однако тут закон природы:
Я стар, и не поспорить с этим.

Что ж, Хью: с косой не ходят в поле,
Коль солнца нет на небосводе.
Нам не избегнуть общей доли,
А время вечно на исходе.
Не забывайте встречу нашу
На празднике в моей лачуге.
Мне север желчью полнит чашу.
Пусть будет вам легко на юге.

Вы нынче в каменных хоромах,
В Баркалдине, в старинном доме,
Среди друзей, среди знакомых,
А я весь день в тоске и дреме.
Мне тяжело даются строчки,
Слабеют связи меж словами,
Как хорошо, что вы у дочки,
Как жаль, что я сейчас не с вами.

Пусть мне и не уйти отсюда,
Однако думаю все чаще

Что на земле не так уж худо,
Что все дурное преходяще.
Туман в моем сознанье хвором,
Но вы с поводьями и стеком
Перед моим духовным взором
Стоите в ореоле неком.

Тянулась в даль моя дорога,
Среди полей, среди дубровы,
За эти годы как же много
Узнали обо мне коровы.
Печален мир, небезгреховен,
Но в жалобах не вижу прока.
Да будет путь ваш прям и ровен,
Хоть мне без вас и одиноко.

* Стихотворение представляет собой письмо, написанное по просьбе и от имени приемного отца, уже не находившего в себе сил для сочинительства, к другу, находившемуся на юге Шотландии.

Портки Макрори*

Рефрен:

Всюду слезы, всюду горе:
Кто-то спер портки Макрори;
Накануне были танцы,
Ночь прошла, – пропали штанцы.

Всё ходить бы Хью на свадьбы:
Пить бы там, да танцевать бы,
А потом на сеновал
Звать девчурок;
У такого парня, братцы,
Как порткам не потеряться?
Больно весел он бывал,
Больно юрок.

Тут больные бы заржали:
Он надрался, как в кружале,
Он в утробу влил свою
Жбан винища.
Вот уж горе у бедняжки!
Задирает парень ляжки.
Вон из кожи лезет Хью,
Всюду рыща.

Йан-папаша, вы страдали,
Унесли портки подале,
Вам, видать, не по нутру
Малый этот;
Но ни в чаще, ни в болоте
Вы их сами не найдете
Уж, поверьте, не к добру –
Этот метод.

Катриона, ставши тёщей,
Поступите много проще:
Перед вами все равны,
Тут забота:
Поищите домочадца,
Чтоб не думал отмолчаться,
Если он забрал штаны
Для чего-то.

На штанах на тех разлатых
Только дыры на заплатах,
И сплошная канитель –
Слезы, просьбы;
Йан Макдональд[1], хрен богатый,
Не хранил бы в них дукаты:
Лоскута бы на кошель
Не нашлось бы.

Йан Макдональд, стыд отринув,
В них не спрятал бы цехинов;
Том за этот маскарад
Не в ответе;

Ни со страха, ни со злобы
Не налезли на него бы,
На его огромный зад
Штанцы эти.

Йан из Мойна взял бы вряд ли;
Ведь на что бы этой падле
Силы тратить на штаны,
Рвать здоровье;
Да и вовсе в селах наших
Не подаришь, не продашь их,
Лишь на вервия годны
На коровьи.

Не пускайте парня в плавни:
Хоть и способ это давний
Убежать от мошкары
В самом деле;
Но положено мужчинам,
Чтоб на месте на причинном
Пчелы, мухи, комары
Не сидели.

Голый зад средь куманики
Для хорька соблазн великий,
Коршунью и воронью
Заморочка;
Мало, что с умом не ладит.
Так еще и наземь сядет,
А к чему дразнить змею
Пятой точкой?

Не пришьется дырка к дырке:
Этой тряпке не до стирки:
Парень жизнь провел в бою
С долей жалкой;
Штопай тут или не штопай,
Просидел тяжелой жопой,
Всю протер ширинку Хью
Буйной палкой.

При своих, при посторонних
Вам желаю, Йан Маккоих,
Счастья в дочках и в сынах
В доме отчем;
Жить легко и на свободе, –
Словом, при любой погоде
Оставаться при штанах
И при прочем.

* Случай имел место в 1747 на свадьбе Изабели, дочери Йана Маккея и Йана, сына Кеннета Сазерленда. Поэта не пригласили на свадьбу, он не был с ними особо близок. За ним все же послали. Разговаривая с посыльным, он узнал, что Хью Макрори потерял свои штаны. Когда его пригласили петь, он спел эту песню. Килт был в то время был запрещен, и штаны служили предметом шуток и жалоб.

[1] Йан Макдональд присвоил часть золота, которое люди принца Чарли бросили во время бегства близ Лох-Хакона. Когда лорд Рэй узнал об этом, тот деньги вернул.

Песня о судебном разбирательстве по поводу Хью Мак Рори

По поводу высылки с места у леса графа Рэй, где он жил, на ручей Малди

Для огорченья повод есть,
Того не утаю,
Дошла до нас дурная весть,
Что высылают Хью.
Как ни вертись, наверняка
Придется поплатиться,
За то, что слишком велика
Его пороховница.

Судебный следователь:
Достоин угодить в тюрьму
Такой попратель прав.

Уже два раза мы ему
Выписывали штраф.
Законом вменено судам
Радеть об общем благе,
Но даже двух грошей не дам
За две его присяги.

Защита:
Разить оленей наповал
Для дворянина – спорт.
Охотно на охоту звал
Его с собою лорд.
Едва ль большое удальство
В прискорбную годину
Обманом оторвать его
От службы господину.

Судебный следователь:
Он мог покаяться давно.
Когда бы захотел,
Да вот свидетелей полно
Его преступных дел.
Твердят раздол и перевал
О том, что непременно
Он, настрелявшись, ночевал
У каждого дольмена.

Защита:
Я сим известием смятен,
Однако не пойму,
Зачем бы хоть один дольмен
Был надобен ему?
Но коль раздолу и холму
Отправит суд повестку –
Так я и слова не возьму,
Чтоб возразить в отместку.

Судебный следователь:
В чащобы он без спросу лез
И рушил благодать;

Понятно, что оленей лес
Ему не мог не дать.
Холмы и долы мне велят
Услать его в долины,
В какие не гонял телят
Погонщик ни единый.

Городская и деревенская жизнь

Майри:
В деревне жить – и стыд и срам,
Там жизнь – одна волынка.
Непросто лазить по горам,
Непросто жить без рынка.
К чему скучать мне по селу,
К чему терять здоровье?
Там лишь солома на полу
И царство там коровье.

Изабель:
Укромен и хорош камин
У короля в каморе,
Но воздух чист среди долин
Любых расцветок море;
Сюда, в раздольные края,
Ручей стремится горный,
И сладкозучней песнь ручья
Всей музыки придворной.

Майри:
Мне гадок эдакий досуг,
Долины грусть растравят, –
К девице разве что барсук
Там интерес проявит;
К чему мне лес, к чему река,
К чему раздол хваленый?
Одна зеленая тоска
От той травы зеленой.

Изабель:
Ты красоту земли не трожь;
Лишь радоваться надо,
Смотря на то, как молодежь
Перегоняет стадо;
Поди, и парень будет рад
С тобой присевши рядом,
Не на один лишь водопад
Глядеть влюбленным взглядом.

Майри:
На прелести земли взирай,
Да только холодина
Навалится на горный край
С приходом Халлоуина;
Пожухнув, облетят листы;
Черед дурной погоде;
И ни малейшей красоты,
Не сыщется в природе.

Изабель:
Но ход светила неустан,
И ни к чему кручина:
Листвой покроются в Бельтан
Береза и лещина;
Година ласковых ветров,
Черед трудов урочных,
Приготовления сыров
Творожных и молочных.

Майри:
Ни про сыры, ни про творог
Я песен петь не стану,
Не накосивши сена впрок,
Не сделаешь сметану.
Уж лучше в город поспешать,
Где жизнь отнюдь не пряник.
Чем всякой гадостью дышать,
Когда горит торфяник.

К леди Рэй*

Вы заслужили, госпожа,
Признательность двойную;
Вниманьем вашим дорожа,
Я вас не разволную.
И я особенно ценю,
Что вы, сие затеяв,
Боюсь, прогневали родню,
Вступясь за честь Маккеев.

Примета яркого ума –
Поступок ваш свободный;
Теперь обязан вам весьма
Ваш деверь благородный;
Вас вовсе не смутил скандал,
Хоть перемирье хрупко;
От женщины никто не ждал
Подобного поступка.

Теперь поклоном до земли
Приветствуем вас, ибо
В парламент лично вы ввели
Владельца замка Скибо.
Сбор голосов весьма непрост,
Сей труд отнюдь не женский;
Я дал бы вам судейский пост –
Скажу по-деревенски.

Теперь проведайте, мужи,
О продолженье басни:
Другой поступок госпожи
Для нас куда прекрасней;
Гостей почтили вы с лихвой,
Вы не давали взятку,
Притом, что отдохнул конвой,
Надравшийся с устатку.

К вам обратил несчастный взор
Один из отщепенцев,

Солдат что мчал во весь опор
От злобных сазерлендцев,
Он полагал, что ваш дворец
Его судьбу изменит,
И вот защиту наконец
Обрел тот самый Кеннет.

Аресту, в общем, не бывать,
Скрипач смычком задвигал;
Пытался кто-то танцевать,
А кто-то просто прыгал,
Тот напивался, тот рубал,
А тот ругался сонно,
И превратился этот бал
В сюжет для Роба Донна.

Вы твердо встали на порог,
Вас тронули б едва ли:
Гость проскользнул меж ваших ног
И поминай как звали;
Сколь был прекрасен этот жест:
Наперекор невзгодам
Шмыгнуть близ тех прекрасных мест,
Откуда все мы родом.

* Кристина, дочь Сазерленда из Пронси. Она попала в клан Маккей (враждовавший с кланом Сазерленд) к заметному неудовольствию оного, как вторая жена его вождя 4-го графа Рей, Дональда (1705–1761). Однако, когда брат лорда, достопочтенный Джордж Маккей из Скибо, выступил в качестве кандидата в парламент от графства, влияние ее светлости обеспечило ему это место. Это возвысило ее в мнении клана Маккей. Вскоре после того некий молодой человек по имени Кеннет Сазерленд бежал из своего полка и нашел убежище в Дурнесе, где, однако, он был арестован. Леди Рэй развлекала его преследователей танцами со своими слугами и обильной выпивкой, что дало результаты: дезертир исчез и больше о нем не слышали.

К доктору Мунро

О чуде доктора Мунро
Трезвонят все соседи.
Великое творя добро,
Он спас здоровье леди.
Не подвело его чутье,
А то ведь вправду горе,
Что ни единый врач ее
Не излечил от хвори.

Искусство дивное врача
Явилось в деле данном:
Он применил, ее леча,
Целебный лауданум.
Не нужно фунтов и гиней,
Чтоб сгинула хвороба.
На свете средствий нет сильней,
Чем те, что есть у Роба.

Об этих средствиях из книг
Не вызнать, тем не мене
Здоровье возвратилось вмиг,
А не платить – ни пенни.
Теперь открыт ему кредит:
Он дал отпор недугу;
Его судьба вознаградит,
За оную услугу.

Здесь указанья вовсе нет
На блажь и мягкотелость;
Со всею страстью юных лет
Лечиться ей хотелось.
Попробуй истину оспорь
Сей песни немудрящей:
Сколь горше и тоскливей хворь,
Тем исцеленье слаще.

Шлюп «Джейн» из Риспанна

Старикан-торговец, муж былой поры,
При жене-старухе, притом без детворы,
Мачты обветшали, им ремонт не нужен,
Папортью горелой трюм худой нагружен.

Старый якорь вовсе унесли шторма,
Стар бушприт подгнивший и стара корма,
Старая обитель перекатной голи,
Старая посудина на хламном приколе.

Трое геркулесов, трое бедолаг,
Ни один не счастлив, ни один не благ,
Реи обломались, снасть висит убого,
С этой домовины не возьмешь налога.

Сущая заноза для бедного *рантье,*
Лишняя забота в его житье-бытье,
Потому как ныне ждать доходов глупо
Старому владельцу эдакого шлюпа.

Растопырил ребра – вот и весь парад,
Ничего с такого не возьмет пират,
Сломанного компаса старая вертушка,
Табака иссохшего последняя понюшка.

Старая развалина на старом берегу,
Старая подошва к чужому сапогу,
Смерть-старуха медлит на твоем пороге.
Даже морю стыдно за тебя, убогий.

Кристина Фергюсон
(Даты жизни неизвестны)

Перевод Е. Кистеровой

Произведения Кристины Фергюсон относятся к 1745 и 1746 годам. Писала о потерях и разорении гэльской культуры после Куллоденского сражения, которым трагически завершилось Второе якобитское восстание. Считается, что Кристина Фергюсон была замужем за Улемом Чизхольмом, близким родственником главы клана Чизхольм. В день Куллоденской битвы он был знаменосцем клана, мужественно сражался и погиб.

Песнь, посвященная памяти мужа, в сборнике Маккензи имеет заглавие «Плач по Улему Чизхольму», но больше известна по своему рефрену как «Mo Run Geal Og» (буквально «Моя юная прекрасная любовь» или «Мой юный прекрасный возлюбленный»).

Любимый мой

Горе, Стюарт! Юный Чарли,
Ты печаль принес мне злую,
В целом свете одинока
И жестоко я тоскую;
Не о доме, не о стаде,
Но осталась я без мужа,
С ним ушло, что прежде было, –
Я судьбы не знаю хуже.
    Любимый мой.

Сердце бедное не тронет,
Кто за трон идет войною,
Лишь одна тоска утраты
Безотрадная со мною;
Как печаль свою отброшу,
Коль дороже не бывает?
Короля в душе безгласной
Ежечасно затмевает
    Любимый мой.

Ты сложён был безупречно,
А для плеч – портной проворный
Мог едва фасон придумать,
Чтоб костюм скроить просторный;
Два лосося серебристых
В речке быстрой, где пороги –
Так, в чулках, сильны на диво
И ретивы были ноги,
Любимый мой.

Ты был строен, как рябина,
Лебединая порода,
Сладость не забыть былую –
Поцелуй со вкусом мёда;
Взор был светел и отраден,
В долгих прядях волос вился,
Всяк видавший то и дело
Красоте твоей дивился.
Любимый мой.

Ты рыбак был добрый, сильный,
Приносил улов немалый;
И ружьё твое исправно
Дичь в дубравах добывало;
Помню лай весёлой своры –
Гибель скоро ждёт оленя,
Будет он твоей добычей,
Как обычно, без сомненья.
Любимый мой.

Силу знал свою и меру,
И в таверне без печали
Ты платил, а истомлённых
Под столом уж привечали;
Не гонялся ты за хмелем,
Не умел шутить с другою,
Не водил игру дурную,
Что жену лишит покоя.
Любимый мой.

Всё жила во мне надежда:
Слыша прежний зов знакомый,
Ты придёшь прямой дорогой
На порог родного дома.
Время долгое минуло,
Не вернулся муж мой милый,
Так любовь, да слёзы жгучи
Неразлучны до могилы,
Любимый мой.

Горе, горе, мне несчастной,
Вздохи часты, сердцу худо,
Утешения не чаю,
Лишь печали отовсюду;
Ни волынка или скрипка,
Ни улыбчивые взгляды
Сердце снова не разбудят
И не будет мне отрады,
Любимый мой.

Горе душу растерзало,
И сказавши, не солгу я:
Коль ушла из жизни радость,
То навряд найдешь другую;
Муж разумный и отважный,
Кто не скажет злого слова, –
Не найти тебе, Куллоден,
По раздолам вновь такого.
Любимый мой.

Много в мире жен богатых,
Шелк и злато – мне не диво,
Им на зависть был мой милый,
Добрый, сильный и красивый;
Хоть сребром осыпь Ганновер,
Всё равно б не потерпела,
Если б вдруг тебя иная
У меня отнять хотела,
Любимый мой.

Много жен сейчас рыдает,
Остров Скай лежит в печали,
Многим тяжка доля вдовья,
Но подобно мне – едва ли;
Дни с тобой теплом согреты,
Полны света были, милый,
Без тебя же потускнели,
Я веселье позабыла,
Любимый мой.

Лахлан Макферсон («Страмаси») (1723 – ок.1795)

Перевод Е. Витковского

Больше известен как Страмаси (т. е. «Владетель Страмаси»). Поддержал восстание принца Чарли; служил чиновником в полку вождя Эвана Клуни Макферсона (1706–1764). После разгрома восстания семья Страмаси избежала репрессий и даже после конфискации состояния семьи Клуни продолжала пользоваться правами арендного договора на большой земельный надел в долине Баденох. Очевидно, все девять лет, пока Клуни скрывался в горах, Страмаси с его ведома управлял долиной. В источниках его имя упоминается из-за близкого родства с Джеймсом Макферсоном («Оссианом»), но нет никаких свидетельств того, что он принимал участие в работе родственника. Наиболее известным его произведением остается элегия на смерть знаменитого вождя клана Макферсонов, известного «Клуни 45».

Среди уцелевших произведений поэта «Белая свадьба» занимает особое место, ибо в ее основу лег необычный, чисто горский сюжет. «Белая свадьба» устраивалась там, где в XVIII веке еще сохранялось достаточно многочисленное гэльское население. Такой брак был одним из старинных обычаев: он заключался между людьми не только хорошо обеспеченными, но немолодыми даже по меркам долгожителей-горцев. Среди свадебных гостей бывал Лахлан Макферсон, чьи стихи и скрипка были в Баденохе необходимой деталью праздника. Поэт, склонный к юмору, видимо, развлекался, созерцая компанию приглашенных на свадьбу, убеленных сединами гостей.

Элегия для вождя Клуни Макферсона († 1764)

Чем дольше век – тем легче тьма
Нас делает добычей тленья;
Все чаще меч или чума
Приходят, множа преступленья;
Зла добротой не обороть,
Победно разве что коварство:
Изволит гневаться Господь
И низвергает государства.

Я взял бы меч, как якобит,
Не ради славы или денег:
И был бы вскорости убит,
Как дезертир и как изменник;
Иной бежал, иной в грозу
Страшился званья святотатца;
Но человек – бельмом в глазу! –
В Шотландии решил остаться.

Считать потери тяжело
И флангов, и арирегарда:
Но горцев много полегло
Во славу Карла Эдуарда,
Однако лучше промолчу
Про все, что помнится доныне:
Одни достались палачу,
Спаслись другие на чужбине.

Все девять лет железный гэл
Восстанья дожидался втуне,
Но спорить с принцем не посмел;
Отплыл за море гордый Клуни;
Не запятнавший ранг вождя,
Он вынес тяготы и беды,
Девиз единственный твердя:
«Кто памятлив, тот жди победы!»

Боец неистовый, герой,
Чья месть безжалостна бывала;
Вскипала ярость в нем порой
Подобьем пламенного шквала;
Казалось – он близнец волне,
Что рваться в скалы только рада,
И верещатникам в огне,
И грохотанью водопада.

Но в нем, отнюдь не сгоряча,
Проснуться мог противник страшный;
Тогда мгновенно и сплеча
Он наносил удар палашный;

Борец, но также и судья,
Сомненья в глубь души запрятав
Он был острее лезвия
Для чужаков и супостатов.

Враг воровства и грабежа
Впустую он не прекословил:
Поводья шуйцею держа,
Десницу к выпаду готовил;
Но клятву принести могу:
Никто и никогда не видел,
Чтоб, гибелью грозя врагу,
Он невиновного обидел.

Он тщательно скрывал черты
Своей неукротимой мощи;
Но коль к вождю допущен ты –
Ее заметить много проще.
Мужчину узнаёшь в строю:
Хор Девяти молчать не сможет;
Коль духом слаб, на смерть твою
Элегию никто не сложит.

Когда же гнев сходил на нет
Как ласков становился воин!
Он был приветлив, как рассвет,
И как закатный миг, спокоен.
Он отдавал себя, как дар –
Вождю и эта роль по силе!
Его любили млад и стар,
А женщины – боготворили.

Он принял добровольный крест:
У горцев стража недреманна.
Где Клуни выставил разъезд,
Там больше нет людей тумана.
И скотоводы, наконец,
Постигли смысл таких отрядов:
Расти коров, паси овец,
Не опасайся скотокрадов.

Тревога – нам, ему – покой:
Он к телу больше не привязан,
Но Правосудною рукой
Вознагражден, а не наказан.
Я небесам молитву шлю:
Пусть я сегодня и несчастен, –
Парламенту и королю
Мой вождь вовеки неподвластен.

Белая свадьба

Рефрен:

Не желает нам добра,
Сгинет в доле крохоборской;
Кто не видел серебра
Белой свадьбы, свадьбы горской!

До Пак-улла путь неблизкий,
Но уж как хорош тот угол,
Где восьми галлонам виски
Подарил гостей Мак-Дугал!

И собрался люд окрестный,
Смуглый и во всем единый:
Для таких гостей уместны
Благородные седины.

Но жених на всякий случай
Молвил барду: «Я не скрою –
День сегодня невезучий
Для смешков над сединою!»

«Дело ясно, дело чисто! –
Пит Макферсон внес поправку, –
Где тут галстух из батиста?
Мигом смастерим удавку!»

Проповедник молвил грозно:
«Кто смеяться станет, скоро
Вспомнит: седина серьезна!
Смех ведет к скамье позора!»

Рек седой учитель следом:
«Эти обвиненья тяжки!
Если барду стыд неведом –
Пусть готовит к розгам ляжки!»

Но закончил смелый самый:
«Эдак праздник весь насмарку!
Бард, плати эпиталамой –
Заслужи большую чарку!»

Свадьба – это время танцев;
Музыка – сигнал к атаке!
Так пошли бы на голландцев
Седовласые вояки.

Сын молодожена, впрочем,
Спать улегся, пьяный в доску,
В состоянье нерабочем:
Шестьдесят и семь подростку!

Но зато уж молодая
Сыну не жалела чаши:
Он плясал, легко болтая
С юным правнуком папаши.

А жених молодцеватый
В горском танце льнул к невесте:
День, событьями богатый,
Завершился честь по чести!

Но не все на свете просто;
Гость посиживал в сторонке,
Лет неполных девяноста:
Он вдову не взял бы в женки!

Даже если горский норов
Посчитают за причуду –
Я толпу седых танцоров
До могилы не забуду.

Сатира на мышей

1

Как много есть того в миру,
Что часто нам не ко двору
Ни поутру, ни ввечеру.
Вот, кое-что переберу.

2

Крестины, свадьба, смерть, вестимо,
Все то, что зримо, что незримо,
И музыка, и пантомима,
И многое того помимо.

3

Раздор собаки и кота,
Пропажа лучшего скота,
Ущерб от лишнего крота,
Жена, и дети, и счета.

4

Но нынче будут разговоры
О тех, кто населяет норы:
И это мыши, это воры –
Наигнуснейшие обжоры.

5

Подслеповатая орда
Отлично знает, где еда:

Придет закусывать, когда
Отужинают господа.

6

Они, как завещали предки,
За харч не платят ни монетки,
И предков слушаются детки,
У короля таща объедки.

7

Из Далнакардоха взашей
Пытались вытурить мышей,
Но не увидит барышей
Хозяин, как своих ушей.

8

Однако мой приказ таков:
Детей покиньте, стариков
И до скончания веков
Не объедайте бедняков.

9

Ищите, мыши, лучшей доли:
Идите отдохнуть в Атолле,
У замка Блэр, в окрестном доле,
Когда дотащитесь дотоле.

10

Вам предначертано судьбой
Вломиться к Герцогу гурьбой;
Идите там чинить разбой
Хоть всемером в чулан любой.

11

Пляшите, мышки разудалы:
Сто раз вы будьте объедалы,
Сто раз вы будьте обпивалы –
Полны у Герцога подвалы.

12

Потом любезны, государи,
Идите в Данкельд за Лох-Гарри.
Там не найти мерзее твари,
Чем Джонстон при его товаре.

13

Там год-другой, живя в достатке,
Блюдите прежние повадки,
Плодитесь, славные мышатки.
И будет все у вас в порядке.

14

Я открываю вам кредит!
Вот одеяло, вот бисквит,
Я верю: этот славный вид
У вас разбудит аппетит.

15

Короче, съешьте все до крошки:
Шелка, одежки и сапожки,
Все масло выпейте из плошки –
И не оставьте ни лепешки.

16

Вот вам задача для затравки
Грызите, требуйте добавки,
Поскольку сам хозяин лавки
Паскуднее слюнявой шавки.

Дункан Бан Макинтайр (1724–1812)

Перевод Е. Витковского

Очевидно, самый знаменитый гэльский поэт вообще, хорошо, научно и многократно изданный, Бард Охотник из Гленорхи, к имени которого гэлы почтительно добавляют «nan Òran» (букв. «от Песен») – такого прозвища удостаиваются не более чем один-два поэта на поколение; Bàn («красивый») – прозвище поэта: с юных лет до старости он был исключительно хорош собой.

Родился в Гленорхи (Аргайлшир), в одном из самых недоступных районов Горной Шотландии. Родители не могли отдать сына в далекую приходскую школу, поэт за всю жизнь так и не научился ни читать, ни писать. Первую песню он сложил после того, как очень странным образом поучаствовал в битве правительственных войск с войсками горцев, которые возглавлял несостоявшийся король Шотландии Карл III, Красавчик принц Чарли. Битва произошла 17 января 1746 г. при Фолкерке (букв. «Пестрая Церковь»). Дункан находился не на стороне якобитов, а среди войск проправительственного клана Кэмпбеллов, причем был нанят в качестве бойца неким Флетчером из Гленорхи, не захотевшим воевать лично и выставившим Дункана как «замену». В этой битве, неудачной для правительственных войск, Дункан, видимо, участвовал чисто формально. По крайней мере, меч, врученный ему нанимателем, он потерял в бою, а что более вероятно – бросил, спасаясь. Пользуясь этим поводом, владелец меча отказался заплатить сумму, за которую нанял Дункана. Дункан в ответ сочинил «Песню о Сражении при Пестрой Церкви», где высмеял Флетчера, пославшего его на войну; поэт горестно описал «огрызок жалкого клинка, отнюдь не меч, скорей обломок» и чья потеря «разъярила, как осеннего барсука» его владельца. Песня немедленно стала популярной и рассердила нанимателя: он напал на поэта, избил тростью и предложил «теперь сочинить песню об этом». Наниматель был приговорен графом Бредалбейном к выплате барду трехсот шотландских марок.

Граф Бредалбейн (1696–1782) был неизменным покровителем Дункана Бана и назначил его лесником и егерем непосредственно в Раздоле Туманов в нескольких милях от южного отрога Бен Доран (букв. «Гора Выдры»), которые бард воспел в знаменитых поэмах. Там поэт прослужил около двадцати лет, это были лучшие годы его творчества. В 1767 г. поэт, увидевший, что завезенные с юга овцы начинают вытеснять с пастбищ столь дорогих ему оленей, к тому же не поладил с неким Макъюэном, слу-

жившим у графа управляющим; Он переселился в Эдинбург и поступил на службу в Городскую Стражу, рассчитывая, что у него останется время для занятий поэзией; надежда эта оправдалась лишь в малой степени.

К этому времени его песни завоевали известность у гэльской аудитории, привыкшей не столько читать, сколько слушать. Друзья решили издать их: традиционного пения у очага поэту было явно недостаточно, хотя бард и был неграмотен. Выход нашелся: сыну священнослужителя, будущему доктору Стюарту Лессу, позднее известному в качестве одного из переводчиков гэльской Библии, поручили записать тексты песен под диктовку барда. Они были отпечатаны в Эдинбурге в 1768 г. под названием «Гэльские Песни Дункана Макинтайра». Книга отличалась композиционным совершенством: она состояла из 26 произведений, начиналась «Песней о Сражении при Пестрой церкви» и завершалась монументальным поэтическим пиброхом «Хвала Бен Дорану». Тираж её неизвестен, но был явно больше тысячи экземпляров. Второе (расширенное) издание книги Дункана вышло в 1790 г., третье – в 1804 г.; последующие издания были посмертными и счет их давно перевалил за десяток.

Гонорар за третье издание, а также назначенная Дункану священнослужителем острова Лисмор Дональдом Макниколом небольшая пенсия позволили поэту оставить службу и прожить последние годы в Эдинбурге в относительном достатке, при этом продолжая сочинять свои стихи-песни. Единственное точно датируемое произведение поэта – «Последнее прощание с горами» – создано после 19 сентября 1802 г., когда он в последний раз провел целый день на склонах Бен Дорана.

Бард умер в Эдинбурге на восемьдесят девятом году жизни и был похоронен на пресвитерианском кладбище 19 мая 1812. Только 6 октября 1812 г. The Scots Magazine and Edinburgh Literary Miscellany поместил заметку, сообщавшую о смерти поэта. В 1859 г. на средства, собранные по подписке, был установлен гранитный памятник поэту высотой в 44 фута (ок. 13,4 м) над родной долиной поэта Гленорхи. В 1875 г. памятник посетила королева Виктория. В 2005 г. памятник был полностью отреставрирован.

В поэтическом отношении основное влияние на автора оказал Аласдайр Макмастир Аласдайр (Александр Макдональд), крупнейший поэт предыдущего поколения, яростный якобит, скрывавшийся от властей, однако сумевший издать в Эдинбурге в 1751 г. первый поэтический сборник на гэльском языке. Повлияли на творчество Дункана Бана прежде всего пейзажные стихи Макдональда («Сахарный Ручей», «Песнь о зиме», «Песнь о лете»); между тем сами «песни о временах года» Макдональда созданы под сильным влиянием английских, написанных белым стихом поэм Джеймса Томсона. Макинтайр развил также и разработанный Макдональдом прием воплощения музыкальной формы пиброха в поэтическую симфонию, где чередуются темы и вариации к ним.

Творческое наследие поэта составляет около шести тысяч поэтических строк, это более 60 стихотворений; произведения поэта фрагментарно переводились на многие языки.

Песня о битве у Фолкерка*

Мы, ополченцы короля,
Как полагается героям,
Разгром мятежникам суля,
На поле боя вышли строем.
Но враг сумел войска собрать,
И не стреляя, в беспорядке,
В бега пустилась наша рать
От наступавших нам на пятки.

Как и обычно, в этот раз
Победы ждали мы, однако
Имелось мнение у нас,
Что принц и вовсе не вояка.
Но все пошло и вкривь и вкось,
И так случилось отчего-то,
Что очень скоро нам пришлось,
Спасая шкуру, лезть в болото,

Пока воитель невредим,
Он полагает временами:
Да как же мы не победим?
Да кто не дрогнет перед нами?
Как мчатся овцы от собак,
Отхорохорясь и отпрыгав,
Все ополчение вот так
Бежало вместе с войском вигов.

Мятежники пришли в себя
И ринулись к заветной цели,
Со вкусом головы рубя
Всем тем, кого догнать сумели.
Макдональд, молнии меча,
Нам предъявил свой страшный навык.

И стало нам не до врача,
И стало нам не до пиявок.

Они бойцы и силачи,
Готовы к битве и к погоне,
У них заточены мечи
И сыты боевые кони.
Нет в мире участи мерзей,
Чудовищней и недостойней,
Чем плакать о судьбе друзей,
И ожидать дальнейшей бойни.

У Принца сила велика,
И беглецам не до протеста,
Но тут французские войска
Нам указали наше место.
Таясь в болоте, на холмах.
Мы прятались поодиночке;
Нас просто бросили впотьмах,
Не дав ни знака, ни отсрочки.

Я, верность долгу сохраня,
Явился к Арчибальду[1] в Краннах,
Но он обрушил на меня
Поток упреков самых странных:
Осенним барсуком рыча,
Он обвинял меня сурово,
Что я лишил его меча
Его прадедушки родного.

Был этот меч не рядовой:
Изъеденный, хотя железный,
Тупой, щербатый и кривой,
Надтреснутый и бесполезный;
В потеках, будто в кожуре
И тяжеленный, как дубина,
Таскать такое на бедре –
Не больно сладкая судьбина

У Пестрой Церкви англичан
Побили, как собаку палкой,
Их порубили, как кочан,
Какой-нибудь капусты жалкой.
Хотелось силы приберечь
И потому, видать, в тот вечер
Я потерял убогий меч,
Который мне подсунул Флетчер.

Огрызок ржавого клинка,
Отнюдь не меч, скорей обломок,
Ему цена невелика,
Пропавшему среди потемок;
Разбит почти напополам,
Покрыт смолою или сажей,
Короче, бесполезный хлам,
Для колки дров не годный даже.

Сосед, не бывший на войне,
В день битвы не вдохнувший смрада,
Такой вот меч подсунул мне
Что и описывать не надо;
В бою не нужный задарма,
Ни для какой не годный схватки.
Без перевязи, без клейма,
А ко всему без рукоятки.

Я понимаю лишь с трудом,
Какое чувство мной владело,
Когда я шел к соседу в дом,
Зачем ввязался это дело;
Я думаю, во все века
Оружья не было убоже,
Чем железяка с чердака
Какую в руки брать негоже.

На Принца шел Аргайлский лэрд,
Раздухарившийся в запале;
Но жребий был немилосерд,
И нас изрядно потрепали;

И я скорбеть не устаю
О тех, кого не стало ныне,
Хоть я и бросил меч в бою
У Пестрой Церкви на равнине

* Первая песня поэта, сочиненная после сражения у Фолкерка (Пестрой Церкви), имевшего место 17 января 1746, ставшего последней победой якобитов.

[1] Арчибальд Флетчер из Краннаха – историческое лицо.

Раздол туманов

Раздол Туманов, страна оленей,
Раздол, одетый в зеленый цвет;
благословенней и вожделенней
в горах окрестных приюта нет:
здесь почва в пятнах, очам приятных,
щедра, цветуща, сладка, чиста,
вздыхает внятно и ароматно,
и здесь косуля всегда сыта.

Плащом просторным – тяжелым дерном
укрыты скалы, как бахромой,
в зеленых косах, в тяжелых росах,
что высыхают глухой зимой.
Но лето знойным и травостойным
здесь выдается: придет страда –
жнецы, пожалуй, зарод немалый
сложили б, вызнав тропу сюда.

Пройдешь ли через душистый верес,
учуешь донник вблизи, вдали,
всё буйство здешней листвы орешной
и весь лоскутный покров земли.
Ну да, в Париже – едва ли ближе –
найдешь и яркость и красоту,

зато на воле в родном Раздоле
леса и травы всегда в цвету.

У Рыжих Склонов – ряды фестонов:
ракитник, жимолость, остролист;
блестит цикорий среди нагорий,
как луг ни тесен – зато цветист.
Грядой ячменной, густой, отменной,
олени бродят, пасутся впрок;
в любом распадке – крестовник сладкий;
копите, звери, к зиме жирок.

Когда-то, кстати, здесь род Мак-Вати
лавины горной не миновал;
среди камений теперь олений
приют, вернее сказать – привал;
собрался в горы самец матерый,
пройдет по склону – и был таков,
а следом лихо мчит олениха:
ну, ждите скоро приплод телков.

В покрове мшаном, под черемшаном,
чернику славно в ладонь сгрести;
потешься дикой лесной брусникой,
да и морошка блестит в горсти;
дух мяты сладкой вдохни украдкой,
взгляни: метелкой красна дремà,
густа, высока – шумит осока,
и так до самой стопы холма.

Гора особой одета робой:
что ни осыпься – уйдет в компост.
У твердой кромки спят камнеломки,
всему прибыток, всему прирост.
Не перепутай кипрей с цикутой;
здесь маргаритки, здесь первоцвет;
Раздол – в огромных цепях бахромных:
каких здесь только растений нет!

В любой мочаге, в стоячей влаге
зеленой бровью колышет кресс;
щавель курчавый, но величавый,
сквозь грубый гравий на свет пролез;
упав с обрыва, нетерпеливо
шипит в раздоле ручей живой:
в азарте шалом прижмется к скалам,
с обрыва прянет, уйдет в сувой.

От моря к пресной воде чудесной
лосось восходит метать икру;
над рябью частой летит клювастый
и ловит в воздухе мошкару,
могучим телом и брюхом белым
сверкает в каждом своем прыжке,
хвостом заплещет – вода трепещет:
владыка мчится вверх по реке!

Раздол Туманов: земля заветней,
охотник, вряд ли дана судьбой.
Порою летней олень приметней
и суше порох перед стрельбой.
Мушкет заряжен, но пес отважен –
не даст добыче уйти в леса:
он осторожней, сильней, надежней, –
зверь королевский достоин пса.

Телки в разгулье живут косульи;
оленьим тропкам здесь нет конца.
Как славно летом уйти с рассветом,
собрав припасы для ружьеца.
А коль настала година шквала –
спустись под скалы и жди внизу;
в лесном притине заляжешь ныне,
весьма уютно проспишь грозу.

Под утро слушай: вот крик петуший –
и следом каждый запеть охоч;
следи украдкой за куропаткой,
через торфяник бегущей прочь;

отнюдь не плохо, что птица – кроха:
крапивник – лучший из всех певцов;
тут спозаранку слыхать зарянку
и перекличку лесных скворцов.

Полны различья рулады птичьи;
самцы подругам призывы шлют;
на ветках – трели: там свиристели,
а в небе жаворонки поют.
С лесной опушки напев кукушки
прекрасен столь же, сколь чист и прост;
среди Раздола выводит соло
охряный, пестрый, певучий дрозд.

На склон отлогий – ветвисторогий
олень, гляди-ка, с низов пришел:
на это место к нему невеста,
минуя вереск, спешит в Раздол;
их танцем брачным, прыжком удачным
любуясь, зритель сойдет с ума:
владыка леса, а с ним принцесса,
легка в полете, нежна, пряма.

В чащобе тихой над оленихой
отец-красавец дозор несет;
на ложе, сбитом его копытом,
не только самка, но и приплод:
там, юн и тонок, спит олененок,
чей возраст можно считать на дни;
еще пятнистый, по-детски чистый,
он ровно дышит в лесной тени.

Преумножая блеск урожая,
приходит осень в свои сады;
всё, что созрело, найди умело
и осторожно срывай плоды.
Конец работы; размякли соты,
впрок заготовлен и часа ждет:
трудом тяжелым ты дался пчелам,
в глубоких бортях созревший мед.

Подлесок здешний богат орешней:
сверкают гроздья в листве сухой,
предельно хрупок ковер скорлупок,
пропитан влагой и шелухой;
долинный воздух в рябинных гроздах,
давно созревших в листве густой;
любых расцветок полно средь веток,
и весел юный зеленостой.

Любуйся, странник: любой торфяник
душе умеет дарить уют.
Стоят упорно стволы Мамлорна
и многим птицам жилье дают.
Рассвет весенний; стада оленей
измучил голод, измаял страх:
они по круче идут в живучий
Раздол Туманов в родных горах.

Похвала Бен Дорану

Первая тема

Нет прекрасней гор,
Чем Бен Дóран!
Мне ласкает взор
С давних пор он;
темный, торфяной
дремлет пласт земной,
зреет перегной
там, под спуском;
если зноен день –
скроется олень,
вспомнивши про тень
в доле узком, –
чуя не впервой,
дым пороховой –
прянет головой
и огузком.

Он с изящной мордой
И повадкой,
Он – с походкой гордой.
С шерстью гладкой –
Как в плаще неброском,
Будто красным воском
Блещет, скромным лоском
Приодет;
Если у кого-то
Явится охота,
Велика ль забота –
Взять мушкет:
Вся-то хитреца –
Винт у колесца:
Выстрел от зубца
Грянет вслед.
Восьмигранный ствол
Страх на всех навел,
То ли зверь ушел –
То ли нет.
Лишь один стрелок,
Правомочный
Здесь бы сделать мог
Выстрел точный;
Патрик, чья рука
Всякий раз крепка:
Цель – недалека;
Встань в раздоле, –
Слышишь звонкий лай –
Вот теперь – валяй:
Целься и стреляй,
И не боле.

Вариации первой темы

Проснулась олениха:
Вот лето и прошло;
Вдохнула воздух тихо,
Почуяла тепло.

В высокие края
Копытца мчат ея
Подале от ружья
И мушкета.
За невесту рвется в бой
Кавалер любой;
Самцы ревут в Раздоле,
Через луг и поле
Мчит по доброй воле
Олениха к другу,
На зов любви и боли.
Ревет на всю округу
Олень среди древес,
Рога наперевес,
И вздрагивает лес,
Очнувшись с перепугу.
Бен Доран мой, олений рай.
Край свадебных утех,
Перечисляй, перебирай,
Не перечислишь всех,
Требуют тепла
Юные тела,
Сердце веселят;
Мне туманит взгляд
Миг, когда у оленят
Блещут зеркала.
Самцы в Раздол Арфиста
уходят сноровисто.
Вся-то недолга,
Им – сцепить рога,
Побороть врага,
Есть на то причины:
Пусть дама не уйдет в бега
От своего мужчины!
Водит по полянам
Невеста жениха,
В танце неустанном
Не ведая греха.
Солнечной страны
Дочери, сыны,

Коим не важны
Возраст и погода,
Впитываешь взором
Танец, тот, в котором
Не страшна танцорам
Ни одна невзгода.
Бессчетные года
Жируют здесь стада.
И оленят всегда
Выкормит природа.
Бережет ее рука
Каждого телка
Уделит наверняка
Каплю молока.
Округляются бока
У молодняка.
Одуряюще сладка
Влага родника,
И до холода жива
Сочная трава.
Скал высокая ограда,
Не уйдет отсюда стадо:
Опасаться здесь не надо
Льда и снегопада,
Спят красавицы на лёжке
Возле оленят,
Фэйри этот сон сторожкий
Бережно хранят.

Вторая тема

Бродит стадо по траве
С раннего утра:
Гурт оленей сотни в две
Выкормит гора;
Обходя владенья,
Слышу каждый день я,
Как шумит оленья
Детвора,

Занята игрой
Прямо под горой;
Увидать порой
Выпадает случай,
Как барсук из грязи топкой
Вылез, и заветной тропкой
Ковыляет неторопко
В водоем барсучий.
Я давно уверен:
Рев оленей юных
Не сберег бы Эрин
На заветных струнах.
Есть ли что нетленней,
Чище, вожделенней,
Нежели олений
Долгий рев в логу,
Страстный и грозящий
Долгий рев, над чащей
Яростно звучащий
Вызовом врагу.
Сердце веселят
И ласкают взгляд
Выходки телят
Рядом, на лугу.
Тяжела, крепка,
Плавна и легка
Зримая издалека
Поступь вожака.
Здесь, в родном краю,
Бродит он, свою
Верную семью
От беды храня.
Не спеша ступаешь ты,
Воплощенье красоты,
И глаза твои чисты.
Тайна для меня –
Предводитель велий,
Средь земной скудели,
Долов и ущелий,
Кто тебе ровня?

Самка молодая
Бродит спозаранку,
Вереск подъедая,
Лядвенец и мшанку,
Здесь завтрак, здесь обед,
Пушица, первоцвет,
Ничто ей не во вред.
Знакомою тропой,
Все время начеку,
Готовая к прыжку,
Неслышно к роднику
Идет на водопой,
Там лиственный навес
Укрыл щавель и кресс,
И даст ей в пищу лес
Калган и зверобой.
Трефоль, чертополох,
Ятрышник, овсяница
И заячий горох –
Короче, все сгодится.
Она пасется, впрок
Поднакопив жирок,
Который в должный срок,
Недальний и тревожный,
Выручит, когда
Грянут холода
И по кромке льда
Походкой осторожной
Уйдет она в тайник,
И ведает лесник:
Не так уж и велик
Ее запас подкожный.
Идет вожак со свитой,
Спокоен, круторог,
Семья толпою сытой
Спускается в разлог,
Их шаги нескоры,
Все темней просторы,
Покрывают горы
Охра и кармин,

Тихая отрада;
Понимает стадо:
Отоспаться надо.
Посреди долин
Дремлют дальние холмы;
От зимы и до зимы
Спит Бен Доран в море тьмы,
Мирный исполин.

Вариации второй темы

Сторож тверди голубой,
Далей, высей, шири,
Что сравнилось бы с тобой
В христианском мире?
Не покорствовать судьбе,
Но, заботясь о гербе,
Называться бы тебе
Королевством надо.
Плодоносные кусты
Меж стволов твоих густы,
Благолепнее, чем ты,
Нет на свете сада.
Росное колье
Блещет на хвоé
И вода в ручье
Пахнет сладко.
Распевает дрозд,
Суетится клёст
И топорщит хвост
Куропатка.
И стоит олень-самец,
Он не промах,
Он достоинств образец
Нерекомых.
Покидая урему,
Бродит от холма к холму
Среди пустошей, ему
Столь знакомых.

За кусты, за орляки,
Напрямки,
Разбегается, идет
То в галоп, а то в намет,
Ни границ не признает,
Ни закона,
Благородный, молодой,
Легконогий и рудой,
Не грозит ему бедой
Время гона.
Что ж, ни пуха, ни пера!
Мчат копытца
От бугра и до бугра,
Скоро брачная игра,
И поэтому пора
Торопиться.
Самку поневоле
Мгновения пьянят.
Ждет она в Раздоле
Возле оленят,
Помчит с самцом вперегонки,
Поди такую отвлеки,
И никакие чужаки
Ее не соблазнят.
Кайлте и Кухулин зря
Затевали бы охоту
И Георга егеря
Звали бы на помощь роту,
На конях на вороных,
Но ее зовет жених,
И она летит от них
По болоту.
Вот рванулась, как стрела,
Вот сверкнули зеркала.
Отрываясь от собак,
Круто сделала зигзаг,
Прямо в горы, за овраг –
И ушла.
Затаится, и украдкой
С осторожною повадкой

Не спеша, путем кружным
По болотам торфяным
Удалится к остальным
В глубь распадка.

Третья тема

Лань от посторонних глаз
Прячется в распадке.
Как хорош ее окрас
И повадки!
Статна и горда;
Для нее всегда
Лучшая еда –
Вереск сладкий.
Здесь, в лесном краю,
Вверившись чутью,
Тешит плоть свою
Радостью простой:
Воздает со смаком
Драгоценным злакам, –
Ей особо лаком
Свежий травостой.
В праздники и будни
Под Скалою Серной
Утром и в полудни
Бродит тропкой верной;
Теплым днем восхищена,
Отдохнет, и после сна
Рада закусить она
Свежею люцерной.
Пробирается тайком
В дол любимый прямиком,
За Шафрановым леском
Держится в овраге
И спускается туда,
Где сверкает гладь пруда,
Где на вкус ее вода
Лучше всякой браги.

Жаждут губы и язык
Сладости глотка,
Лань готова каждый миг
Для броска.
Никакой не сможет враг
Просочиться к ней в овраг,
Не подпустит ни на шаг
Гончака.
Бродит тихо, смотрит кротко
Светло-рыжая красотка,
Движется легко и четко
В рыси в галопе,
Здесь привольное житье
И хранит ее чутье,
Да и слух, как у нее,
Вряд ли есть в Европе.

Вариации третьей темы

Самки, трепетные лани,
С вожаком бывалым
Прочь, за Мшистые Елани,
Движутся по скалам,
Ставя близкою задачей
Миновать Раздол Орлячий,
Чтобы так или иначе
Выйти беззаботно
Пустошью Порожней
По кривой Изложне
За Раздол-над-Пожней –
К балке Проворотной.
От полыни и крапивы
Выводок счастливый
Прочь уходит, за Стрекала,
И пасется у Прогала
У Руин Фингала
За Утесом Ивы.
От врагов заране
Затаясь в урмане,

Осторожны лани
И неприхотливы,
Здесь легко живется,
Здесь трава найдется;
Окружив болотца,
Буйствует природа.
Там Светлая Криница –
Вода в ручье искрится
Душистей, чем корица,
И нежнее меда,
Крепче всякого вина
От темна и до темна
Здесь бурлит ключом она,
Сладостная влага,
Средь кривых корней
Плещет меж камней,
Не сравнится с ней
Никакое благо.
Зелены, росисты
Рдесты, стрелолисты,
Ручеек душистый,
Золотой песок.
Лежат кувшинки на воде,
Спят водокрасы на пруде,
В Европе нет таких нигде
Рогозов и осок.
Много здесь чудес:
Ряска, телорез,
Многолетний кресс
И другие зелья,
Шум листвы и блеск травы
От подножья до главы:
Неизменно таковы
Бен Дорана ущелья.
Возле Косогора
Издали видны
Тени маленького бора
Прямо у стены,
У подножия горы
Там каменья, там бугры,

Там с неведомой поры
Дремлют валуны.
Там среди дубравы
Желтые купавы,
Там, под каменной стеной,
Ланям не опасен зной,
Там богаче перегной
И нежнее травы,
И слагаются в букет
Красный и зеленый цвет,
И светлы просторы;
Облегает горы
Тот тартан, в который
Нынче лес одет.

Четвертая тема

Сошло сухое лето
В болото верховое.
В Раздоле Троецвета
Проснулось все живое.
Олень пришел в Раздол.
И там – накрытый стол
Немедленно нашел,
Пасется всласть;
Там самка, что с утра
Пришла по клевера:
Давно телкам пора
К сосцам припасть.
Порою на телят,
Что весело шалят,
Она бросает взгляд,
Бродя по лугу.
И к духовному лицу
Ни к чему идти самцу,
Для того, чтобы к венцу
Пригласить подругу.
Вдоль тропы легко ступать,
И найдешь дорогу

В эту ласковую падь,
К тайному разлогу,
Ибо время пролетело
И листва позолотела,
Ибо ощутило тело
Брачную тревогу.
Есть ли зрелище шикарней,
Видеть, как девчонок парни
Зазывают на кочкарни
Близ холма.
Девушки идут туда,
Где скитаются стада,
Где оленям есть еда
Задарма.
А чуть наступит темень – я
Подать совет могу:
Зажги-ка факел у ручья,
Звенящего в логу,
Встань на камень иль на мель,
Жди, когда плеснет форель,
И тогда точней нацель
Острогу:
Там, в ручье, идет игра,
Рыба радостна, шустра:
Для форели мошкара –
Высшее приятство,
Длится ночь, и таково
Здесь природы торжество:
В мире нет ни у кого
Большего богатства.

Финал

Молодая олениха
Вовсе не робка,
К ней подкрадываться тихо –
Правило стрелка.
Будь искусен ты зело,
Все же, коль на то пошло,

И ползти-то тяжело
К ней издалека.
По камням и по корням,
Между кочек, между ям,
Кто удачлив и упрям,
Сыщет бугорок,
Следует, само собой,
Самку не спугнуть стрельбой,
И положит зверобой
Палец на курок.
Цель с прицелом соразмерь,
Осторожен будь теперь,
Различает красный зверь
Самый слабый шорох,
Изловчись: из-за бугра
В этот миг стрелять пора.
Смертоносная искра
Ударяет в порох.
Пусть сомненья отомрут,
Нажать курок – привычный труд,
В короткий миг сгорает трут
С треском нехорошим.
Беда для красного зверья,
Аккуратно, не сбоя,
Грянет выстрел из ружья,
Что вручил мне Кошем[1].
Поспешит за ним вослед
Грозный вестовой,
От стрелка неся привет –
Гостинец роковой.
Однако это не конец,
Пусть поразил ее свинец,
Но череп цел, и цел крестец,
И не задеты жилы,
Я в этот миг осознаю –
Оберегая жизнь свою,
Она не спустится к ручью,
Уйти ей хватит силы.
От псов, что молоды и злы,
Мчит от скалы и до скалы,

Уходит за Утес Ветлы,
От своры ускользая,
Спасения для самки нет,
Погоня топчет троецвет,
И лает оленихе вслед
Шотландская борзая.
О радость молодых парней,
Не ведающих утомленья,
Лихое щелканье кремней
Там, где лежит тропа оленья,
Бен Доран сумрачен и дик,
Охота мчится напрямик,
Какая б сила в этот миг
Парней остановила?
Заряжен ствол, верна рука,
Не дрогнет палец у курка
И у летящего щенка
Напряжено правило.
Долины блещут красотой;
Погоня же на склон крутой
Летит все с большей быстротой,
Сердцам людей все слаще,
И пес, еще малец на вид,
Однако зол и страховит,
Вцепиться в горло норовит
Добыче уходящей.
Охота бешено идет
По выгонам оленьим,
По корке высохших болот
По скалам и каменьям.
Зверье загонщики теснят;
Напев рожков и лай щенят, –
В прохладном воздухе звенят
Собачьи перебранки,
Все забирает в оборот
Неистовый водоворот,
И одолеть не могут брод
Ослабшие подранки.
Собачьи морды и тела,
Сплошной клубок добра и зла,

И ясно, что давно пошла
Кругами голова,
В усталых мыслях перепляс,
Историй истощен запас,
И завершился мой рассказ
И кончились слова.

[1] Дочь Кошема – название, которое дал Макинтайр своему ружью по имени предыдущего владельца.

Плач о Раздоле Туманов

Забуду ли о том,
Давно пережитом,
В Предгории крутом
Туманного Раздолья, –
Ту радость юных лет,
Какой простыл и след:
Давно здесь больше нет
Охоты и застолья.
Забыть возможно ли,
Что для моей земли
Дни горести пришли,
Страна пуста и сира.
Но прислан нам судьбой
Макьюен-маслобой[1],
Являющий собой
Булыжник вместо сыра.

И, видимо, не зря,
Утраты лицезря,
Исчезли егеря,
Перед такой картиной.
Ущельями теперь
Не бродит красный зверь,
Попробуй-ка проверь –
Остался ль хоть единый.

Хлебнули мы с лихвой
Напасти роковой.
Вводить порядок свой
В страну приехал нашу
Зловещий эконом,
Большой мастак в одном:
Заведовать зерном,
Варить крутую кашу.

Сиротствует страна,
Безлюдна и бедна,
А этот каплуна
В курятнике изловит,
Притащит к очагу
И, присягнуть могу,
Отличное рагу
На ужин приготовит.
С пулярками суров
Шериф из поваров,
Блюдущий графский кров,
Он приглашен недаром
В усадьбу, посему
Уместно по уму
Присматривать ему
За кухней и амбаром.

В Предгории крутом,
Где прежде был твой дом,
Ты мучишься стыдом,
Тебе до боли худо,
Тебя гнобит любой,
С подобною судьбой
Кончай бесплодный бой
И уходи отсюда.
Ты много дней подряд
Искал олений спрят,
Хоть ведал, что навряд
Его найдешь во мраке
Среди кривых дорог,
Что заржавел курок,

Что карабин не впрок
И годен лишь для драки.

Распугано мое
Любимое зверье,
И говорит чутье,
Что не подкараулю,
Следя издалека,
Оленьего телка,
Почти наверняка
Не выслежу косулю.
В Раздол пришла беда:
Поди пойми, куда
Теперь ушли стада
Незнаемой тропою.
Потускли небеса,
Немотствуют леса,
И не на кого пса
Науськать зверобою.

Утратил свой навес
Осиротевший лес,
И нужен позарез
Лесничий мертвым сучьям,
Иссохли дерева,
Осыпалась листва,
Вступила смерть в права
В урочище дремучем.
Не стало птичьих гнезд,
Замолк последний дрозд,
Нейдут побеги в рост,
Поблекли все расцветки,
Засох болиголов,
Не свищет реполов:
Кухмистер со стволов
Поспиливал все ветки.

Шипя и пузырясь,
На скалах разъярясь,

В ручьях вскипает грязь
И пенится отрава,
Раздол – страна болот,
Где мерзость – круглый год,
И если что цветет,
То разве что купава.
Течет меж ивняка
Погибшая река
Темна и глубока,
Осклизла и шершава,
Убога и мрачна,
С поверхности до дна
Охряна и черна,
И, словно море, ржава.

Ни вереска, ни мха,
Лишь камень да труха,
Как жесть, земля суха,
И травам нет прироста.
Олени здесь, в тени
Паслись в былые дни,
А нынче – только пни,
И мертвая короста.
Что мог в краю лесном
Безлюдном и больном
Спроворить эконом?
Ответ – чего уж проще,
Причина такова:
Не тратясь на слова,
Макъюэн на дрова
Пустил оленьи рощи.

Но перемены жду
От младшего в роду[2]:
Он отведет беду,
Придет конец невзгодам,
Распаду вопреки
Телки и лончаки
Обступят родники,
Взревут самцы с восходом,

И сразу же потом
Форель плеснет хвостом,
Рассеется фантом,
Минует Божья кара:
Раздол, перехворав,
Однажды станет здрав,
Когда уволит граф
Мерзавца-кашевара.

[1] Алистер Макъюэн исполнял обязанности управляющего в поместье графа Бредалбейна.

[2] Т.е. Патрик, старший сын лорда Ормелли, старшего сына графа Бредалбейна, постоянного покровителя Дункана; был известен как умелый и азартный охотник: т.е. охотился Патрик, – персонаж также и пиброха «Похвала Бен Дорану».

Песня о неудачной охоте

Рефрен

Неспешно шел самец косули,
И самка шла, не торопясь, –
Неспешно шел самец косули.

Раздол Туманов, как назло,
Предстал ущельем оскудельим.
Мне с выстрелом не повезло:
С неверно выбранным прицелом.

Хотя запрещена стрельба,
Бродить с мушкетом – мой обычай.
Однако подвела судьба
И я остался без добычи.

Помимо пули, в вещмешок
Я положил, спеша к чащобе,
С шотландским порохом рожок
И три зерна английской дроби

Я смазал бережно замок,
Проверил и кремень, и ложе,
И, чтобы порох не намок,
Прикрыл его кусочком кожи.

Лежала самка у ручья,
Я долго крался, карауля,
И я навел прицел ружья,
Да только прыгнула косуля.

А я-то думал – попаду,
Да только зря теперь бунтую,
Пропали, к моему стыду,
И порох и свинец впустую.

Трудна дорога через лес,
Тропинка через топь гнилую,
Но ты с ружьем наперевес
Спешишь сквозь тьму напропалую.

Туман вползает на холмы,
Гоня скитальцев запоздалых.
Спускаемся в долины мы,
Нам делать нечего на скалах.

Мы станем жить в родных горах
Надеясь на счастливый жребий,
На запах осени в ветрах,
На солнце блещущее в небе.

И будут порох, и свинец,
И грохот выстрелов и лая,
И упадет олень-самец,
В сердцах охотников пылая.

Элегия псу, пробежавшему по льду

Собрался Патрик на охоту,
Охотников любых азартней;

Ступал за зверем по болоту
И очутился в глене Артни.
И рыскал верный пес в лесу,
Его помощник постоянный,
Дивился мир такому псу,
Как древле Брану, псу Фианны.

Наследник многих поколений
Борзых, воспитанных на кручах,
Жестокошерстый враг оленей,
Племен лисичьих и барсучьих.
Он и в жару, и в холода
Бежал в низины, брал высоты,
И без трофея никогда
Не возвращался он с охоты

И вот, добычу волочащий,
У вожделения во власти,
Он вылетел к реке из чащи,
Зажавши зайца в мощной пасти,
Ступил на лед, забыв про вес,
Когтями проскользил по льдине
И в ледяной воде исчез,
И я скорблю о нем доныне.

Песня о бутылке

Как же люди близки
У бутылки виски!
Ни к чему изыски
В радости простой;
Стало быть, нальём-ка:
Если чаша ёмка,
Старая знакомка –
Ты не будь пустой!
Дальше – что угодно
Можем петь свободно,
Поболтаем превосходно,
Будут речи жарки;

Пьянка благородно
Властвует над жаждой:
Трудно – знает каждый –
Обойтись без чарки!

Выпьем же за горцев,
Мощных песнотворцев
Славных вискоборцев,
Благородных гэлов:
Кто в бою жесток,
Тот в питье знаток:
Все поймет, глоток
Самый первый сделав!
Мы – в своём кругу:
Присягнуть могу:
Кто не зажимал деньгу –
Пьет из полной чаши;
А скупца-брюзгу
Гнать бы от порога:
Гаду чести много
Тосты слушать наши!

Гордость гэльской нации –
Чудо дистилляции;
Счастье дегустации
Всех превыше счастий;
Сгинут боль и пытки
С первой же попытки:
В радостном напитке
Гибель всех напастей.
Длится праздник велий
Духовитых зелий,
Винокуренных изделий:
Словом, пьянка тянется
Чередой веселий, –
Кстати, за семью
Выпей-ка свою, –
Вот тебе и скляница!

Летом жарко, тяжко:
Влезь на дно кармашка,
И поможет фляжка
Средь горячих гор;
Полночью морозной –
Сей бальзам серьезно
Говорит: не поздно
На заезжий двор.
Пьянка весела;
Лихо в пляс пошла
Молодежь вокруг стола;
Если ж кто притих,
Плохи, знать, дела:
Выгнать бы капризного!
Песню спойте сызнова,
Вспомнив каждый стих!

Это ль не отрада –
Выпить все, что надо,
Не ропщите, чада:
Хватит вам веселья,
Нынче – спать пора!
Ну, а для нутра
Отхлебни с утра –
Нет как нет похмелья!
Он незаменим!
Что сравнится с ним?
Сей напиток мы храним
Для больных недаром;
С чем его сравним?
Виски можно славить,
Ну, а сопоставить
Разве что с нектаром.

Песня кремневке, госпоже Мушкет

Женщина нередко наших бед причина,
Плохо, коль в чужую влюбится мужчина.

Двадцать лет со мной была верная жена,
Но однако же меня бросила она.

Я решил не думать о сердечной ране,
В Эдинбург подался, к городской охране,
Кэмпбелл, капитан наш, парень боевой,
Свел меня немедля с доброю вдовой.

Честен был со мною верный соплеменник,
Вспомнил о приданном, дал немного денег,
Так что свыше брак наш был благословен
С дочкою Георга[1], милой леди Джен.

Весела, послушна, и весьма упряма
Оказалась эта истинная дама;
С нею мы отныне дружная семья –
Просто безупречна кормилица моя.

Кошемовой дочки[2] больше нет со мною,
Ни к чему бродить мне тропкою лесною,
Даже на оленей я махнул рукой:
Нынче я женился на леди городской.

Мы живем, друг друга от бед оберегая,
Мне теперь и вовсе не нужна другая.
Кто такую любит, тот уразумей,
Что не сыщешь в мире женщины прямей.

За мою подругу я во всем ответчик,
Чтобы не бывало у нее осечек,
Чтоб она здорова круглый год была,
Крепкий шомпол нужен для ее ствола.

У других, бывает, нет монеты медной;
С дочерью Георга мы живем безбедно.
Кто не восхитится эдакой женой,
Что за мужа платит всякий раз в пивной?

Мы отличной парой сделались со свадьбы.
Что мы друг от друга стали бы скрывать бы?

Заслужили с нею мы и стол и дом
Не особо тяжким праведным трудом.

Ничего не скоплено у меня за годы,
Только ни к чему мне лишние доходы.
Житейские заботы не ставлю ни во грош,
Меньше беспокоишься – дольше проживешь.

Женщины подобной быть отрадно мужем,
Сколько нам отпущено, мы вдвоем послужим,
С помощью подруги я всегда найду
Кров над головою, одежку и еду.

[1] Т.е. короля Георга III.
[2] Охотничье ружье поэта времен егерской службы.

Стихи о древнейшей профессии

Портновское отец Адам
Придумал ремесло.
Почтение к его трудам
До наших дней дошло.
Любой докажет грамотей:
В любые времена
Спасать от холода детей
Игла обречена.

Жил с первых дней Адам в саду,
Ленился день-деньской,
И не был склонен он к труду,
И не дружил с киркой.
Чтоб насадить деревья в ряд,
Он брать не стал бы лом,
Да и знаком он был навряд
С лопатой и кайлом.

У Евы не было забот,
Но было озорство,

И отыскала Ева плод,
И сорвала его.
За то, что ели от плода,
Назначил судия,
Чтоб стала смертной навсегда
Адамова семья.

Роптал Адам наверняка
В обиженном пылу;
Он сделал нитку из лубка,
А из шипа – иглу,
Жене отличный поясок
Сплел из древесных жил,
Он стать садовником не смог,
Зато неплохо шил.

И то сказать – в те времена
Вся жизнь была иной:
Ни ткани шерстяной, ни льна
Купить не мог портной.
Важнейшим это мастерство
С тех самых пор слывет, –
И наплевать, что из него
Не вышел садовод.

Заговор девушке на возлюбленного

Если хочешь, право слово,
Присушить милóго,
Вот что надобно тебе
Знать о ворожбе.

Выйди рано в воскресенье
На погост без опасенья,
Там вниманье удели
Вереску и волкобою;
Все, что подберешь с земли,
Ты возьми с собою.

Девять папортей ножом
При надгробье срежь чужом,
Отыщи на бугорке
Три могильных кости,
Всё смешай на костерке
Прямо на погосте.

Другу в грудь вотри, пока
Дует ветер стылый:
От тебя наверняка
Не уйдет твой милый.

Последнее прощание с горами

Бен Доран снова предо мной,
Минувшей роскоши остатки:
Здесь прежде был мой край родной,
Мои раздолы и распадки,
Земля надежд и удивлений.
Страна, не знающая лени,
Где раздавался рев олений
Когда кончался час ночной.

В природе – сытая пора.
Жирует радостное стадо,
У лончаков идет игра,
И старшим голодать не надо,
И у косуль еда в достатке,
Тетерева и куропатки
Переполняют воздух сладкий
Своими песнями с утра.

Я поднимался вдоль ручья
Тропой, отрадною для взора,
В непроходимые края,
Я приходил домой не скоро,
На запад двигалось светило,
И с ветром гор ко мне скользила

Неиссякающая сила,
Собою плоть мою поя.

Мне было в юности дано
Заполнить радостями годы
И с девушками заодно
Водить не только хороводы.
И в старость, к бедам предстоящим,
Мы память о минувшем тащим,
Но неизбежно с уходящим
Нам расставаться суждено.

Давно не сосчитать потерь,
Несчастья скоры и сугубы,
Болезнь накинулась, как зверь.
Слабеют и глаза и зубы.
Что мог бы сделать старец хворый
Перед лицом кончины скорой?
Я от напасти никоторой
Не смог бы убежать теперь.

Сегодня голова седа,
И перед памятью пасую,
Но вспоминаю те года,
Когда шотландскую борзую
Спускал на красного олешка.
Легка была ее побежка,
Но кончилась былая спешка
Единожды и навсегда.

Олени звали олених
Порою сбора урожая;
Невесту догонял жених
Подругу страстью заражая.
Я знал: сейчас стихи польются,
И нам хотелось оттянуться,
Плеснуть спиртного из сосудца
И выпить раз-другой за них.

Я был безумствовать горазд
В дни юности, того не скрою,
Но миг везения нечаст,
И вовсе нет его порою.
Ничто уже не обнадежит,
Но век мой не впустую прожит,
И дочь Георга[1] мне, быть может,
В дни старости кусок подаст.

Отцвел лиловый троецвет,
Исчезло то, что мнилось раем,
Былых друзей со мною нет,
И облик гор неузнаваем.
Мир преисполнен бессердечьем.
Мне больше утешаться нечем,
Стою на пастбище овечьем
Меж призраков ушедших лет.

Я убеждаюсь без труда,
Что нет земли безблагодатней,
Чем та, где кончена страда,
Где опустели верещатни.
Ни для собаки, ни для пули
Здесь ни оленя, ни косули,
И навсегда с пути свернули
Все те, кто приходил сюда.

Прощай, минувшее житье,
Прощай, страна холмов и леса,
Прощайте, птицы и зверье,
Купальницы и листья кресса,
Прощай, страна оленей сытых,
Былых надежд и тайн сокрытых,
Пускай навеки сохранит их
Благословение мое.

[1] Так поэт называл свое ружье, полученное из оружейной в Эдинбурге, где он служил констеблем.

Шемас Макинтайр, третий вождь клана Макинтайр имени Глен Но (1727–1799)

Перевод Е. Витковского

Третий вождь клана Макинтайр клана Макинтайр имени Глен Но. Получил юридическое образование. Имел репутацию хорошего юриста и поэта. Известен сатирой на доктора Сэмюэля Джонсона, который позволил себе разразиться потоком грязной бранив адрес шотландцев во время своего визита на Гебриды, объявив подделкой песни Оссиана, Джеймса Макферсона и изобразивший саму шотландскую нацию как стадо пещерных варваров, чуть ли не имеющих своей письменности.

Песня для доктора Джонсона

Англичанин, хрен заморский,
Был ты нам сто лет не нужен,
Но притрюхал: мол, по-горски
Выставляй обед и ужин;
И с набитою утробой
У себя в норе барсучьей
Выродил набитый злобой
Дохлый выпороток сучий.

Знать не знаю: черт ли, бес ли
Вдохновил тебя на дело:
Воешь на луну, а если
Слушать не заставишь гэла?
Ну, рычи поганой шавкой,
Быдловатой, грязной, грубой:
Гавкай ты или не гавкай –
А поди куси, беззубый!

Клювом, иль пером орлиным
Не убью тебя роскошно:

Мне и стёблышком гусиным
Воевать с тобою тошно;
Час-другой тебя помучу,
Разговор с тобой короткий:
Раздавлю тебя, как кучу
Догнивающей селедки.

Неужели папа Джонни
Смастерил такого Сэмми?
Видно, дядя посторонний
Дал начало этой теме;
Тухлый дух в протухшем теле;
Ровня с крысою чумною,
Ты вонючкой был доселе,
Стал вонючкою двойною.

Высыхает лес отменный,
От орлов – разит стервятней;
В чистой полосе ячменной
Сорняки всего отвратней;
Знать, фальшак не хуже денег,
Коль растут на нем доходы;
Сударь, то, что ты мошенник –
Просто знак твоей породы.

Ты – слизняк, среди болота
Вялое наевший брюхо;
Ты – раздутая от пота
Желтопузая лягуха;
Ты – раздутый труп гадючий,
Ты же слепень кровожадный;
Ты же овод приставучий
И опарыш стервоядный.

Ты – бродячий пес нечистый,
Царь помойки, право слово;
Ты – грибок росы мучнистой,
Ты – гниющая полова;
Ты – наймит, притом подонок,
Ты – продажная защита,

Ты – гнусавый пустельжонок,
Жвачка для зубов пиита.

Ты – исчадие кошмара,
Плод без племени, без роду;
Ты – взбесившийся волчара,
Что боится видеть воду;
Ты – мешок, набитый вздором,
Ты недаром всех бездарней:
Ты, зачатый под забором,
Ты, воспитанник свинарни.

Ты отнюдь не вереск чистый,
Ты не ясень – помнить, надо б;
Ты не не терн, да и не не тис ты,
И не благородный падуб;
Но доволен ты судьбиной
Ты – осина превелика,
Дуб, что сделался дубиной,
Липа, что пошла на лыко.

Омерзительный, раздутый
Змей, подохший возле речки;
Полный вызревшей цикуты
Чирей, что готов к протечке;
Слизь твою понюхать жутко,
Да и вовсе бы не надо:
У тебя взамен желудка –
Печень, вздутая от яда.

Ты – акула, ты – зубатка,
Ты – пескарь, на выкид годный;
Ты – великий страж порядка,
Только страж заднепроходный;
Вошь, внедрившаяся смело,
Скажем, в тулово овечье, –
Но болтать с тобою – дело
Ну никак не человечье.

Коль тебе нужда приперла –
Думаешь, возьмешь нахрапом;
Растопырь пошире горло –
И в него получишь кляпом.
Твой конец, поганец, близок
И довольно строить ковы:
Ты – невыделанный склизок,
Сдохший в брюхе у коровы.

Дункан Маккей
(ок. 1725/30 – ок. 1825)

Перевод Е. Витковского

Поэт и церковный деятель. Жил в Ардбролихе в долине Баденох, был церковным старейшиной в Кингусси. Относился к категории людей, известных как «na Daoine» (прибл. «достопочтенные мужи»). Это были старейшины евангелического пресвитериантства, усердные в молитвах, уважаемые за благочестие и нередко сочетавшие в себе пророческий дар с поэтическим. Подробностей личной жизни Маккая почти не сохранилось, хотя он часто упоминается в исторических источниках.

Как у большинства гэльских поэтов XVIII века, число сохранившихся произведений Маккая невелико, зато они достоверно принадлежат ему и довольно объёмны. Едва ли не единственная прижизненная публикация Маккая – три больших стихотворения в т. н. «Собрании песен» Тёрнера (1813): панегирик вождю Эвану Макферсону Клуни (он же «Клуни '45»), явно написанный до 1764 года; элегия о гибели в Гайкском лесу, а также монументальная элегия на смерть Джеймса Макферсона («Оссиана», 1736–1796), переиздающаяся по сей день. Элегия почти не касается литературных занятий Макферсона, в ней слышны отклики на конфликт горцев и англичан. Для первых Макферсон был столь же поэтом, сколь и работодателем (выстроившим в Баденохе три усадьбы), а также защитником в Лондонском парламенте, добившимся возвращения состояния сыну вождя Клуни Макферсона в 1784 году; для вторых – по заявлению доктора Джонсона – литературным фальсификатором, но всё же членом Парламента и дипломатом. По утверждению Томаса Синтона (1855–1923), основанному на устной традиции Баденоха, Маккей был в числе тех «достопочтенных мужей», которых Джеймс Макферсон приглашал в свой дом во время предсмертной болезни. Этому приходится верить на слово: умер Маккей примерно за восемьдесят лет до выхода книги Синтона, собравшего и введшего в литературный оборот произведения Маккея, в XIX веке неизвестные даже специалистам.

Значительный интерес представляет другое произведение Дункана Маккея, куда менее известное и не попадающее в обычные антологии. В последнее Рождество XVIII века долину Баденох в Хайленде облетела весть: ушедший в горный Гайкский лес «Черный Капитан», он же «Черный Офицер» Джон Макферсон (1724–1800) вместе с четырьмя молодыми спутниками погиб в горах, когда охотничий домик, в котором они укрылись, раздавила каменная и снежная лавина. Репутация у Черного Офице-

ра была хуже некуда: он занимался «черной вербовкой»: подбрасывал юношам в карманы «королевский шиллинг», после чего они автоматически становились солдатами. Видимо, он набирал себе полк для продвижения по службе, но народ подозревал его в худшем, и когда он погиб подобным образом, немедленно пошел слух, что у него пришел срок расплаты с дьяволом: в первое Рождество после того, как ему исполнилось 75, да еще в круглый 1800-й год он принес в жертву и себя и спутников. Чем дальше от долины Баденох передавался рассказ, тем больше он обрастал подробностями; имеются рассказы о нем у Вальтера Скотта, у Джеймса Хогга и у Эндрю Лэнга.

Элегия Джеймсу Макферсону

Рыдать ли в этот час,
Пронизанный тревогой?
Смерть посетила нас
Обычною дорогой
Беда грядет к стране,
Враги грозят снаружи.
И думается мне,
Что дальше – будет хуже.

Рать алчная сия
Нам памятна доселе:
Не снидет Илия
Очистить их в купели;
Гряди, Иегова,
Да будет всем открыто:
Тем, в ком душа мертва,
Мундиры – не защита.

Кто шел к нему внаймы –
Его теперь оплачет;
Узнать не в силах мы,
Что нам судьба назначит:
Тот, кто теперь придет,
Чей нам неведом норов, –
Да не умножит гнет
Налогов и поборов!

С прекрасного чела
Навек ушли морщины;
Окончены дела,
Нет для забот причины, –
А до недавних пор
Не числил он, что трудно
Любой ничтожный спор
Решить благорассудно.

Прочь от его ворот
Не шел голодным нищий;
Он оделял сирот
Одеждою и пищей;
Его достойных дел
Пересчитать не сможем:
О грамоте радел
И о Законе Божьем.

Он знал, где будет прок,
А где – один убыток.
Он золотой песок
В единый сплавил слиток;
Макферсон записал
Сказанья на бумаге:
Он помнил, что вассал
Покорствует присяге.

Он видел грязь в миру,
Обманы и ошибки,
Но знал, что на ветру
Туман исчезнет зыбкий.
Но знал, как превозмочь
Попрание законов, –
Смерть удалилась прочь,
Его души не тронув.

Шла жизнь в его дому
Размеренно и сыто,
Для странников – к нему
Бывала дверь открыта;

Он звал гостей за стол,
И, приступив к обеду,
Благорассудно вел
Неспешную беседу.

Достойно вел он речь,
Знал обо всем на свете:
Умел предостеречь
От танцев на паркете.
Живи хоть целый век, –
О том могу поспорить, –
Подобный человек
Не встретится вдругорядь.

Он был хорош весьма,
Но помнил чувство меры:
Не зря его ума
Побаивались пэры.
Без пастыря стада
Лишаются призора:
В парламенте – беда,
Нам все припомнят скоро.

В предчувствии конца
Он приказал особо:
Из досок и свинца
Сложить себе три гроба.
В путь отбыла семья:
Рассказ о том кортеже
Порою слышу я,
Но с каждым днем все реже.

Найди я письмена,
Священные для гэла,
Что вместе и сполна
Он изложил умело, –
Я ведал бы, что свет
Не нужен самоцветам,
Я скрыл бы сей секрет –
И промолчал об этом.

Быть может, я один
Следил, пусть поневоле,
За ним со дня крестин
До дня последней боли;
Вовеки не солгу
Британцу или скотту:
Мы перед ним в долгу
За честность и заботу.

Средь бедности мирской
Мы долго помнить будем,
Как щедрою рукой
Он дал работу людям;
Не нужно здесь похвал,
От них одна раструва:
Кто нас уврачевал –
Тому почет и слава!

На каждый дом взгляни,
Войди в любые двери,
В Кингхорне путь начни,
Дойди до Инверери,
Пройди до устья Спей,
Спроси о славном муже –
И утверждать посмей,
Что имярек – не хуже!..

Да, на прекрасный пол
Смотрел он слишком прямо,
Увы, от плоти шел
Сей грех сынов Адама;
Однако нам дано
О сем судить спокойно:
Все будет прощено:
Он вел себя достойно.

Укоры – суета,
Поскольку помнить надо,
Сколь дивна красота
Ночного снегопада;

Как много женских слез, –
В чем этих слез причина?..
Здесь ревность – не всерьез,
Всерьез – его кончина.

Душа моя слаба
Пред страхом безотчетным:
Преемника судьба
Взамен него пришлет нам;
И если по стране
Не станет людям худо,
Покаюсь: редко мне
Дается верить в чудо.

Семнадцать сотен лет,
Плюс двадцать раз четыре,
И плюс шестнадцать – нет
Печальней даты в мире;
Февральская среда:
Последней воли ради
До Страшного Суда
Он спит в британском граде.

У стелы гробовой
От родины далече
Слезою восковой
Печально плачут свечи.
Лежит в аббатстве он,
Где благодать Господня:
К созвездию имен
Причислен он сегодня.

Когда ж издалека
Макферсоново слово
Приманит чужака
Прийти на зов былого,
Прийти на глас молвы
Поэту поклониться,
Увидит он, увы,
Что перед ним – гробница.

Рыдает мать о нем –
О незажившей ране;
Рыдают день за днем
Торговцы и крестьяне;
Народ, об агнце плачь,
Сколь чист он был и светел, –
Но знай: Небесный Врач
Его сегодня встретил.

Элегия о гибели в Гайкском лесу

Век отошел, и Рождество
Явилось средь ветров и хлада,
Но мы решили, что его
Считать за Рождество не надо.

Не праздник, – только холода.
Не смех и радость, а печали.
Одни лишь горе и беда
Тогда нам в двери постучали.

Был ледяным олений бор,
Пурга ярилась над долиной,
И был зачитан приговор
Той ночью, тягостной и длинной.

Мы с ног валились на ветру,
Заледенела вся округа,
И нам про мертвых в том бору
Ни слова не сказала вьюга.

Нас ждали грустные дела,
Зачем-то важные фортуне.
Мы в горы шли забрать тела
Мужчин, погибших накануне.

Там сгинул Черный Офицер –
Седой старик в немалом чине.
Куда бы лучше, например,
Ему погибнуть на чужбине.

Он четверых позвал с собой,
Не давши времени на сборы.
Они за ним пошли гурьбой.
Он с ними торопился в горы.

Он, с неизбежным не борясь,
Шагал в застывшие дубровы,
И реял ветра черный князь,
Всех пятерых забрать готовый.

И, коль об этом речь пошла,
Любому станет ясно дале:
Он предал смерти лишь тела,
Они свое перестрадали.

Томилось тело, в ночь спеша,
Однако не томилась боле
Освобожденная душа,
Воспрянув к Небу от юдоли.

Всегда пред горестью такой
Живущим, а не мертвым худо.
Не скоро низойдет покой,
Мы на земле еще покуда.

Пока не грянул трубный глас,
В душе молитесь, как во храме.
Не за морями смертный час,
И смертный час не за горами.

Зане хула и похвала
Для вас да пребывают чуждо.
Зане награду за дела
Господь назначит коемуждо.

Жестокий воин никогда
Не брезговал вербовкой черной,
Давая повод для суда,
Для сплетни, тяжкой и позорной.

Я все сказал, но лишь на треть,
Но и того довольно ныне,
Увы, чтоб оказаться впредь
Неуважаемым в долине.

Мечтой охотничьей томим,
Шел Дональт, зла не ожидая,
И следом Шемас шел за ним;
При них – борзая молодая.

В их гибели – не их вина;
Теперь оплакивают сына
Там, где гористая страна,
И там, где стелется равнина.

И я печали не таю
О Дональте, питомце чести,
Кто и собакам и ружью
Был верен, как жених невесте.

И Доннах тоже был таков,
В стране, где все живут трудами,
Где не бывает чужаков,
В стране, где мир царит годами.

Его доход хороший влёк,
Полны амбары были житом,
Но он держал свой кошелек
Для милосердия открытым.

Он не остался взаперти,
Когда трещала домовина;
И он почти сумел уйти,
Но догнала его лавина.

И Йану тою же тропой
Легко шагалось молодому.
И ждал его отец слепой,
И сын не возвратился к дому.

Едва знаком был с ними я,
Мешают годы поневоле,
Но говорили мне друзья,
Что мир без них – как хлеб без соли.

На четверых – одна беда,
Но мы не вспомним об утрате
В тот день недалекий день, когда
Откроют книгу благодати.

В наследство горечь нам дана,
Печаль долину навестила,
И только ваши имена
Теперь сияют, как светила.

Кто обмануть решает ад,
Чей умысел надежно спрятан,
Тот лжет, что он не виноват,
Лишь потому, что виноват он.

Тоски не выразят слова,
Для них не подобрать мотива,
Печальна песня Рождества,
Мучительна и некрасива.

Речей красивых больше нет,
В высотах звезды отблестели,
Запомнится на сотни лет
Невзгода нынешней метели.

Немая горная гряда
Бедой ощерилась овражной.
Дешевой шлюхой был всегда
Проклятый Гайк, колдун продажный.

Не ждите старческих седин,
За все – одна и та же плата.
Спешите отыскать притин
До наступления заката.

Джон Макрей / Йан Макмурхад
(ок.1750 – не ранее 1780)

Перевод Е. Витковского

О поэте известно крайне мало, себя он называет в стихах «офицером, пристрастившимся к виски и попавшим из-за этого в Америку». Известны лишь восемь его стихотворений, да и те уцелели чудом, опубликованы полностью они были лишь в антологии Маргарет Макдоннел, посвященной ранней гэльской поэзии Северной Америки, преимущественно Канады «Опыт эмигрантов», 1987. Завербовавшись в родном Кинтайле в британские войска, приехал в Америку, где в Северной Каролине воевал против повстанцев, боровшихся за независимость; попал к ним в плен и, очевидно, вскоре умер; в последнем стихотворении он называет себя «беглецом с начала сентября», почему – неизвестно. Однако память о нем долго сохранялась по крайней мере в его родном Кинтайле, куда каким-то образом попали его стихи.

Одиночество

Мне нынче одиноко.
Америка далеко
От северо-востока,
    От края моего,
Где жизнь прошла младая,
Где пил и пел всегда я,
Тем самым соблюдая,
    И дружбу, и родство;
Где не рыдал я, скрючась,
Кляня свою же участь,
И бесконечно мучась
    Подробностями той
Случившейся во мраке
Бессмысленной атаки,
Той безобразной драки
    В год семьдесят шестой[1].

Молитвой душу тешьте,
Как тешили и прежде,
Мы станем ждать, в надежде,
Что кончится беда,
Что снизойдет корона,
Что станет вновь законно
Все, данное исконно
Нам в давние года.
Не жалкие бумажки
Носили мы в кармашке.
А фунт блестящий, тяжкий,
Нам платой был тогда,
И нынче только снится,
Как в колос шла пшеница,
Как овцы шли ягниться
И как паслись стада.

Рассудком воспаленным
Влекусь к шотландским склонам,
К их пастбищам зеленым,
Где я благоговел
Пред песнею, звучащей
Псалма любого слаще:
То на оленя в чаще
Другой олень ревел.
Там не листвою скверной,
А клевером с люцерной
Косули, лани, серны
Кормились в тишине,
Плоды с дерев срывая,
Телков к воде сзывая,
А влага ключевая
Чиста, как каберне.

И вспоминать-то жалко,
Как в камышах, с прогалка,
Отличная рыбалка
Отрадой мне была:
Весь день следил я зорко,
Где сиг, где красноперка,

И сыпались в ведерко
Сребристые тела;
С мыслью не миную,
Того, как в ночь иную
Сквозь толщу водяную
Я целил острогу,
Прислушиваясь к всплеску.
А нынче, как в отместку,
Удилище и леску
Наладить не могу.

Не красным ли мундирам
Над всем владычить миром,
А мы – сидим по дырам,
Без флага на древке,
Победа – не за нами,
Британскими сынами,
И гонит нас волнами,
Как рыбу по реке.
Того ж, кто негодует,
Начальство замордует,
И больше всех продует,
Кто больше всех ретив.
Ведешь, вожак незрячий,
Идешь, мертвец ходячий,
И с каждой неудачей
Все меньше перспектив.

И размышляю в страхе
О неизбежном крахе,
Тут скоро встанут плахи,
Враги начнут балет;
Но хватит этих танцев,
Пора спасать британцев;
На стороне повстанцев
Закона вовсе нет.
Я, впрочем, удостою
Вас истиной простою:
Непросто под пятою
Удерживать страну,

Но путь канатоходца
Однажды оборвется,
И за прыжок придется
Ответить прыгуну.

[1] Бой у моста через реку Морс-Крик 21 февраля 1776 под г. Уилмингтоном, шт. Северная Каролина, где лоялисты, среди которых находился автор стихотворения, были мгновенно разбиты.

Улем Рос
(1762–1790)

Перевод Елены Кистеровой

Улем Рос родился на острове Скай, но впоследствии семья поселилась в Гярлохе, откуда родом была его мать – дочь Джона Маккея, слепого поэта и волынщика. С детства Росс любил гэльский язык и всю жизнь внимательно изучал его диалекты. Много путешествовал, в том числе в детстве и юности вместе с отцом, занимавшимся торговлей вразнос. При этом бывал и в Лоулэнде, в Пертшире, Эдинбурге, Аргайле. Затем получил место учителя в приходе Гярлох; наряду с этим служил и регентом в приходской церкви. Из церковного обихода он воспринял и часто употреблял в своих стихах старо-ирландские слова и выражения. Уильям Росс страдал астмой, а впоследствии – туберкулезом, который стал причиной его ранней смерти. Другой печальной спутницей жизни Росса была несчастная любовь к некоей Мэрион Росс из Сторнвея. Следуя традиционным размерам гэльского стихосложения, Росс в то же время находился под сильным влиянием творчества Роберта Бернса (1759–1796); отсюда, видимо, и необычная для гэльских бардов составляющая творчества Росса – большое число любовных песен.

Похвала Гярлоху[1]

Обычный в гору об эту пору
Нескорый путь отмерю,
Себя – каков я и сколь здоров я –
Тропой холмов проверю;
По Ларик Иле[2] на долги мили
Унылая дорога,
Хоть Новый год, на сердце гнёт:
Красот вокруг немного.

О, Киллин[3] пегий, в грязи и снеге,
Шторм о ночлеге воет,
Того и близко постель да миска
Английские не стоят.

Вдали, я знаю, земля родная
Взывает – только слушай, –
Пока бреду я, а ветер дует
И думы глуше, глуше.

Пасут в раздолах коров комолых,
Здесь в сёлах люд проворный,
Дивишься вчуже: куда уж хуже?
К тому ж народец вздорный.
Болтали люди: «Здесь лучше будет –
Рассудит всяк, сколь беден
Твой край голодный, а в день холодный
Кому угодно вреден».

О Гярлох! горы, полей просторы
Не скоро вновь объемлю,
Ищу тебя, душой скорбя,
Любя Маккензи землю[4];
Там, словно птица, олень промчится,
Резвится тварь лесная,
Слышна всё чаще кукушка в чаще
Бодрящим утром мая.

Край доброй пищи, отнюдь не нищий –
Отыщешь в нём щедроты,
Приветны взгляды, в полях прохлада,
В долине стад – без счета;
Мой край медовый, где сливок вдоволь,
Коровы там не тощи,
Колосья сильны, народ двужильный,
Обильны дичью рощи.

Край, что во благо хранит отвагу,
Край, влагой гор омытый,
Край хлебосольный, своим довольный,
Привольный, знаменитый;
Тот край, где гуще лесные кущи,
Цветущий край весёлый,
Мой край с дождями, полей браздами,
Травой упрямой в поле.

А в Рождество на торжество
Всего светлей и краше –
Для шинти рады нести снаряды
На брег отряды наши[5];
Как войско Финна[6], по льду равнины
Дружина шлёт удары,
Борьба без края: глядишь – до Брая
Боец добрался ярый.

В земле чужой хоть волком вой:
Домой душа стремится,
Где дух достойный, порядок стройный,
Людей спокойны лица;
Там в час закатный идут обратно
С забавы ратной дружно, –
Уймёт кручину мотив старинный
Волынки ночью вьюжной.

А кубок ждёт – пей без забот,
И в свой черёд балладный
Напев по кругу мы друг за другом
Затянем звучный, ладный;
Рабочей песни припев известный –
В строках не тесно слову,
Волынка, воя, готовит к бою,
Героев кличет снова.

Случится, верно, вам быть в таверне,
Отмерить чаш довольно,
Течёт без споров, пустых раздоров
Ваш разговор застольный;
Друзей с любовью услышу вновь я
И говор их согласный,
Нежней аккордов от клавикордов
Беседы хор прекрасный.

Шотландцев слава – рассудок здравый
А в битвах – нрав суровый,
Там Гектор Рыжий[7] войсками движет,
Я Флодден[8] вижу снова;

Был бой тяжёл, но силу ствол
Обрёл во время оно,
Гордясь ветвями, он словно знамя
Воздвиг над нами крону.

[1] Гярлох (Gairloch, «Короткое озеро») – селение и большой приход, расположенный вдоль берега одноименного озера на северо-западном побережье Шотландии.

[2] Ларик Иле – горный проход в Пертшире.

[3] Киллин – селение в графстве Пертшир (впоследствии – в графстве Стирлинг). Хотя автор писал эти строки, находясь километрах в двухстах от Гярлоха, но Киллин для него – горькая чужбина.

[4] Земля Маккензи – речь идет о Маккензи из Гярлоха (Clann Eachuinn Gheàrrloch). Маккензи принадлежало больше земли, чем любому другому шотландскому клану, но в XVIII веке они сражались на стороне якобитов, что и было причиной падения клана. В 1746 году в сражении при Фолкерке кланом командовал Джордж Маккензи, но незадолго до Куллоденской битвы он и его сын были арестованы и лишены титулов; в результате многие Маккензи не смогли участвовать в этом роковом для шотландцев сражении.

[5] В шинти обычно играли зимой, причем на Новый год соревновались соседние приходы; также и в Гярлохе в это время бывала большая игра на берегу залива. Изогнутыми палками гоняли крупный круглый тяжелый «cnap» (произносится «крахп») из дерева (современный мяч для шинти легче и мягче). Автор пишет, что его загоняли до Брая: неизвестно, или так в этой местности называли ворота, или это гипербола (в Шотландии есть несколько мест с таким названием).

[6] Финн Мак Кумал, или Фингал – герой кельтских преданий III в. н. э., воин, охотник, мудрец и провидец.

[7] Гектор Рыжий – видимо, подразумевается знаменитый шестой глава клана Маклинов, живший в конце XIV – начале XV веков.

[8] Битва при Флоддене – крупнейшее сражение между англичанами и шотландцами во главе с королем Иаковом IV в 1513 году. Оно закончилось поражением шотландцев, которые понесли большие потери; король был убит.

Песнь маркизу Грэхему и шотландской одежде*
На мотив: «The Waulking o' the Fauld»

Смутил мой ум унылый шум
Поникших струн сердечных;
Печали многи претерпев,
Я сладостный забыл напев,
Так было худо, но словно чудо
На радость рифмоплёту,
Вдруг вестник светел на скорбь ответил
И разогнал дремоту.

Сей день отрадный, светлый, ладный,
Приятный нам явился,
Отрадой горечь поборов
Равнин и сумрачных холмов;
Пришла оттоле шотландцам воля –
И северу, и югу;
Веселье Твид провозгласит
И острова друг другу.

Маркиз младой, велик душой
И благороден ликом,
Пусть славный твой продлится род
И плод приносит в свой черёд;
Ты словом смелым победу гэлам
Явил на радость душам;
Тебе пою – и в честь твою
Немало чаш осушим.

Ты сердцем прав, и духом здрав,
И безупречен нравом,
О, синеокий сокол мой,
Что к цели долетит стрелой,
Отважный, истый, борец речистый, –
Среди суда любого
Явишься скор, окончишь спор,
За нас замолвишь слово!

Брожу по свету, душа согрета
Одной заветной мыслью:
Любовь к отчизне всё сильней,
Тоскливый взор стремится к ней;
Но вспомню новость – уйдет суровость
И расцветёт веселье,
А песня птицей в груди родится,
Зальётся звонкой трелью.

Пришел указ, а с ним для нас
Тотчас фасон старинный
В тартане засиял вокруг
Трудом девичьих ловких рук;
Из прочной нити узоры тките
Достойны славы нашей,
Носить их сможем под стать вельможам,
Один другого краше.

Пускай война грозит черна –
Нам не страшна отныне,
Пусть двинутся на нас войска –
Не дрогнем, если смерть близка,
Но сердцем бодрым и духом твердым,
Нося, как знамя, пледы,
Клинком стальным ответ дадим
И прочь отгоним беды.

С родной одеждой обычай прежний
И предков дух вернется;
Проявим смелый, честный нрав,
Далече лондонцев изгнав,
И с королём их домой пошлем их:
Ведь и под страхом смерти
Я предпочту свою мечту –
Не мир с врагом, поверьте!

* Песнь связана с отменой в 1782 г. запрета на ношение национальной одежды шотландских горцев; запрет был составной частью законов, принятых после восстания якобитов в 1745 г., распространялся на килты,

тартаны и все специфические предметы одежды горцев и предусматривал при первом нарушении тюремное заключение на шесть месяцев, а при втором – высылку за океан.

Песнь посвящена маркизу Джеймсу Грэхэму, впоследствии третьему герцогу Монтроуз (1755–1836); отмена запрета произошла в значительной степени благодаря его усилиям.

В отличие от самого Улема Роса, отец его был приверженцем Ганноверской династии; в примечаниях к песни говорится, что в первый раз автор исполнил ее в кругу друзей дома в присутствии своего отца. Услышав последнюю строфу, содержащую выпад против короля, отец Улема непроизвольно схватился за палку и воскликнул: «А, шут, ты знаешь, где и когда петь такое!» – Сын ответил: «По правде говоря, отец, я спел бы это и в Палате Общин, лишь бы там не было тебя!»

Алистер Маккиннон (1772–1814)

Перевод Е. Кистеровой

Родился поэт в Мораре. В 24 года он был зачислен в 92 полк, в котором служил с отличием до 1801 года, когда в известном сражении под Александрией получил три ранения, принят за мертвого и едва не был похоронен; однако вовремя было замечено, что он все-таки жив. На госпитальном корабле он был отправлен в Англию, во время плавания он и сочинил первое из приводимых ниже стихотворений. По сангвиническому темпераменту он, едва оправившись, был зачислен в 6-й полк ветеранов и продолжал служить вплоть до отставки. Скончался от последствий полученных ранений в Форт-Уильяме и похоронен с воинскими почестями. Семь его стихотворений уцелели почти случайно, их обнаружил во время путешествия по Хайленду в 1815 году Йан Маклин (Бард Маклин).

Песнь поэта после высадки в Египте

Хотя и долог нынче сон,
Тяжёл и беспокоен он,
С рассветом солнце припекло,
На жёстком тело затекло;
Я одинок и удручён,
Нет земляка со мной.

Кто, зная гэльский, в этот час
Услышать мог бы мой рассказ,
Как, послан к дальним берегам,
Явился флот – гроза врагам,
Зловещий знак для вражьих глаз
На глади водяной.

То марта был восьмой рассвет,
И корабли, друг другу вслед,
Скользили плавно по воде –
Они прославлены везде;

Был солнцем парус обогрет
Над хладною волной.

Всходило солнце, ветер стих
Сияла сталь клинков лихих;
На берег воины сошли,
Солдаты эти – соль земли,
Алмазом – командир средь них
В оправе золотой.

Надежней дуба великан
И лев, что не страшится ран, –
К тебе привержены сердца,
Любовь и верность до конца –
Сей дар, что вместе с жизнью дан, –
Связали нас с тобой.

И во главе своих колонн
Ты шёл, в сраженьях закалён;
Француз мечтал нас превозмочь
И думал, что прогонит прочь,
Но бодр под славою знамён
Героев наших строй.

Орудий рёв, огонь и дым;
Туманом едким и густым
Затянут берег от пальбы
С начала яростной борьбы,
И небо видится седым
За тусклой пеленой.

Привычен к буре наш моряк,
Не удержать его атак,
Хотя снарядов ураган
Летел навстречу, зол и рьян,
И окружил всю бухту враг,
Как огненной стеной.

Встречали нас ряды клинков
Ещё в воде у берегов,

Надеясь, что огонь сметёт,
Погубит нас кровавый брод,
И сталь прикончит смельчаков,
Коль выйдет кто живой.

Французам встречи не забыть –
Как наши начали рубить;
На берег полк едва ступил –
И льется кровь из вражьих жил,
И кто замыслил нас убить –
Ответил головой.

Клинков стремительный разгул
Врагов достал, не обманул:
И словно ствол, что слаб и сух,
Пал хоть один из каждых двух,
Не турок саблей подмахнул, –
Здесь твердой бьют рукой.

И сталь – жестокий дровосек –
Искусно очищала брег;
Тот враг не мог укрыться цел,
Кто медлить у воды посмел;
Но не спасал и быстрый бег –
Шел под обстрелом бой.

Враг врассыпную отступал,
Как будто лис овец щипал;
Увидишь вдруг издалека:
Вот мчится конь без седока,
А там – со всадником упал
На берегу другой.

И королевских горцев полк
Не отступил, не приумолк,
Он, как всегда, могуч, суров
И не щадит своих врагов;
Бойцы верны, и знают толк
В работе боевой.

Прославят острова они,
Как прославляли искони:
Отваги дух неукротим
И гнев в бою неотвратим,
Удару молнии сродни –
Летящей, огневой.

Как пёс борзой, силён и худ,
Так воин каждый скор и лют,
Не утомится на бегу,
Ослабы он не даст врагу,
Щенки-французы издают,
Спасаясь, жалкий вой.

Песнь о битве в Голландии
(На мотив «Алистер Гленгарри»)

Октября число второе:
Двинувшись врагу навстречу,
Шли британские герои –
Не забыть мне эту сечу.
Аберкромби берег моря
Скрыл – я слышал канонаду;
Войско Мура было в сборе,
Их огонь – врагу преграда.

Англичан вперёд послали:
Люди Аберкромби, Мура –
Встречь французам; мы же сталью
Ощетинивались хмуро.
Армии сошлись вплотную,
Воздух почернел от дыма,
Ночью под пальбу сплошную
Мы стояли недвижимо.

Нас в резерве учинили
С лордом Хантли – воин смелый,
В нём следа не сыщешь гнили,
Коли драка закипела.

Шёлк знамён над головою
Трепетал, гудел и рвался
Так стремился всякий к бою,
Кто на месте оставался.

Тысяча стояла рядом:
С ними храбрый лев матёрый –
Камерон, своим отрядам
В битве верная опора.
Изготовились мы вместе,
Стали все единым целым.
Что за труд? Немного чести –
Ждать на поле под обстрелом.

Но обрушились удары
Тяжких ядер; англичане,
Точно от лица пожара,
Отступили с поля брани.
Аберкромби крикнул властно:
Горцев двиньте в бой жестокий,
Им под силу в день ужасный
Бегства заградить потоки.

И стремительны, как порох,
Ринулись вперёд солдаты,
Яростных орлов и скорых
Озадачить трудновато.
Словно вспышка поразила,
Молния в ночи дождливой –
Строй врагов смешала сила,
Для клинков ища поживы.

Нету на переднем крае
Лорда Гордона; но рьяно
Рвутся в бой герои, зная
О его жестокой ране.
Как в горах с набегом шквала,
Ливень рушится на плечи,
Войско наше наступало,
Сопротивников калеча.

Под огнём, в пылу и раже,
Гибли люди Камерона;
Тяжко ранен пулей вражьей
Командир их непреклонный.
Да, она достигла цели –
Скор удар малютки-пули;
Но к закату мы поспели
И долги врагам вернули.

Королевский полк в сраженьи
Был далёк от нас, но имя
Горцев – знак отваги, мщенья,
Твёрдости несокрушимой.
Вы стремились за победой,
Слыша зов звенящей стали;
С честью вы носили пледы[1],
Но увы! сегодня пали.

Вновь пальба; французов пылу
Как бы положить преграду?
Десяти минут хватило
Злого огненного града;
Но пробились ближе люди
И клинки пустили в дело:
Ведь вернее всех орудий
Сталь разит живое тело.

И в атаке верной, скорой,
Львы, не делая различий,
С яростным горящим взором
Устремились за добычей;
И прожгли, расторгли узы –
Пот на волосах, на коже –
Извергали кровь французы,
На песке прибрежном лёжа.

Ветра набегут порывы
И погнав, рассеют к ночи,
Разорвут нетерпеливо
Облаков кровавых клочья;

Так бежала с поля брани,
Раздробилась вражья стая –
Облаков непостоянней,
Словно снег на солнце тая.

Хоть страну покинуть эту
Нам пришлось, но с поля боя
Честь, позором не задету,
Люди унесли с собою.
Битвы с новыми частями,
Что явились из-за моря,
Ждали мы; но с их вождями
Герцог сговорился вскоре.

Вот сраженье миновало,
Мы исчислили потери:
Гэлов сгинуло немало,
В битве дравшихся, как звери.
Люди в килтах из тартана
Сохранили верность слову,
Приняли без счета раны,
И увы! – не встанут снова.

Жаль: хоть всюду знамениты,
Доблестным, горячим нравом –
Не нашлось для них защиты
От свинца в бою кровавом.
Но враги не одолели,
Победили? нет, едва ли:
Ведь людей в том бранном деле
Семикратно потеряли.

Жизнь теперь течёт лениво,
В Англии грустят ребята:
Зимние квартиры, пиво –
Виски, правда, маловато.
За Маркиза выпьем дружно
И хвалить не перестанем:
С радостью, коль будет нужно,
Под его знамёна встанем.

[1] Пледом (гэльск. breac) называется и клетчатая ткань (тартан), и одежда из нее. Большой килт (breacan an fhéilidh, т.е. плед с ремнём) – старинная одежда горцев, представляющая собой большой кусок ткани, сложенный складками и препоясанный ремнём. Складки вокруг плеч могли использоваться для переноски грузов, ими же укрывали голову от непогоды. В тот же плед заворачивались, устраиваясь на ночлег. Малый (современный, изобретенный ок. 1725 г.) килт представляет собой нижнюю часть большого килта; ношение шотландской национальной одежды было запрещено в 1746 г.; запрет длился 35 лет, но не распространялся на полки шотландских горцев.

В 1794 г. капрал Александр (Алистер) Маккиннон, автор поэмы, поступил в 92-ой полк шотландских горцев, только что созданный лордом Гордоном, маркизом Хантли.

В августе 1799 г. полк отправился в Голландию и в составе русско-английской экспедиции против войск французского революционного правительства.

Полк входил в бригаду генерала Джона Мура (1761–1809); непосредственно после высадки в Голландии не принимал участия в боевых действиях, но отличился во время описанного в поэме большого сражения второго октября. Это сражение длилось около пяти часов; Мур был ранен, но продолжал командовать, после чего был снова тяжело ранен в голову; однако это заставило усталых людей собраться с силами и в последний раз отбросить французов. Сэр Джон Мур впоследствии выбрал изображение солдата 92-го полка в качестве щитодержателя для своего герба в благодарность двоим, которые вынесли его с поля боя.

Сэр Ральф Аберкромби (1734–1801) командовал дивизией, в которую входила бригада Мура. В начальной строфе поэмы говорится, что он скрыл берег моря: подразумевается канонада, из-за которой берег стал невидим. Впоследствии Аберкромби был назначен главнокомандующим корпусом, посланным против Наполеона в Египет; 8 марта 1801 года высадился в Абукире (чему посвящена другая поэма Маккиннона), 21 марта дал сражение при Александрии и выиграл его, но был смертельно ранен и вскоре скончался.

Сэр Алан Камерон из Еррахта (1753–1828) – глава 79-го полка, созданного им самим в 1793 г. Во время описываемого сражения был дважды ранен, второй раз тяжело, в запястье, так что не мог уже владеть этой рукой до самой смерти.

В поэме упомянут также Королевский полк – 42-й полк шотландских горцев, первый по старшинству горный полк Шотландии, основанный в 1725 г.; назывался также «Чёрная Стража» (Black Watch) по тёмному рисунку тартана.

Дональд нан Оран Маклауд (1787–1872)

Перевод Е. Витковского

Родился и жил на острове Скай; служил собирателем дорожных налогов. Опубликовал несколько стихотворений в коллективной антологии «Новые гэльские стихи» в 1811 году (21 стихотворение, в том числе три приводимых). Вскоре эмигрировал в Америку, где стал рыбаком. Через пятнадцать лет, – принято считать, что из-за смерти возлюбленной, – возвратился в Шотландию. На исходе жизни, в 1871 году опубликовал книгу «стихи и песни»; очевидно, большинство его стихотворений утрачено. Стал отцом двоих известных поэтов – Нейла Маклауда и Йана Ду, чьи произведения можно найти в нашей антологии. Был весьма образован, судя по блестящему диптиху во славу старой лодке, где он откровенно глумится над самым прославленным произведением гэльской поэзии – «Большой ладьей Кланральда» Аласдайра (Александра Макдональда), впрочем, следуя антропоморфному изображению корабля как стареющего человека (ср. с «Шлюп “Джейн”» Роба Донна). Глумление над поэмой Аласдайра виртуозно: весь диптих написан труднейшим ирландским *snèadhbhairdne*, как и большая часть пародируемой поэмы. Писал на чрезвычайно архаичном языке, что, возможно, послужило причиной отсутствия внимания к нему среди потомков.

Очевидно, однако, что поэт пользовался серьезным уважением современников, коль скоро к его литературному имени традиционно добавляется «Нан Оран» («Песенник»), высшая оценка поэтического таланта. Такая же, какой были удостоены в народе Дункан бан Макинтайр и Мари Макферсон. Тем не менее стихи поэта до самого конца XX века не входили ни в одну заметную антологию, ни одна его строка не была переведена на английский язык, он лишь уважительно упоминался как отец его старшего сына Нейла. Возвращен читателям он был лишь в 2014 году, когда в Эдинбурге вышло академическое издание избранных произведений семьи Маклауд: отца Дональда и двоих его сыновей, Нейла и Йана.

Стихи во славу старой лодки, принадлежавшей старику, большому любителю табака и виски, по случаю того, как он плавал за досками за Лох Полтейл на северо-западе острова Скай

Это песнь про то, как ходко
Мчалась лодка,
Близ Полтейловых каменьев
Воду вспенив,
От селений, пусть прелестных,
Но безлесных,
За березой, за осиной –
Древесиной.

В море лодку жребий бросил
Не без весел,
От земли рванулась резко
Не без треска,
Заскользила к роще вольной,
Прямоствольной,
Восхищая неустанно
Капитана.

Мачту подняли матросы,
Взяв за тросы,
Укрепив манером древним
Над форштевнем,
Были планширем зажаты
Все канаты:
Их на скрепы лучшей стали
Намотали.

В море прочь от водопада
Править надо:
Ибо мудрость предков ценит
Толстый Кеннет;
Словно город, стало судно
Многолюдно;
Пролегла тропа морская
Прочь от Ская.

Над матросами ветрило
Воспарило,
Весел стал и благозвучен
Скрип уключин,
Лодке требуется встряска,
Чтоб оснастка
На ветру, берясь за дело,
Загудела.

Никому нет в море спаса
Без компаса,
И еще по-деловому
Рулевому
Добавлять потребно к пище
Табачище,
Сокращая путь неблизкий
Флягой виски.

Лодка бешено помчала
От причала,
Умножалась в море пена
Постепенно,
Поспешал любой гребущий
Только пуще,
Как безумные бакланы,
В океаны.

Пусть гребцы твои не стонут :
Не потонут,
Ибо тисовые доски
Очень плоски,
Да и киль умело согнут;
Пусть не дрогнут,
Если лодка ввысь помчится,
Будто птица.

Потопить валам нетрудно
Это судно,
Да и спорить бесполезно
С синей бездной,

Да и тщетно ожиданье –
Состраданье
Обрести в зеленогубых
Душегубах.

Ты взлетаешь над волнами
Временами,
Словно в жуткой колыбели,
Не тебе ли
Оценить прыжок лосося
Довелося
И ежа морского коготь
Днищем трогать?

Хуже снежного бурана
Нет тирана,
Страшен для страны подлунной
Дождь валунный,
Но к тебе морское лоно
Благосклонно,
И грядет взамен свирепства
Благолепство.

Был доподлинный мужчина
Старичина,
Он колонною прямою
Над кормою,
Всем назло врагам и хворям
Встал над морем
Необорным властелином,
Исполином.

Если лондонские пэры
Примут меры,
Ты пойдешь на подвиг ратный,
Благодатный,
Государственному флагу
Дав присягу,
Славою твоей омытым
Гордым бриттам.

Истинная песнь о той же лодке

Это песнь про то, как лодка,
Сумасбродка,
Мимо скал Полтлейла шало
Поспешала
К роще дальней за нетяжкой
Деревяшкой:
В роще той найдутся бревна,
Безусловно.

На крутой скалистый берег
Без истерик
Лодку вытащить сумели
Еле-еле,
Опасенья о кормиле
Их томили
И насчет душеспасенья
Опасенья.

Лодка зренья не ласкала,
Протекала,
Эту лодку из-за гнили
Не чинили,
Тут под каждой ржавой скобкой
И заклепкой –
То паук, как говорится,
То мокрица.

В ней погано, а снаружи
Даже хуже;
Обустроилось на днище
Гнездовище,
И травы на ней чащобы,
И легко бы
Прокормить быка травою
Таковою.

Если ей найдется заводь,
Чтобы плавать,

Пусть врагов моих та лодка
Увезет-ка;
Не борта у этой лодки,
А решетки,
Никакой не стало прыти
В том корыте.

Мачты выглядят, как чурки
Из печурки,
И в обломках такелажа
Тоже лажа,
И крошится на кусочки
На песочке
Неуместный для погостов
Жалкий остов.

Для гребцов сидеть на веслах –
Тот же послух,
И поди не встань от качки
На карачки,
Словом, полная непруха
И разруха,
Словом, полная пропажа
Экипажа.

Песня во славу картошке

Подруга, подойди сюда,
Ты никого не опечалишь;
Когда кончается еда,
Надежда наша на тебя лишь.
Ты благородна и добра,
Ты радуешь язык и губы.
Не будет счастья у костра,
Пока с тебя не сняли шубы.

Тебя лопата в добрый час
Торжественно похоронила;

И ты должна в который раз
Восстать, как феникс из горнила;
Взойдет росток едва-едва,
По наставлению природы,
И станет зелена ботва,
И потучнеют корнеплоды.

Побеспокоилась судьба,
Не обошла заботой скрытной:
Тебя засыплют в погреба
И воцарится праздник сытный,
Тобой набитые мешки
Начнут худеть, и значит это,
Что богачи и бедняки
В довольстве проживут до лета.

Твоя натура широка,
Ты поднимаешь силу духа,
Ты – утешенье толстяка,
Его беременного брюха;
Едок, присягу в том даю,
Однажды грызть сухарь устанет,
Зато, вкушая плоть твою,
Нисколько десны не поранит.

Водой намоченной, тебе
Роптать, быть может, надлежало б,
Но ты покорствуешь судьбе,
Никто твоих не слышал жалоб,
Кто с этим зрелищем знаком,
Душой теплеет хоть немножко:
Горят дрова под котелком,
А в котелке кипит картошка.

Благополучие нутра,
Благоутешность вкусовая;
Искать ли от добра добра,
Когда набита кладовая?
С тобою каждый день хорош,
Ты укрепляешь наше тело,

И там, где дело ты начнешь,
Любое удается дело.

Старухи потчуют обжор,
В обжорах сытость наступает;
Тебя копает в поле вор,
Но много вор не накопает:
С мешком оголодавший тать
В кусты не убежит вприскочку;
Тебя так просто не продать
И не набить тобою бочку.

Тебе везде хвала и честь;
Плевать на то, что ты невзрачна;
И для того, кто хочет есть,
Ты безупречна однозначно;
Слюной переполняешь рот;
Работать без тебя непросто;
Ты голодающий народ
Спасать умеешь от погоста.

Ты всюду гордость очага
Для всех, от мала до велика,
Тебя приветствует слуга,
Тебя приветствует владыка,
Раба питаешь и царя,
Безгрешный люд и люд греховный,
И, безусловно, ты не зря
Своей гордишься родословной.

Тебя оплачет детвора,
Когда, печали умножая,
Придет голодная пора
Тоскливого неурожая;
Восторг, желанный для кишок,
Деликатес в горшке и в миске,
И если опустел мешок,
То пригодятся и очистки.

Ты безупречна и чиста,
В тебе опасности – ни крошки;
И теплота и доброта
Сокрыты в супе из картошки,
В тебе живет здоровый дух,
В тебе – бескормицы отмена,
Ты человечеству пастух,
Но ты и врач одновременно.

Все описания трезвы,
Ты счастье добряков и скаред,
Вовек не скажешь ты «увы»,
Тебя и время не состарит;
Ты входишь в наши животы,
Оберегаешь души наши,
К тому же, я добавлю, ты
Куда сытней овсяной каши.

Бард Маклин (1787–1848)

Перевод Е. Витковского

Собственно Йан Маклин, впоследствии известный как Бард владетеля острова Колл или просто Бард Маклин. С шестнадцати лет работал сапожником на родном острове Колл. Через три года, закончив обучение, проработал год в Глазго как подмастерье; по возвращении на остров занялся торговлей. По свидетельству коллег, сапожником юноша был неважным, склонялся к поэзии. Для своего времени и положения он был хорошо образован, знал гэльский и английский языки, занимался собиранием творчества бардов; пользовался покровительством лэрда с северо-востока острова Колл. В 1815 совершил пешее путешествие по Аргайлу, собирая песни и рукописи гэльских стихотворений; в числе его находок оказались уникальные записи семи стихотворений поэта-воина Александра Маккинона (1770–1814), воевавшего против Наполеона и Голландии и в Египте. В целом рукопись составила 110 стихотворений; большинство из них нигде более не сохранились. В 1818 г. в Эдинбурге поэт издал собственное «Собрание стихотворений».

На деньги, которые принесло издание, в 1819 г. поэт эмигрировал в Канаду. Летом следующего года вместе со старшим сыном он отстроил дом, названный им Хутор-на-Холме; занялся корчеванием деревьев и выращиванием картофеля. На ферме близ реки Барни поэт жил чрезвычайно тяжело. Именно тогда были написаны его лучшие стихотворения, в том числе знаменитая «Песнь Америке»: эта поэма в точности подражает ритмикой и длиной поэме «Раздол туманов» Дункана Бана Макинтайра, но, в противовес светлому пантеизму последнего, Маклин изображает природу Нового Света как глубоко враждебную человеку. В начале 1830-х поэма Маклина, которую он отослал старшему брату, поэту Дональду Маклину (1775–1868), стала известна на родных островах, послужив для многих поводом к отказу от эмиграции.

Друзья Барда Маклина (так его стали называть в Канаде, на родине его по сей день именуют «Бардом владетеля острова Колл»), переживая за него, хотели послать деньги, чтобы он вернулся; ему предлагали не облагаемый арендной платой участок на родном острове – настолько реалистично и жёстко описывал бард Канаду. Но Маклин не вернулся; смягчился и настрой его поэзии. Похоронен поэт в Долине Барда возле залива Св. Георга, за которым лежит Кап-Бретон, – в сердце единственного сохранившегося до наших дней островка гэльской Канады.

Песнь Америке
[Глухой урман]

Томясь в тумане, в глухом урмане,
Судьбою брошен в чужом краю,
Который тесен для слов, для песен –
Я знаю: больше не запою;
Здесь жизнь другая: стихи слагая,
Не утешаться отныне мне;
Живу далече от гэльской речи,
Она осталась в родной стране.

Здесь нет охоты слова и ноты
Беречь на вечер у камелька;
Друзья-соседи нейдут к беседе –
Трудна дорога и далека;
И все жесточе и в дни, и в ночи
Не утихает моя тоска:
Душа в раздоре, ей снится море,
Хоть возле дома бурлит река.

Нет кашеварни над речкой Барни,
Жильё – в новинку для этих мест;
Еды ни крошки, опричь картошки,
Вот так и платим за переезд;
Себя не чуя, но пни корчуя,
Но вековые стволы валя –
Пусть на чуточек парней и дочек
Сытней прокормит моя земля.

Не зная края, не выбирая,
Идешь на зов, а придешь в силки:
Отменно ловки в делах вербовки
Сладкоречивые пауки;
Но ни наживой, ни речью лживой,
Не искупить им свою вину –
За нас, живущих в дремучих пущах,
Сокрытых ими в лесу, в плену.

Их ложь огромна и вероломна:
Мол, за морями цветут края,
Там жизнь в порядке, кругом – достатки,
Преизобильна земля сия;
Путь не близенек: порядком денег
С переселенцев они берут:
За рейс, пожалуй, доход немалый
Один и тот же сулит маршрут.

Умеют разным прельстить соблазном:
Не упускай, мол, своих удач, –
Труда немного: одна дорога,
А кто добрался – уже богач;
Эх, друг везучий, коль выпал случай, –
Ты приплываешь в дремучий лес:
Там дела уйма, зато ни дюйма
Весь год не кажет лазурь небес.

День все короче, все дольше ночи,
По древним веткам метет пурга;
Себе дороже – чулки из кожи
Не надевая, идти в снега;
Здесь для трясины есть мокасины –
Но эта мода грозит бедой:
Хоть из опойка для них покройка –
Всё голенище зальешь водой.

Тут не до смеха: побольше меха,
Шерсти побольше – на рот и нос;
Помни: коварный ветер полярный
Ушам и пальцам грозит всерьез;
Лезвия хрупки после порубки:
Сталь на морозе станет дрянцом;
На день всего лишь дров ты наколешь,
Ну, а потом – болтай с кузнецом.

Весной к тому же куда как хуже, –
Едва наступит черед жары:
На воздух свежий малец медвежий
Идет скотинничать из норы;

Тут все живое звереет вдвое,
То – погибая, а то – губя:
Поди-ка выстой, когда когтистый
Запустит жало москит в тебя.

Помрешь со злости: глаза – в коросте,
Весь день не глянешь на белый свет;
Такую тему вписать в поэму,
Пожалуй, можно – да силы нет;
Все то, что рядом, сочится ядом,
Но это – наше житье-бытьё:
Так фараона во время оно
Казнили жабы и комарьё.

Смотрел за море из Тобер Мори,
Но переезду теперь не рад;
Страна безлюдна, понять нетрудно:
Сюда не рвется аристократ, –
От нив, от стада – одна досада;
Не жди свободы от пепелищ:
Любой, живущий в урманной пуще,
Одет – да только почти что нищ.

Работы много, а жизнь убога:
Монеты копишь, а тратишь дни;
Труд лесоруба тяжел сугубо;
Готовишь пашню, корчуешь пни;
В костер ты брёвна уложишь ровно,
Терпя одышку и боль в спине;
С ожесточенным лицом копчёным
Домой под вечер пойдешь к жене.

Твердил мошенник про горы денег, –
Увы, со скрипом идут дела:
Ни разу что-то ко мне банкнота
Американская не пришла;
Бывает даже – пойдут продажи,
Но всякой сделке исход такой:
Маклак, быть может, расчет предложит –
Да только маслом, только мукой.

Не стоит к рынку гонять скотинку, –
Коровок, скажем, или овец;
Платить не станут, с покупкой тянут
И перекупщик, и продавец;
В урманных пущах для неимущих
Один лишь выход: всё – с молотка, –
Труд подъяремный, замок тюремный –
Судьба обычная должника.

Судебный пристав – король артистов,
В своей работе он знает толк:
Исход – законный, аукционный,
Но с каждым разом все больше долг;
Со мной-то ладно, и то отрадно,
А ну как завтра – наоборот:
С лицом враждебным, с листом судебным
Шериф появится у ворот.

Живу далече от гэльской речи,
Как должно, песню не сочиню,
Зато заране к душевной ране
Друзей готовлю и всю родню:
Вас ждет кручина, ее причина –
Что вы еще не сдались досель;
Кто счастье прочит – всего лишь хочет
Переселенцу залезть в кошель.

...Строчкам бы надо прибавить лада,
Подумать месяц, а лучше – два:
Но всё допето; не жду ответа:
Вы отплывёте на острова,
Нынче – тоскую, и жизнь такую
Прокоротаю в лесном краю,
Где средь огромных урочищ темных
Не тронешь песней душу ничью.

Юных не гложет век, что не прожит,
Кажется, старость – где-то вдали;
С ласкою, с жаждой к выпивке каждой
Я относился в дни, что ушли;

Но простился и с вами и с островами –
Под полным парусом в давний час
В ветре веселом, меж Тайри и Коллом:
Утро, четверг и слезы из глаз.

Йан «Охотник» Макдональд (1795–1853)

Перевод Евгения Витковского

Среди заметных поэтов гэльской Канады Йан Макдональд занимает особое место: как поначалу и Бард Маклин, он воспринял Америку чрезвычайно враждебно. Он родился в Лохабере. В 17 лет сочинил принесшую ему некоторую известность «Песню о насморке»; в 1834 году отплыл с Тобермори на корабле «Жанет» и поселился на острове Кап Бретон. Первая же зима оказалась настолько жестокой, что поэт сложил приводимую ниже песнь. Песня вызвала чрезвычайное раздражение у современников, близкие даже запрещали ему петь ее; опубликована она была лишь в 1903 году без двух последних строф, которые стали известны еще через 30 лет. Песня вызвала гневную отповедь со стороны его двоюродного брата, значительно более известного поэта по имени Аллан «Ридж» Макдональд. Сохранилось лишь несколько стихотворений Йана Макдональда. Прозвище «Охотник» он заслужил не случайно: известно, что выстрелом со ста шагов он гасил свечу.

Песня для Америки

Мелодия: *As mo chadal, cha bheag m 'airtneul*

Лохабер вновь передо мной,
Земля за океаном:
Страна героев, край родной
За хладом и туманом;
На Западе, в чужом краю,
Чем нынче я измерю
Невосполнимую мою,
Великую потерю.

Оставил я и кров и стол,
И близких, и знакомых,
Оставил я и лес и дол,
И кто простит мой промах?
Оставил горы и ручьи,
И кладбища, и керны,

И ныне горести мои
Воистину безмерны.

Покинул дорогие мне
Сообщества тартанов;
Готовых к миру и к войне
Мужчин могучих кланов;
Любой – красив и мускулист,
И славен древним родом, –
И в килт одет, и сердцем чист
Пред доблестным походом.

Бойцов Макдональдовых цвет,
Чья молодость – в разгаре:
На каждом килт, на каждом плед
И шерстяной гленгарри,
Не медля, в бой солдат любой
Пойдет под клич бесстрашный,
Сочтя счастливою судьбой –
Услышать звон палашный.

Я уходил в знакомый дол,
С ружьем наизготовку;
Мой верный пес по следу шел
И проявлял сноровку,
Когда бывал удачен день –
По торфяной дороге
От нас не мог уйти олень,
Трофей ветвисторогий.

Встав до рассвета, в горный лес
Шагал я втихомолку,
Легко держа наперевес
Надежную двустволку.
Пес находил среди камней
Чуть видную дорожку,
И, крадучись, мы шли по ней,
Ища оленью лёжку.

О дней минувших лепота!
Я слушал в восхищеньи,
Как меж горами в день Креста
Ревут самцы оленьи,
Я слал из верного ствола.
Единственную пулю,
Которая догнать могла
Роскошную косулю.

Все было, все прошло, увы;
Мне выпала дорога
В страну снегов, сухой травы,
Печального итога:
Здесь люд невзрачен, злобен, груб,
Морщинистый, безлицый,
Страна штанов и грязных шуб,
Страна, где нет традиций.

Край неприветлив, край угрюм,
Но полон постоянства:
Здесь есть фактория, где шум,
Где хвастовство и пьянство;
Здесь те, кого свела судьба;
Перед любым – бутылка,
В грязи пирует голытьба
И в драку лезет пылко.

За алчность воздается мне:
Я заслужил невзгоду.
Хотел найти в чужой стране
Довольство и свободу.
Считал, что буду богачом,
Но рок судил иначе:
Сегодня более ни в чем
Могу не ждать удачи.

Какое счастье – между гор
Бродить юнцом незрелым;
Кто говорит, что это вздор –
Тот не родился гэлом.

Вся радость, что досталась мне –
Охота на оленей.
Тоска по дому, по родне –
Итог моих мучений.

Я в прошлом шел в лесную тьму,
Всегда в удачу веря.
Зато сегодня – ни к чему
Спускать борзых на зверя;
Я из родного края прочь
Отплыл, плененный ложью.
Мой труд – молиться день и ночь
И верить в милость Божью.

Горчайшей скорби не таю:
Зачем я жив доныне!
Достойней смерть в родном краю,
Чем тленье на чужбине!
Мольбам, о Господи, внемли –
Казнясь мирскою карой,
Прошу: мне клок родной земли
В стране шотландской да́руй.

Есть у Сент-Кайрела погост,
Для всех живых – отрада;
Он чист, и солнечен, и прост –
Там горевать не надо;
Там может мирно почивать
И ближний мой, и дальний...
Мне никогда там не бывать:
Что может быть печальней?..

Аллан «Ридж» Макдональд (1794–1868)

Перевод Е. Витковского

Двоюродный брат Йана «Охотника» Макдональда родился в Лохабере, в 1816 году вместе с семьей уехал в Новую Шотландию, где и поселился в Пикту, в доме на горном склоне, – отсюда и его литературное имя Ридж («Кряж»). Нет сточных сведений, сочинял ли он что-либо до приезда в Новый Свет, но в последующие годы он создал несколько десятков песен в разных жанрах, которые были выпущены отдельной книгой уже в XXI веке, причем несколькими изданиями. В отличие от двоюродного брата, поэт сразу встроился в жизнь первопоселенца, настрой его поэзии весьма мажорный. Он писал в традиционных жанрах хвалебные песни, поминальные элегии, сатиры, «пьянственные» песни. Наиболее известное его произведение – ответ на «Песнь Америке» Охотника, где он метрически точно повторил «Песнь», но придал ответу ответ резко противоположный – он оценивает землю Канады землю обетованную для гэлов, угнетаемых на родине как англичанами, так и собственными землевладельцами, превратившими страну в сплошное пастбище для овец. Творчество Алана Риджа знаменует перелом в гэльской поэзии Канады: вместо длинных сетований поэты деятельно встраиваются новую жизнь и пишут, вернее, поют о ней.

Похвала Новой Шотландии

В ответ на Песню Охотника,
в осуждение Шотландии, в похвалу Америке
Мелодия: *As mo chadal, cha bheag m ‘airtneul*

Ты хвастался былой судьбой,
Весьма самоуверен;
Но я не соглашусь с тобой,
Ты врешь как сивый мерин.
В стране шотландской нет тепла,
За море поневоле
Дорога многих увела
От горемычной доли.

Хозяев – чем ни ублажи,
Гони аренду в сроки!
Доход уйдет на платежи:
Вот твой удел жестокий.
На ярмарку – тартан надень,
Принарядись почище,
Зато в любой, в простецкий день
Ты – скот, ты – смерд, ты – нищий.

Жениться захотел – шалишь:
Будь муженьком покорным:
Живете вы и ваш малыш
В землянке, крытой дерном.
И всё бедней день ото дня,
Без толку и без лада,
Влачишься ты, судьбу кляня
Пасти чужое стадо.

Ты плачешься, что не судьба
Тебе травить оленей;
Но у судьи твоя стрельба
Не вызовет сомнений:
Сначала выпорют кнутом,
И знай, любезный друже:
Что выслан будешь ты потом
Сюда же, коль не хуже.

Шотландский рок немилосерд,
Незыблемый вовеки;
За океан батрак и смерд
Уходят от опеки.
Где ни на что надежды нет,
Там уповать не пробуй,
Зато свободный край не след
Чернить хулой и злобой.

А здесь ты даже не изгой,
Не высланный в отместку, –
Здесь чудный мир, и в год-другой
Окупишь всю поездку:

На сахар хватит и на чай;
Живи таким манером,
Чтоб не считали невзначай
Сбежавшим браконьером.

Забрался ты отнюдь не в глушь,
И вывод неизбежен:
Ты прибыл в край, где каждый муж
Могуч, силен и нежен;
В земле, и жирной, и сырой
Надежно зреет злато:
Устраивайся, ферму строй,
Скот разводи рогатый.

В фактории – вино и ром,
Забвенье о невзгодах;
Еще помянешь ты добром
Переселенский отдых.
Коль ты силен, и щедр, и смел –
Плевать, что выпивоха!
Легка лошадка, весел гэл –
И жить весьма неплохо.

Сатира на медведя*

Гнусный ты медведь,
Колобродник старый,
Ты зачем, ответь,
Лезешь к нам в отары?

Ражий костолом,
Выкормыш болота,
Пакостным мурлом
Тычущий в ворота,

Худший из бродяг,
Злобный погубитель,
Толстый здоровяк
И ночной грабитель.

Злой до тошноты
Пакостник шатучий,
Жду, что сдохнешь ты
На навозной куче.

Смрадный лиходей,
Порожденье хмари,
Мерзкий для людей
И для всякой твари.

Ты не мелкий вор,
Ты убийца: значит,
По тебе топор
Постоянно плачет.

Выродок лесной,
Наглый и унылый,
Жирный, и смурной,
И зубасторылый.

Тяжек, толстозад,
Полон лютой злости
Шелудивый гад,
С лапами в коросте.

Мучусь тошнотой,
Лучше б и в кошмаре
Не видать бы той
Разъяренной хари.

Мерзостная пасть
Задницы не чище.
Можно вмиг пропасть
От твоей вонищи.

Туша бы твоя
Пусть сгнила бы в чаще,
Пред тобой свинья –
Ангел настоящий.

Подлый твой удел
Рыться рылом в гное.
Всех пересмердел,
Чудище чумное.

Жаден и зубаст,
В блохах и в чесотке,
Только и горазд
Падаль жрать в три глотки.

Всех воров наглей,
Лучше, в самом деле,
Просто околей
Иль вали отселе.

Для таких ворюг
В мире есть приманки:
Путь держи на юг,
К раздобревшим янки.

Там раздолье ждет
Пакостного гада:
Патока и мед,
Овцы и говяда.

Там полно добра:
Слопай кур десяток,
Жри гусей с утра,
Ночью – поросяток.

Там отказа нет
Злым твоим замашкам:
Съешь телка в обед,
Закуси барашком.

Я до мелочей
Выучил уловки:
Для тебя харчей
Нет в моей кладовке.

Словом, жди беду,
Знай, что будет худо:
Укорот найду
На тебя, паскуда.

* В гэльской поэзии существует особый жанр: стихи как заклинание для мышей и крыс, – считается, что они повинуются рифмам; см. стихотворение Лахлана Макферсона «Страмаси» «Сатира на мышей». Когда гэлы стали селиться в Канаде, досаждать им в хозяйстве стали более настырные хищники – медведи. Ясное дело, под раздачу жанра попали и они.

Песня к выпивке*

Радость увели
У меня святую.
Удивляться ли,
Что сейчас бунтую?
Беды испокон
Рвутся к нам с нахрапа:
Ввел сухой закон
В Риме Римский папа.

Не пою в пылу
Лютера с Кальвином,
Возношу хвалу
Благородным винам,
Ощущая связь
С благостью баклаги,
Страстно причастясь
Бахусовой влаги.

Я учил в былом
Пьяную науку,
А любой псалом
Навевал мне скуку,
Сладок был полон,
Счастлив горемыка,

Ибо Аполлон
Выпивки владыка.

Бахус, ты не прав,
Мол, поймал в ловушку:
Веселюсь, набрав
Спиритуса в кружку.
Трата юных дней –
Долгое ученье;
Всех наук важней
Горлопромоченье.

С истиной такой
Спорить очень скверно:
Лучший клуб мужской –
Добрая таверна.
Горе не беда,
Если нынче пьянка:
Слаще никогда
Не поет зарянка.

На душе весна,
И на сердце жарко,
Ежели полна
Рюмка или чарка,
Щедро налита,
Трепетно и робко
Нежные уста
Предлагает стопка.

На бокал винца
Я готов молиться:
Так влечет юнца
Пылкая юница,
Сгинул мой покой,
Я стремлюсь к бутылям:
Страстию такой
Не томился Уилем[1].

Был хорош собой,
Сочинял баллады,
Мог рвануться в бой
Не прося награды.
Многих был сильней
И в любви не промах,
Восхищал парней
И девиц знакомых,

Был он не бахвал
И не выпивоха,
Лихо танцевал,
Да и пел неплохо,
Весел был и спор,
И являл при этом
Он живой укор
Нытикам отпетым.

Быть бы мне слепцом,
Не ходить в кружало,
Не видать винцом
Полного бокала,
Божий бич огрей
Каждого зануду.
Я помру скорей,
Чем вино забуду.

Что ж, прощай, вино
В бочке и в графине,
Пить запрещено
Папской буллой ныне,
Данники корчмы,
Вспомним в час досуга,
Как любили мы
Некогда друг друга.

* Известно, что поэт сочинил эту песню в рождественскую ночь 1854 года; все в приходе подписали «Temperance movement» т.е. манифест полного отказа от спиртного. Много веков в гэльской поэзии существовал жанр

застольной песни, и для поэта «движение умеренности» было прямым покушением на искусство. Ссылка на католическую церковь носит не только иронический характер, но и цензурный: еще памятны были времена, когда Папа Римский Лев XII (1823–1829) большей части трактиров разрешил отпускать вино только на вынос. Кроме того, противники движения указывали на одобрение употребления вина в Евангелиях.

[1] Уилем Рос (Uilleam Ros, 1762–1790).

Йан Макинтош
(ок. 1800–1852)

Перевод Елены Кистеровой

Данных о поэте практически нет. Приводимое стихотворение интересно прежде всего как образец практически полностью исчезнувшего к XIX веку жанра – традиционного гимна во славу героя, – некогда этот жанр составлял не менее половины песен, слагавшихся на гэльском языке.

Йан Бан с Бурного Брода

Я шлю приветы в долину эту,
Где ты прославен среди холмов;
В край, столь знакомый, душа влекома,
А боль разлуки не ищет слов;
Далёко воин, твёрд и спокоен,
Чей гнев, поднявшись, не уступал,
Сурово око, и без упрёка
Герой сражался и устоял.

Там рос он цепок, могуч и крепок,
Высок и строен, и полон сил;
Боец изрядный, подвижный, ладный,
Доспехи бодро, легко носил.
Не ждал он в схватке ослабы краткой,
К жестокой, смертной привык борьбе;
Кто с ним бивался и жив остался –
Будь благодарен своей судьбе.

С тобой сноровка, охотник ловкий,
Борзых в подмогу себе припас;
Летящей сворой олень матёрый
Затравлен, свален бывал не раз.
По каменистой долине мшистой
Борзых пускает лихая длань:
Пронзают взором они просторы
И нюхом тонким отыщут лань.

В борьбе суровой, тебе не новой,
Ты – словно сжатый стальной кулак,
Коль не для смеха пойдёт потеха,
По закоулкам спасайся, враг!
Как ураганом сметёшь упрямым
Тех, кто явился к тебе незван;
Посмотришь строго – уносят ноги,
Иль не избегнут жестоких ран.

Одет, бывало, как подобало,
Боец достойно и по-людски:
Обёрнут плотно тартан добротный,
Крепки подвязки и башмаки.
Покрывшись пледом, ты в путь неведом
Идешь, как воин шёл искони:
Разумно, смело решаешь дело,
Не терпишь кривды и болтовни.

Готовый к бою, несёшь с собою
Два пистолета, сухой заряд;
Блестит кинжала прямое жало,
А крепче дротик найдёшь навряд;
И не коснея сразит злодея
Тяжёлый, точный удар клинка;
То льва обычай – разить добычу,
И меч направит твоя рука.

Как девы нежной любовь безбрежна,
И в ней отраду найдёт жених,
Так, нравом редким подобен предкам,
Ты светел сердцем, душою тих.
Родство ты знаешь и привечаешь,
Несправедливость тебе чужда;
Рассудок здравый, речь нелукава,
И слову верность хранишь всегда.

Хвалу герою отнюдь не скрою,
Во всём правдивы мои слова,
Чем отступаться, готов я драться,
Залогом будет моя глава.

Той, что вскормила, исполнив силы, –
А мне по крови близка она –
Ток благородный и дух свободный
Ты принял в жилы свои сполна.

Улем Ливингстон (1808–1870)

Перевод Елены Кистеровой

Родился поэт на острове Айла, был портным, трудился в Глазго, Гриноке и других городах, был довольно известен, причем на фонте того, что гэльская поэзия в XIX веке процветала разве что в Канаде, современниками был ценим чрезвычайно. Составил и издал на английском языке компендиум исторических и политических материалов «Защита кельтского характера» (Гринок, 1850). Поэзия Ливингстона была целиком связана с историческими событиями его родных Гебридских островов; интересно и его обращение к трагической судьбе Ирландии, которую видно с берега его родного острова, Айлы. Единственная его книга вышла посмертно – «Стихи и песни», 1882, Глазго.

Сражение в бухте Грунаршт[1]

День пришел последний лета –
На границе тьмы и света
В день тот памятный с востока
Войско подошло широко:
Семя Конна[2], их знамёна
Славой древней осенённы:
То Шотландии опора,
Прозванные дикой сворой.
Звук волынок, гул суровый:
К бою воины готовы
Смоквы и Руки Багровой[3].

Большой Лахланн[4]:
«Нынче солнца, ветра сила
Сопротивным послужила.
Я не ждал, что их так много:
Ранальдов троих подмога,

Аррана людей мятежных,
Что идут от волн прибрежных.
Слава ждёт! – в сию годину
Не покажете вы спину». –
Выступил Маклин удалый,
Заодно с ним люди Малла;
Развернулись звезды стяга,
А в сердцах горит отвага;
Ароса[5] герои, право,
Королю снискали б славу.
Стяг Торлоска[6] реет синий
Неуступчивой твердыней,
А вождю бойцов исправных
Нет во всей Европе равных:
Так я слышал; вы проверьте,
От главы до стоп измерьте.
Как Саул[7] во время оно,
Как могучая колонна,
Выше всех, и без изъятья
Следуют за ним собратья.
И суровы, и прекрасны,
Им соперников напрасно
Было бы искать за морем,
Лахланн – лучший, не поспорим.
Стяг над головами львиный,
Но готов и меч, и битва –
Юных близится кончина:
Смерти верная ловитва
Сгинет в подвиге геройском.
Рек Мак-Дональд перед войском:

«Родичей, друзей приемлю:
Вы, о войско знаменито,
Сохранить решили землю,
Встали на её защиту.
Против умыслов кровавых
Будем же стоять за правых;
Враг не пожалел усилий,
Но и мы не уступили,

Я, как мой отец покойный,
Род Маклинов чтил достойно,
Но они, сочтя обузой,
Разорвали долга узы.
Коли одолеют воры,
Жди тогда стране разора,
Смерти многим, нам – позора.

О, клан Дональда!
Если сей земли лишимся,
То куда идти решимся?
У ирландцев за проливом,
Как и здесь – позор трусливым.
Сто побед, чем Конна семя
Было честно перед всеми,
Поглотит забвенья бездна,
Речи будут бесполезны:
Слава древняя растает,
Коль Маклин возобладает
И изгонит нас отсюда, –
Вот об этом враг мечтает.
Так отступим ли, покуда
Кровь нам наполняет жилы?
Баннокбурном[8] заслужили
Долг, и почесть, и награду –
Быть Шотландии оградой.
О Руке Багровой славной
Зависть многих стала явной;
Крепость Дунвек[9] – им наука:
Здесь мы утвердили руку.
Завтра же померкнет зренье:
Огнь увидим, разоренье,
Старцев, жен, детей закланье
Под врага жестокой дланью.
Так сплотимся; но внемлите –
Жизнь, прошу вас, сохраните
Брату матери родимой:
Пусть вернется невредимый!»

Большой Ранальд из Лупа:
«Сохраните? – слово странно;
Есть ли в мире воин рьяный,
Лахланну соперник бранный?
Разве что свинцом единым
Можно справиться с Маклином.
Нам – иль жизнь, иль смерть лихая;
Он живым уйдет, я знаю».

Двинулись войска к сраженью:
Вой волынок, сил стяженье,
Сомкнуты уста; без слова
Каждый ждет удара злого.
А у ног – лепечет море,
Волны изливают горе:
Тошно им увидеть сечу.
Войско Шемаса вскричало,
Смерти ринувшись навстречу;
Диким воплем отвечало,
Не колеблясь, войско Малла:
Кто б не содрогнулся слыша?
Но собратья страха выше.
Плачь, Шотландия, о павших,
О сынах, сильнейших в мире,
Равных в битве не встречавших.
Токи крови льются шире
По траве зеленой поля;
Мощные мечей удары
Громче, громче среди свары
Ужасающей юдоли;
Долго равны были силы,
Но рывком войска Маклина
Айлы жителей стеснили,
Левый фланг на край равнины
Отшвырнув до волн прибоя,
У воды борьба кипела,
Волны были им стеною;
Малла грозные герои
На вершине битвы смело

Помрачили Вереск – знамя,
Славное былыми днями.
Искры, как из устья горна,
Пламень ярый, непокорный,
Жгучей злобы уголь черный
Иль кипение потока –
Образ битвы той жестокой.
Айлы воины вкусили
Всю тщету своих усилий,
В них – неслыханное дело –
Бодрость духа оскудела.

Вот поток бежит по склону
От холма к волне солёной;
Вот боярышник убогий,
Бледный вестник скорби многой;
Вот и карлик тот злонравный,
Дьяволу в коварстве равный,
Чадо тысячи проклятий:
Угль разжёг на рукояти
И пустил снаряд полынный
Прямо в перевязь Маклину.
Губы дрогнули героя;
Близ молочных братий стоя[10],
Молвил: «Поддержите, други,
Об одной прошу услуге:
Жизнь уходит, но покуда
Виден я стоящим, худо
Будет Дональду, как прежде –
Пусть не вспомнит о надежде».
Весть по войску пробежала,
И вскричали люди Малла,
С громогласным эхом вместе:
Это клич не плача – мести.
Ярость, разума лишая
И погибель предрешая,
Раздробила полк смятенный;
Но тверды, как замка стены,

Люди Айлы – каждый воин
Доблести вождей достоин.
Ранальды согласно стали
Направлять удары стали;
Разобщенных ждет могила:
Точно папоротник хилый,
Листья на ветру сухие,
Падают бойцы лихие.
Оказался в окруженьи
Алистер среди сраженья;
Враг и спереди, и сзади,
Но не выиграл ни пяди:
Словно столп во время бури,
Ароса хозяин хмурый;
Рубит, жизней не жалея
И не дорожа своею.
Не сомкнуть кольцо – недаром
Каждому грозит ударом
Безошибочно разящий
Меч, как молния, скользящий.
Лерака и Оа рати
Не слабей своих собратий,
Дональдов достойны славы;
Вот он, урожай кровавый:
Здесь, где Алистер упрямый
Их скосил, назвали яму
Рвом Голов; костей их груды
И сейчас лежат повсюду.
Верно слово: не потерян
Тот, кто битвою проверен;
Так лэрд Ароса судьбою
Был избавлен среди боя.
Ранальд устремился скорый
К месту тягостного спора,
Устрашающего взоры:
Бьётся воин одиноко,
Пот ему туманит око,
Сам – как высечен в граните;
Крикнул Ранальд: «Пощадите,
Мне героя соблюдите!» –

Он сильнейших встретил в поле,
И они не встанут боле;
Раны не срастутся в шрамы,
Для костей их нет бальзама,
Кровь не возвратится в жилы –
Здесь они главы сложили.
После Ранальда сигнала
Смолкло всё, борьба престала.
Тех, кто смерти ждал готовой,
Радость, боль – какое слово
Скажет? Нет средь них наймита:
Все свободны, имениты,
Видят гэлы кровь и раны
И тела в траве багряной.
Лэрду Ароса навстречу
Вышел Дональд с кроткой речью;
Шуйцу, слёзы не скрывая,
Тот простёр; рука десная
Скована на рукояти.
Дрогнули сердца в печали,
И разбил жестокой стали
Кунаскальский Нил[11] объятья.

Следующий день
Поднялось опять светило;
Родичи сошлись уныло,
Ищущи с сердечной болью
Братьев и сынов на поле.
Где Торлоска лэрд? – нет вести;
Лахланн жив иль умер с честью?
Павших разыщи, исчисли –
Дональда печальны мысли.
Услыхал он издалёка,
Прежде чем узрело око:
Горько плача и стеная,
Шествует жена честная.
От холма спускаясь прямо,
Где боярышник и яма
Ищет и рыдает снова,
Ши она распять готова,

Черного душой и званьем[12].
Рек Мак-Дональд с состраданьем:
Кто сия жена? – на это
Горькие слова ответа
Алистер сказал: «Кончина
Лэрда Дуарта – причина
Новой для тебя печали;
До сих пор и мы не знали,
Где лежит он; осторожно
Отойди: здесь всё возможно –
Дочь Макартни страх забыла,
Горе умножает силы;
Я кормилицу героя
Как сумею, успокою».

Ранальды идут по склону,
Где боярышник зелёный;
Шемас, честию почтённый,
Алистер и брат Маккея
Подошли, благоговея;
Видят: недвижимый, хладный
Лахланн распростёрт громадный;
С ним и два молочных брата,
В ранах, на траве измятой.
Взявши полотно тартана,
Положили великана;
Ранальд молвил: «Поклянёмся –
До Киллхомана[13] возьмёмся
Донести от поля брани;
Будем в деле постоянны,
Пусть не ослабеют длани –
Вот Мак-Дональдов заклятье:
Если дрогнет кто из братий,
Место то пронзят мгновенно
Остальных троих кинжалы,
Там, где хватку мы разжали,
Позабыли долг священный.
Так поступим, не иначе:
Не замедлим ради плача».
Донесли, как обещали, –

Здесь надгробие доселе.
В сих словах они воспели:

Плач по Маклину
Неужто лёг ты, великий, высокий,
В низине,
Простерт, бездыханен,
Дёрном укрыт, укрыт,
Неподвижен?
Стоны, звуки волынок
Не слышишь, не слышишь
Отныне, отныне;
Коль встанут шотландцы
На подвиг, на битву,
Тебя с королем, с королем уж не будет,
С твоим королем,
Средь живущих, живущих.
Герои клана Маклинов
И Айлы вожди в этой битве
Печальны, печальны:
Ко двору не приидешь, как прежде,
Иакова, славного Шемаса,
Которым воспитан ты
С юности, с юности;
Не видали во дни твои земли
Европы, Европы,
Земли Европы,
Мужа, подобна тебе, подобна тебе,
Мужа прекрасна, прекрасна,
Не оставил для нас по себе ты иного,
Для нас по себе, для нас по себе,
Ибо тело твоё вместил тесный гроб,
Вместил тесный гроб, тесный гроб,
Ибо тело вместил
Тесный гроб.
В руке держишь меч свой
Смертною хваткою, хваткой;
В нынешнем роде нет человека,
В нынешнем роде, в нынешнем роде,
Кто смог бы его удержать

Под стягом, под стягом.
Восплачет Малл по тебе,
И Айла, и Айла,
С честью прославят
Правду, правду твою,
С честью прославят
Правду твою.

Хоровое исполнение этой поэмы в сопровождении оркестра из 140 музыкантов состоялось на острове Айла в честь 415 годовщины сражения 30 мая 2013 г.

[1] Сражение произошло в 1598 году между Шемасом (Джеймсом) Мак-Дональдом с острова Айла и его дядей, сэром Лахланном Маклином из Дуарта, что на острове Малл. Маклин стремился завладеть островом Айла, но не мог освободить его от Мак-Дональда, который получил право владения посредством своего влияния при дворе шотландского короля Иакова VI (впоследствии, после смерти Елизаветы I – также короля Англии и Ирландии Иакова I). Мак-Дональд предлагал разделить остров, но Маклин хотел владеть им целиком. Мак-Дональд собрал свой клан не только с острова Айла, но и с острова Арран и полуострова Кантайр; они встретились с войском Маклина у окончания узкого залива Грунаршт на севере острова Айла (название залива по-норвежски означает «мелкий фьорд»).

[2] Семя Конна (далее еще упоминаются сто побед) – речь идет о легендарном короле Ирландии Конне Ста Битв (Conn Cétchathach), которого клан Мак-Дональдов числит среди своих предков, называясь поэтому семенем Конна, что отражено и в древней поэзии.

[3] Багровая (или красная) рука – одно из изображений на гербе клана Мак-дональдов.

[4] Большой Лахланн – сэр Лахланн Маклин из Дуарта, что на острове Малл, дядя (по матери) и соперник в этой битве Шемасу Мак-Дональду. Предполагается, что прозвище «Большой» относится и к высокому росту Лахланна, и к его высоким душевным качествам.

[5] Арос – замок, который наряду с Дуартом входил в группу крепостей острова Малл. Лэрдом Ароса был Алистер, о котором дальше говорится в поэме.

[6] Лэрд Торлоска, сын Лахланна Маклина, участвовал в сражении при Грунарште и был тяжело ранен.

[7] Большой Лахланн сравнивается с первым царем иудеев, Саулом, который, по свидетельству Библии, был на голову выше своих соплеменников (1 Цар. 9:2).

[8] Битва у Баннокбурна (Allt a' Bhonnaich, англ. Bannockburn) в 1314 г. – решающая битва Первой войны за независимость Шотландии. Шотландцы под предводительством Эдварда Брюса, брата короля Роберта I, победили англичан, которые были вынуждены признать независимость Шотландии.

[9] Крепость Дунвек (Dùn-na-Naomheig или Dhùn-Naomheig, англ. Dunyveg) – замок на восточном берегу о-ва Айла. Предположительно первые строения относятся к эпохе викингов (ок. 1200 г.). Крепость имела и морские ворота, так что могла укрывать небольшие корабли. В 1615 году крепость была сильно разрушена войсками Кромвеля.

[10] Гэльские вожди имели обычай отдавать наследника на воспитание в дом, где были сыновья, преданность и поддержку которых они хотели бы обеспечить ему в будущем. Гэльские пословицы говорят: «Любезен человеку друг, но крепость сердца – молочный брат»; «Когда зайдет солнце, покинет меня моя тень, но светит солнце или нет – верен мне молочный брат».

[11] В книге Ливингстона изд. 1882 г. имеется примечание автора, что Niall Chaonasgail – создатель «Islay hilt», т.е. рукояти меча, название которой происходит от о-ва Айла.

[12] Dubh Sith – как указано в примечании автора, это имя убийцы Большого Лахланна; Dubh означает «черный», а имя Sith (Ши) в данном случае, скорее всего, намек на то, что он был колдуном.

[13] Килхоман (Cill-a-Choman, англ. Kilchoman) – место погребения Маклина на острове Айла.

Весточка барду. Песня жены Дункана*
(На мелодию «When the kye comes hame»)[1]

Небо нежно-голубое,
Ветер западный притих,
Плещется волна прибоя
И не слышно бурь лихих.
Судно снова, хоть устало,
Мчится, по воде снуя, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

Светел день красою чинной,
И стада коров бредут
На отроги и в лощины,
Где не сеют и не жнут,
С ними быть и мне пристало,
Но далёко нынче я, –
Скажет всё, что повидала,
Барду весточка моя.

На лугах – в избытке стадо,
Пустошь овцами пестрит,
А в горах – оленьи чада
Ветер свежестью дарит;
Вырастет олень удалый,
Росы щедрые пия, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

Солнце льётся на равнину,
Берег, ровные поля –
Просыпаются стремнины,
Согревается земля;
Клевер и цветочек малый,
Трав зеленых острия, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

Быстрые бегут потоки,
Вниз по склонам устремясь,
От озёр в горах высоко,
Где не сыщешь муть и грязь,
Утки знают рек начало
И оления семья, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

Изогнулся берег моря,
Неизменен предстоит,
Высится, с волнами споря,
Украшает славный вид;

Здесь вода, взойдя, спадала,
Камни белые кроя, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

Все творения стихии –
Ветер теплый, облака –
Напитают и сухие
Склоны оросят слегка,
Будто ночь о нас рыдала,
Слёзы о былом лия, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

И хотя цветам по склонам
Солнце дарит свой багрец,
А на пастбище зелёном
Видно множество овец,
Айле бедствие настало,
Здесь людского нет жилья, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

Тщетно высмотришь в тумане
Берег наш издалека:
Не живут здесь поселяне,
Не увидишь огонька.
Злая воля разметала,
И печали не тая, –
Скажет всё, что я видала,
Барду весточка моя.

Коль сражение с врагами
Впереди шотландцев ждёт,
Вереск Айлы – наше знамя –
На подмогу не придёт,
Остров скорбный, одичалый,
Край скотины да зверья, –
Скажет, что я повидала,
Барду весточка моя.

Словно каменные груды
Поразрушены дома,
Гэлы изгнаны отсюда,
Опустели закрома,
Тот, кого земля питала,
Скрылся в дальние края, –
Расскажи, что я видала,
Барду, весточка моя.

Не вернутся вновь напевы,
Хор девичий по весне,
Нет ни пашни, ни посева,
Смельчака на крутизне,
От чужих земля страдала
Обнищавшая сия, –
Будь про всё, что я видала,
К барду весточка моя.

Не получит нищий крова,
Странник дома не найдет,
И Евангелия слово
Не услышит здесь народ;
Где семейство обитало,
Пёстрая живёт змея, –
О мужах, что я видала,
К барду весточка моя.

Оа, Ланди в запустеньи,
Никого живущих нет,
По земле Маккеев – тенью
Прежних обиталищ след,
Вид унылый, захудалый,
Бывшей пашни колея, –
Скажет всё, что я видала,
Барду весточка моя.

* В сборнике песен «Oranaiche» название песни объясняется так: Поэт выражал большое желание получить домашнюю ткань острова Айла, чтобы сшить из нее килт или куртку; мистер Р. Блэр, впоследствии

служитель церкви св. Колумбы в Глазго, послал поэту сверток серой ткани домашнего изготовления, полученный для этой цели от его матери, с написанным адресом: «Весточка Барду острова Айла от жены Дункана». В ответ Ливингстон послал эту песню, откуда и происходит ее название и припев.

[1] «When the Kye Comes Hame» – песня на слова Джеймса Хогга (1770–1835).

[2] Мистер Блэр покинул свою ферму в день св. Мартина (осенний квартальный день) в 1863 году. Запустение острова Айла связано с «зачисткой» северной Шотландии (англ. «Highland Clearances», гэльск. «Fuadach nan Gàidheal» – изгнание гэлов), т.е. выселением шотландских горцев в XVIII–XIX веках в ходе изъятия земель ради расширения скотоводства и производства шерсти. Значительная часть населения эмигрировала в Канаду, Америку, Австралию; многие совершенно лишились своего имущества.

Плач по Ирландии*

На краю Европы – ты,
Остров за водой бурливой,
Вид спокойной красоты
Над кипением пролива[1].

Нежный запад, юг дохнёт,
И рассеются туманы,
Смотрит с Айлы наш народ
На прекрасный берег странный.

Там – зелёная трава,
Лаг-ан-Ро, Овечье Поле[2],
Слышно музыку едва –
Листья шелестят на воле.

Воды чистых родников
И стада твои в долине,
Зелень леса и лугов
Под накидкой неба синей.

На заре невинных дней
Айлы я слыхал сказанья –
Очагов страны моей
До печального изгнанья.

Инниш-Файль[3], прекрасней сна –
Радостны напевы эти,
И мелодия полна
Удивительных соцветий.

Как поведали отцы
В прежних песнях и беседах,
С верой приняли юнцы
Весть о славе и победах.

Вновь привычно я стою,
Взгляд бросаю через море –
Здесь, у Айлы на краю,
С горечью в душе поспорю.

Повесть рабства и беды,
Глада, бегства и лишений,
Неизбывности нужды
И сердечных сокрушений.

Тех домов старинных след –
Угли, пепел, да обломки;
От врагов защиты нет,
В нищете живут потомки.

Где О'Доннел и О'Нил,
Магуайр – три славных Хьюго[4]?
Каждый жизни не щадил,
Стоили они друг друга.

В битве, там, где Жёлтый Брод[5],
Плоть и кость врагов рубили
Защитили свой народ,
Чужеземцев погубили.

Внуки вспомнят Мойре-форт[6],
Предков славных, в битве истых,
Что потоком шли – и твёрд
Был заслон щитов пятнистых.

Эха отклик не угас –
Славу долгую пророчит,
Полегли враги в тот час,
Лисья кровь в земле бормочет[7].

* Стихотворение было написано предположительно вскоре после подавления восстания в Ирландии в 1848 году и, во всяком случае, во время Большого Голода (1845–1852 гг.), когда в Ирландии умерло около миллиона людей, а более миллиона эмигрировало из страны.

Копия, выполненная автором древними гэльскими буквами, была подарена им Джону Мёрдо (John Murdoch), тоже уроженцу острова Айла и тоже сочувствующему положению Ирландии. Впоследствии, уже после кончины Ливингстона, Мёрдо сыграл ключевую роль в земельных волнениях в северной Шотландии.

Весьма воинственное стихотворение посвящено единству гэльских народов и оплакивает отсутствие вождей старого гэльского толка.

1 Северный берег Ирландии ясно виден с юга острова Айла.

2 Лаг-ан-Ро (Lag an Rotha) – долина реки Ро. Овечье Поле – равнина между городами Эльфин (Ail Finn) и Роскоммон (Ros Comáin).

3 Инниш-Файль (Innis Fail) – древнее поэтическое название Ирландии (Innis – остров, а Fail может означать крепость или судьбу).

4 Здесь автор вспоминает вождей времён Девятилетней войны (1593–1603): три Хьюго – это Хью Магуайр, инициатор войны против англичан, Хью О'Доннел по прозвищу «Рыжий» и Хью О'Нил.

5 Сражение у Желтого Брода (Ath Buidhe, the Yellow Ford) 14 августа 1598 – крупнейшее поражение англичан в Ирландии в XVI веке.

6 В сражении у форта Мойре на севере Ирландии осенью 1600 года англичане потерпели еще одно крупное поражение от войск под предводительством Хью О'Нила. В оригинале – «Dùn-a-Bhèire», так передано ирландское название «Dùn an Mhoighre» (англ. «Moyry Pass»).

7 Под лисами подразумеваются англичане; это слово (именно balgair, а не sionnach) имеет презрительный оттенок, обозначая коварного злодея (кроме того, рыжеволосость – традиционный «злодейский» признак как у самих англичан, так и у шотландцев и ирландцев).

Эхан Маккоркадайл
(ок.1810 – после 1877)

Перевод Е. Витковского

О поэте известно немногое: он происходил с острова Айла, эмигрировал в Канаду и жил в Салливане, провинция Онтарио. Несколько его стихотворений было опубликовано в газете An Gàideal в 1870-е годы. Считается, что стихи созданы много ранее, а в Канаду эмигрировал он, как сам пишет, «за двадцать лет до того».

Песня айлейца

Минуло полных двадцать лет,
Как я оставил край родимый,
Для горцев там работы нет,
Лишь овцы там необходимы,
Я это понял, ощутив,
Что мучиться – пустое дело,
Что нет малейших перспектив, –
И все мне мигом надоело.

Меня не видели в упор,
Ну что ж, не нужен – и не надо,
И потому с тех самых пор
Мне стала родиной Канада.
Она приветила меня,
Не отказала в добром слове,
Никто до нынешнего дня
Мне дрязгами не портил крови.

Устав нести хозяйский крест,
Мы рисковали, тем не мене,
Мы заплатили за проезд,
С последним расставаясь пенни.
Кто перебрался жить сюда,
Свой дом не зря покинул старый.

Кто пас хозяйские стада,
Давно пасет свои отары.

Не редкость дом из кирпича,
И многие в трудах счастливых
Проводят время, хлопоча
О грушах, яблонях и сливах.
Порой с утра посмотришь в сад,
И собирать идешь в охотку
Смородину и виноград,
Черешню, вишню, черноплодку.

Здесь жить комфортно бедняку,
И богачу здесь жизнь подходит;
Любой, согласно кошельку,
Вполне концы с концами сводит.
Здесь отношения просты,
Умеют уважать друг друга.
От голода и нищеты
Страдает разве что пьянчуга.

Зимою здесь ветра и льды,
Морозы ломятся в окошко.
Однако от такой беды
Спасает теплая одежка.
Нетрудно мчаться по прямой
Лошадке после снегопада.
Прибарахлишься, – марш домой,
Истратив столько, сколько надо.

Валить деревья топором
Положено без сожаленья:
Разжиться надобно добром, –
Нужны и бревна, и поленья.
Труды такие тяжелы,
Но не положено лениться.
Чтоб там, где падали стволы,
Густая выросла пшеница.

Потом оставшиеся пни
Огню достанутся в поживу,
Золою ставшие, они
Насытят жирным туком ниву.
Не станет здешняя земля
Якшаться ни с одним тираном,
Не то что бедные поля
Отчизны, отданной баранам.

Здесь нет неправого суда,
Долгов, все более зловещих,
И не заявятся сюда
Инспектор, бейлиф и помещик.
Здесь не отнимут шалаша,
Не вынудят лизать ботинки,
Здесь нет труда за три гроша
И нет констебля при дубинке.

Спасибо, Господи, Тебе
За то, что смертных осчастливил,
Ты к нашей низошел мольбе
И в край обетованный вывел.
За то, что мы в него дошли,
И за Твое долготерпенье,
За то, что здесь за клок земли
Не отдаем последний пенни.

Мне вспоминается с трудом,
То, как в придачу к прочим бедам,
Утратили родимый дом
И я, и мой хозяин следом.
Нас просто выгнали взашей
Из поселений человечьих
Во имя больших барышей,
Во имя новых стад овечьих.

Пойдет однажды грозный слух,
Что предстоит борьба с врагами,
Пускай овца или валух
Британцев защитят рогами.

Тебе, Британия, привет:
Сумеет ли заштопать раны
Страна, где горцев больше нет,
Страна, где есть одни бараны?

Дункан Блэк Блэр (1815–1893)

Перевод Е. Витковского

Родился в Страхуре, Аргайлшир. В 1838 году окончил эдинбургский университет. Жил в долине Баденох, в Эдинбурге, на острове Малл; в 1845 году уехал в Новую Шотландию, в Пикту. В 1852 году посетил Ниагарский водопад, по следам впечатлений от которого создал наиболее известное свое произведение – поэму «Ниагара». В поэме использован старинный ирландский sneadhbairdne в его шотландской, несколько упрощенной версии. Позднее вернулся в Шотландию; занимался переводами английской поэзии на гэльский язык. Книга его стихов, статей и проповедей вышла в новой Шотландии в 2013 году.

Ниагара

Дал Господь планете нашей
Полной чашей
Чудеса для лицезренья
В дни творенья.

Подарил земному шару –
Ниагару:
И воды поток могучий
Ринул с кручи.

Здесь и ужас, и отрада
Водопада;
Слышен здесь по воле рока
Рев потока.

Влаги мощное броженье,
Низверженье
На скалистые ступени
В белой пене.

Повелением Природы
Мчатся воды
До обрыва – и к подножью
С дикой дрожью.

К трем ступеням, к трем террасам
Час за часом
Мчит стена воды живая,
Завывая.

Будто рушась вглубь колодца,
Вал несется:
И кипит волна седая,
Ниспадая.

Нависает влага с воем
Над сувоем,
Мечет струи ливень белый,
Словно стрелы.

Между скал каменья блещут,
Струи плещут –
Угрожая влажной взвесью
Поднебесью.

Вал вскипает полной мерой,
Синий, серый –
Множа брызги пены мрачной,
Непрозрачной.

Водопад висит над кручей
Темной тучей,
Словно дым над пароходом,
Год за годом.

Губит он в своих пределах
Слишком смелых:
Убивает небывалым
Пенным шквалом.

Но в спокойную погоду
К небосводу
Радуга взмывает яркой
Божьей аркой.

Широко над берегами
И лугами
Изумрудным блещут цветом
Брызги летом.

Здесь на ветках и на сучьях,
На могучих,
Зелень вся – во влаге росной,
Травороcтной.

Для садов идет во благо
Эта влага:
Год засушливый для пашен
Здесь не страшен.

Дерева не знают засух
На террасах:
Возлежит на тяжких гроздах
Влажный воздух.

Ниагара полноводна
И дородна,
Служит связи благотворной,
Межозерной.

Здесь блестит красой чудесной
Край окрестный,
Благодать лежит на травах
И дубравах.

...Приближаться – подвиг зряшный:
Грохот страшный
Здесь опасен не для духа,
Но для слуха.

Подступать к пучине можно
Осторожно:
Туча брызг в себя поманит –
И затянет.

Лишний шаг по этим склонам
Столь зеленым –
Страшен, тягостен и труден:
Безрассуден.

Не бывает в мире ливней
Непрерывней:
Гибель из воды глядится
В наши лица.

Духом зимней непогоды
Веют воды,
Милости от водопада
Ждать не надо.

Всё пропитано туманом
Постоянным.
Словно дым плавильных домен,
Воздух тёмен.

Путник, если взгляд к карнизу
Бросишь снизу –
Общий рок тебя не минет:
Шляпу скинет!

Слышен в громе водопада
Вой торнадо:
Вечный шторм по всем приметам –
Даже летом.

Не сыскать нигде на свете
Даже трети
Всех чудес округи местной,
Столь чудесной.

Эта влага, эта пена –
Несравненна.
Ищешь чуда? Глянь, не худо –
Это чудо!

Катит вал тысячетонный,
Монотонный –
Чтобы рухнуть торопливо
Вниз, с обрыва.

По восьми скользя ступеням,
С мощным пеньем,
Падая, грохочет яро
Ниагара.

Восстает подковой скальной
Берег дальный –
Будто скрытый полусферой
Темно-серой.

За стеною вод хрустальных
В толщах скальных
Исполинского размера
Есть пещера.

Сколь похож на голос рока
Гром потока:
На семь миль звенит рулада
Водопада.

Будто слышен непреклонный
Лязг вагонный:
Поезда неукротимо
Мчатся мимо.

Воздух полнится недаром
Тяжким паром,
Сладив с южным ветром пыльным
И бессильным.

Слышишь: каменное ложе
Бьется в дрожи,
Будто от землетрясенья
Нет спасенья.

Много ль мы о чуде Божьем
Ведать можем?
Дольше длить рассказ не смею –
И немею.

Верховья речки Барни

Над речкой Барни – край,
Где солнце нежно греет,
Здесь земляничный рай,
И здесь орехи зреют.
Здесь белки мчатся врозь
По веткам в чаще дикой;
Американский лось
Стоит лесным владыкой.

Над родниками – тишь:
Цветы, листва и хвоя,
Повсюду в мире – лишь
Присутствие покоя.
И на рассвете мы,
Его взыскуя снова,
Идем через холмы
Вдоль берега речного.

Зимой здесь лютый хлад,
И бури здесь нередки:
Стволы дерев скрипят
И трескаются ветки;
В сосульки и в снега
Дома до крыш одеты;
Но мы близ очага
И сыты, и согреты.

И близок час, когда
Захочет жить округа:
Отхлынут холода,
Весной запахнет с юга.
Заблещут небеса
Светлей и лучезарней,
Зашелестят леса
В верховьях речки Барни.

Вновь летний день пришел,
Рассыпал маргаритки;
И снова – лес и дол
В восторге и в избытке.
Озера Синих Гор –
Край доли поселянской,
Пленительный простор
Земли Новошотландской.

Александр Макдональд (Бард Кеппока) (1819–1904)

Перевод Е. Витковского

Родился в Гленуге, Мойдарт, к западу от города Форт-Уильям. В 1829 году его мать, отец и пятеро детей, среди которых был и будущий поэт, эмигрировали в Новую Шотландию, где в семье родилось еще двое детей. Первые его поэтические публикации у появились в 1853 году на страницах журнала «Ларец», первым значительным произведением стала большая элегия на смерть только что скончавшегося барда Маклина, крупнейшего гэльского поэта Канады. Изредка его стихи появлялись в периодике – в «Ларце», «Эхо» и т.д. Известности поэта очень повредила традиционная беда: людей, имеющих право подписаться «А. Маконалдьд» (или даже полностью «Александр») в любом месте, где живут шотландцы, всегда наберется самое малое на деревню, а прозвища, по которым только и можно отличить «Риджа» или «Охотника» от «барда Кеппока» на бумаге фиксируются почти всегда посмертно. Видимо, неизученность творчества поэта привела к тому, что даже в очень полной антологии североамериканской гэльской поэзии Маргарет Макдоннел «Опыт эмигрантов», 1987, его произведений нет, они вышли отдельной книгой в 2008 году в Антигонише, Новая Шотландия. Пожар, послуживший поводом к созданию приводимого стихотворения, имел место в городе Спрингхилл, Новая Шотландия, в 1895 году; видимо, это стихотворение было последним в жизни поэта.

Горящий Спрингхилл

Ночью, будто ясным днем
Вспыхнуло светило:
Обезумевшим огнем
Спрингхилл охватило.

Ветер пламя торопил,
Налетал с разгона:
Я решил, что наступил
Час Армагеддона.

Белых, черных, красных толп
Страх нечеловечий.
Столько Вавилонский столп
Не слыхал наречий.

Пламя в свой тащило чан,
В раскаленный кузов
Греков, шведов и датчан,
Русских и французов.

На пожаре все равны:
Турки и арабы,
Силачи и горбуны,
Мужики и бабы.

Бедняки и господа
В дикой лихорадке
Убегали кто куда,
Лишь сверкали пятки.

Мчались сотни человек,
Бедных и богатых,
Геркулесов и калек,
Лысых и патлатых,

Молчунов и крикунов,
Бросивших пожитки,
Кто босой, кто без штанов,
Кто раздет до нитки.

Оставаться взаперти –
Жребий самый жуткий.
Даже дух перевести
Не было минутки.

Кто старик, кто паренек,
Прям или ссутулен,
Кто-то ростом как пенек,
Кто-то как Кухулин.

Побратимы и враги,
Девки и старухи,
А поди не побеги
В этой заварухе.

А поди не пожелай
Убежать от свалки.
А кругом собачий лай,
Горестный и жалкий.

И не спрячешь боль и стыд
Перед безобразьем,
Увидав, как инвалид
Повалился наземь

Спрингхилл зверскою жарой
Дочиста изглодан,
Словом, Баннокберн второй
И второй Куллоден.

Дым ползет во все концы,
Взмок народ от пота,
И пытаются купцы
Уберечь хоть что-то.

Крик стоит среди бродяг:
Мечутся, воруя,
И гремит на лошадях
Спутанная сбруя.

Затихает шквал огня,
Люд рыдает нищий,
Город – словно головня,
Тлеет на кострище.

И седым, и молодым
Не сдержать рыданий:
Ведь остался только дым
От сгоревших зданий.

Стих огонь, душа пуста.
Нет числа утратам.
Воцарилась нищета
В городе богатом.

Мэри Макферсон (1821–1898)

Перевод Елены Кистеровой

Мэри Макферсон, урожденная Макдональд, родилась на острове Скай, которому и посвящена эта песнь. В 1821 году Мэри вышла замуж и переехала в Инвернесс. После смерти мужа в 1871 году осталась одна с пятью детьми. Впервые начала писать стихи и песни в 1872 году, после шестинедельного тюремного заключения по обвинению в краже одежды после смерти хозяйки дома, где она работала (позже нашелся и виновник, один из слуг); первой ее песней стала знаменитая «Я устала от говорящих по-английски».

После освобождения переехала со Ская в Глазго и стала работать акушеркой. Активно участвовала в политической и общественной деятельности в пользу фермеров-жителей Хайлэнда. В то время газет на гэльском языке не существовало, и песни были единственной формой журналистской деятельности для гэлов. В 1891 году вышел сборник песен и стихов, записанных со слов Мэри Макферсон, и она стала официальным бардом Общества клана Макдональдов (Clan MacDonald Society). Мэри, получившая прозвище Большая Мари Песен (ударение в имени Мари по-гэльски падает на первый слог), скончалась в 1898 году во время посещения Портри, и была похоронена в Инвернессе. Мари Макферсон принято считать наиболее значительной гэльской поэтессой за все время существования этой литературы, но научного издания ее произведений, которых сохранилось около сотни, нет по сей день.

Туманный остров

С полвека – путь под горку,
В сединах голова,
И трудно мне, и горько,
Бреду едва-едва;
Но вновь душа стремится
В тот край, что с детства дан,
На остров Скай, где птицы,
И ветер, и туман.

Минули годы эти –
Оставив прежний дом,
Забросила я сети
Здесь, в городе чужом.
Достаток отовсюду
Приносит океан,
Но ввек не позабуду
Тот остров, где туман.

О, Красный Кулинь – кромка
На синеве небес,
Прочерченная ломко,
Как будто кровель срез,
Что красотой сравнится,
Там, где скалистый Сторр,
Маклауда девицы –
Их достигает взор.

Здесь выросли герои,
И каждый, полон сил,
Достоинство благое
И правду защитил.
В сраженьях непреклонны,
Шли долгой чередой:
Стал славою короны
Туманный остров мой.

Поверьте, что не ложен
Убогий мой рассказ:
Он из известий сложен,
Записанных для нас.
Отважных душ немало
В войсках у короля,
Их тысячами слала
Туманная земля.

Я не скажу худого
О землях, мне чужих,
Но остров вспомню снова,
Что в белой мгле притих;

Отрада в дни печали,
Всех горестей сильней –
Волынки здесь звучали
Ста двадцати мужей.

Забудутся ли ныне
Из давних тех времен
Тартаны черно-сини
Под славою знамён?
Отвагою богато
В Европе много стран,
Средь них – дороже злата
Тот остров, где туман.

Шлю, остров мой зеленый,
Через моря привет;
Там юноши по склону
Олений ищут след.
Слова почта забыты –
Я вспомню их, Гленмор! –
Пел за отбивкой твида
Беспечный женский хор.

Как приближалось лето,
Мы, горестям чужды,
И сыты, и согреты,
Не ведали нужды;
Теленок за коровой
Бредет в конце зимы,
И масло дарят снова
Туманные холмы.

А с наступленьем мая
До утренней зари
Рыбацких лодок стаи
Летели из Портри;
И по волнам прилива
Слал песни на простор
Поэтов дар счастливый
Среди туманных гор.

А к Мартину всё стадо
На осень сочтено.
Плести циновки рады,
Коль собрано зерно;
Картофель сложен в груды,
И мясо про запас:
Прокармливал не худо
Туманный остров нас.

Беспечные недели
Привычного труда
Скользили и летели
Неведомо куда;
А нынче – только тени
От дней остались тех:
Как в кулаке полпенни
Или пустой орех.

Но в ком душа живая –
Пускай со мной споет,
Изгнанье вспоминая,
Лишения и гнёт;
Как тысячи, далече
Заброшены судьбой,
С тобой не чают встречи,
Туманный остров мой.

Прекрасный край туманный
В наследие стяжав,
Тверды и постоянны,
Держитесь ваших прав;
Найдешь богатство всюду,
Где с детства жили мы:
Скрывают уголь, руды
И золото холмы.

Не опускайте знамя:
За тьмою горьких бед
Трудом и силой сами
Откроете просвет;

Пусть стадо сыто будет,
Идя с полей домой,
И англичан забудет
Туманный остров мой.

Я горьких слёз не скрою,
Припомнив имена
Владевших здесь землею
В былые времена;
Там, за морем, до века
И в холоде земли,
Вдали от Скорибрека[1]
Теперь они легли.

Но слёзы отираю,
Пусть бодрым будет стих:
Из них – о, весть благая! –
Есть некие в живых;
Пускай вдали, а всё же
Ветвями и травой
Влечёт к себе пригожий
Зеленый остров мой.

Со мною пойте вместе
На радостный напев,
О Ранальда невесте
Из благородных дев;
Полковника седого
Прославили дела,
А дочь – хозяйкой новой
В наш Армадейл вошла[2].

Но фермерам внимая,
Коль им грозит нужда,
Будь пара молодая
Опорой им всегда;
А мы не позабудем
Из Кромбы добрый род[3]
Жены, что радость людям
И замку принесет.

Стеблей осталось мало –
Веревку не совьешь;
Всё в прошлом, я слыхала,
Да только это ложь;
И солнцу, и надежде
На небе место есть,
Мужам, что жили прежде
В потомках будет честь.

Восход встает не реже,
И неизменно тут
Маклауды всё те же,
Макдональды живут;
Храбры, и добрых правил,
Тропой идут прямой;
И Блэки вновь прославил
Туманный остров мой[4].

Страны туманной дети,
Вы все – моя родня;
Где б ни были на свете,
Припомните меня;
Пусть в землю груз усталый
Сложу костей моих –
Я униженье знала,
И этим жив мой стих.

[1] Скорибрек (Sgoirebreac, «Пестрая скала», англ. Scorrybreac) – небольшая возвышенность к востоку от города Портри на берегу залива Лох Портри, основные земли клана Макникол. Sgorr a bhreac! – также боевой клич этого клана.

[2] Армадейл — замок клана Макдональдов на острове Скай; в настоящее время разрушен.

[3] Кромба, гэльск. Crombagh или Cromba («изогнутая бухта»), англ. Cromarty — залив и одноименное селение к северо-востоку от Инвернесса.

[4] Джон Стюарт Блэки (John Stuart Blackie, 1809–1895) – шотландский ученый и переводчик (переводил с немецкого «Фауста» Гёте, а с греческого – Эсхила), член Королевского общества Эдинбурга. Способствовал открытию кафедры кельтских языков в Эдинбургском университете. Радикал и шотландский националист; отличался сочувствием к трудностям

жителей Хайлэнда. Живописный персонаж: ходил по Эдинбургу в пледе и широкополой шляпе, опираясь на посох. Пледом, который изготовила для него Мэри Макферсон, был накрыт гроб Джона Блэки во время похорон, а расцветка пледа была запатентована как «тартан Блэки», что позволило Мэри Маферсон торговать этой тканью.

Годы весны моей

Я рано встала, хоть сил и мало,
Стада слыхала селенья Ос,
Рассвет в ту пору коснулся Сторра
И ночи скоро бежать пришлось;
А солнце мая взошло сияя,
И птичьи стаи уже слышней,
Вдруг зазвенели дрозда свирели,
Напомнив годы весны моей.

Жару, прохладу, печаль, отраду –
Изгибы мысли и сердца вздор,
Труды, усталость, любую малость,
Всё, что осталось в душе с тех пор.
Вода речная, мне отвечая,
Смягчит, я чаю, всю горечь дней,
Звук песен звонких от веток тонких
Напомнит годы весны моей.

Брела не глядя забавы ради –
Колючий вереск мне юбку стёр –
Босой ногою, по мхам и хвое,
И ледяною водой озер;
Была сноровка – порхала ловко
Бекасом лёгким среди камней,
Где след овечий, расправлю плечи
Припомню годы весны моей.

Концы связать бы: как шла на свадьбы,
На посиделки во тьме зимой –
И мрак, и кручи, а торф горючий
Про всякий случай светильник мой;

Где радость знали, теперь печали:
Крапивой рослой – куда ясней –
Тот путь знакомый, руины дома
Напомнят годы весны моей.

Припомню сёла, народ веселый –
Теперь он изгнан из этих мест,
Свои пределы хранил умело,
Но опустела земля окрест;
Напомнит ситник, тростник, ракитник,
Луга, и поле, и тот ручей
Людей правдивых и неспесивых,
Что были светом весны моей.

С плеч, словно ношу, усталость сброшу,
Мой разум ожил, и шлют привет
Мне ветра ласки, и примул краски,
Чертополохи и златоцвет;
Примечу жажду былинки каждой,
Мерцанье влажной травы полей,
Холмы, откосы, ночные росы
Напомнят годы весны моей.

Благоуханью, ветров дыханью
Земле туманной скажу: прости;
Хрипла, надменна гудит сирена,
И дымный катер уже в пути;
Гляжу незряче и слез не прячу,
Напевы смолкли вдали опять,
И мы не внемлем, идя к тем землям,
Где маргаритки не отыскать.

Ниал Маклауд (1843–1913)

Перевод Е. Кистеровой

Родился в Глендейле на острове Скай в семье поэта Дональда нан Оран Маклауда; младшим братом его был легендарный поэт Йан Ду («черный»). В 22 уехал в Эдинбург и жил там до самого конца, торгуя в чайном магазине. Мало кому так не повезло от смены литературных вкусов читателей, как этому поэту. Окруженный вниманием и славой при жизни, он на много десятилетий стал после смерти образцом едва ли не китча. Еще хуже для его репутации оказалось то, что среди множества стихотворений его четырежды изданной поэтической книги два или три были убедительно опознаны как стихи младшего брата.

Для поэта, пишущего на гэльском, жизнь в Эдинбурге мало отличалась от эмиграции. Гэльскоговорящая аудитория, в те времена еще довольно многочисленная, воспринимала этого поэта как «своего», а то, что он был, в отличие от пламенной Мари Макферсон, подчеркнуто аполитичен, лишь прибавляло ему популярности среди читателей, ждавших от поэзии прежде всего отдыха и отрыва от повседневности. Он жил в городе, а гэльская поэзия городской до него никогда не была, и он мог ориентироваться лишь на английские образцы, он был, по сути дела, литературным конформистом. К тому же в творчестве он использовал легко узнаваемые англо-шотландские образцы, в частности, строфу-шестистишие «стандартный габби», известную всему миру прежде всего потому, что ею написал 50 стихотворений Роберт Бернс. При этом стилистически он полностью вписывается в эстетику викторианства, что импонирует его читателям по сей день, к тому же его стихи совершенно не по-гэльски кратки и легки для запоминания; словом, обращены к той аудитории, которой гэльские поэты не имели никогда.

Ежегодная встреча гэльского общества в Инвернессе

Спешу в слова привет облечь
И радость наших дружных встреч;
Мы гэлов песенную речь –
    Поэтов славу –

Потщимся на века сберечь
Живой и здравой.

Поток стремится на простор,
И веет ветер среди гор –
Так песен древний разговор
Не угасает,
Богат – годам наперекор,
Конца не знает.

Наш королевский град велик –
В наследство принял он язык,
И всяк из вас ценить навык
Глаголов пенье,
И разума живой родник
Хранить в терпеньи.

Вот Дермид, Финн и Оссиан –
От них язык потомкам дан,
Врагам противник, бодр и рьян
В устах героя,
Он мирным духом осиян
И добротою.

Так без изъяна сохрани,
Красу речей не оскверни,
Короне королей сродни
Язык прекрасный;
Мы им питались искони –
И не напрасно.

Припомним корень и исток,
И долгий лихолетий срок,
Бессмертных подвигов итог,
Труды, невзгоды,
Всех тех, кто славу гор сберёг –
Язык народа.

Йан Ду / Джон Маклауд (1847–1901)

Перевод Е. Витковского

Йан Ду, «Йан Черный» был на три года младше своего прославленного брата, всю жизнь ходил по морям как матрос и никогда не публиковал свои стихи; возможно, даже и вовсе их не записывал. До наших дней дошло только полтора десятка таковых, причем некоторые первоначально считались произведениями старшего брата. Репутация «черного» – не только брюнета, но и колдуна, очевидно, возникла у него не случайно. Он явно был сильным гипнотизером и фокусником: заставлял танцевать метлу возле печки, вынимал цыплят из карманов священника и т.д. Большая часть его наследия – стихи на случай, даже тосты; количество легенд о нем можно сравнить лишь с легендами о его далеком предшественнике, сатирике Йане Маккодруме. Считается, что приведенная здесь песня была им сочинена в Глендейле в местном магазине, где молодежь засыпала его вопросами о моряцкой жизни. Впрочем, морская жизнь так и не отпустила поэта, он умер и похоронен в Канаде, в Монреале; немногочисленные его стихотворения собраны в семейной антологии бардов Глендейла в 2014 году.

Парни из Глендейла

Сто раз подумай, молодежь, к решеньям привыкай,
Взаправду вы хотите ли родной оставить Скай;
Маклауда послушайте, что плавал, и не раз,
По Клайду и подалее, куда велел компас.

Покуда вы зеленые, скажу начистоту,
Сперва придется выучить все снасти на борту;
Наслушаетесь ругани среди чужих морей
Зато летать научитесь меж парусов и рей.

Предъявит море долготу, предъявит широту,
Спина и руки все в поту, и жуткий зной во рту,
И по жаре достанутся, при том, что не всегда,
Говядина пайковая и мутная вода.

Зато, когда пришел в Бомбей, то рядом и Шанхай,
Там кабаки и дансинги, там – пей, не просыхай,
А моряку положено не просто отдыхать,
А по-мужски, вперегонки в тех кабаках бухать.

Но, парни загорелые, скажу о том сейчас,
Вы многое увидите, что не утешит вас,
Людей, что в трюмы брошены жестокою рукой,
Что ждут лишь погребения во глубине морской.

Пучины разверзаются и рушатся шторма.
Туман густеет над водой, все покрывает тьма.
Губами пересохшими ворочая с трудом,
Вы много раз прошепчете: «хочу в родимый дом».

А пить кому захочется, пусть пьет, коли не слаб:
Косушка нам – спасение от окаянных баб,
От них отгородитесь вы соленою водой.
Не то готовьтесь встретиться с нежданною бедой.

Каких страданий на пути по жизни не испил!
Хоть океан топил меня, да вот не утопил.
Но, будь я трезв хоть изредка, то внял бы я мечтам,
И завалился в *Поллосган*[1], да и остался там.

[1] Родная деревня поэта на северо-западе Ская, букв. «Жабье болото».

Дональд Рыжий из Коруны (1887–1967)

Перевод Е. Кистеровой

Под этим именем остался в литературе непрофессиональный поэт Дональд Макдональд. Он родился и умер в острове Северный Уйст; некоторое время он посещал школу в Каринише, где преподавался только английский язык, в итоге поэт, для которого родным был гэльский, на нем ни читать, ни писать не научился; язык весьма далек от фонетического правописания, ибо кодифицирован в Ирландии даже раньше, чем английский. Стихи он начал сочинять в 13 лет, и по гэльской традиции всегда пел их. В первую мировую войну стал солдатом, был ранен, лечился в Англии, позже вернулся во Францию уже как кавалерист, ибо остался хромым на всю жизнь. После войны стал каменщиком. Стихи его были записаны с голоса, и лишь в 1995 году появились в виде полного собрания с параллельным английским переводом. Известны прежде всего его песни, вошедшие в репертуар лучших гэльских певцов.

Белая лебедь*
<1916, битва на Сомме>

На сердце груз печали лёг,
Болит оно с тех пор,
Как заслонили дали мне
Красу родимых гор;
В долине лепет нежный смолк
Озёрных чистых вод,
Где лебедь белоснежная
По-прежнему живёт.

О Мэгги, если даже я
Здесь встречу смертный час,
Но вспомни – участь та же ждёт
И каждого из нас.
В лугах цветов недолог век –
Лишь холодом дохнёт,

И утро над раздолами
Их к жизни не вернёт.

Здесь землю рвёт снарядами
Жестокая гроза,
И, расстилаясь рядом, дым
Слепит и ест глаза.
И слышен только пушек рёв,
Его не превозмочь,
Но в мыслях лишь Маклауда
Задумчивая дочь.

Пусть согнут в три погибели –
С тобой мои мечты,
И прежде чем погибну я,
Приснишься ночью ты.
Тебя еще увижу ли? –
Тоской душа полна;
По рыжим волосам моим
Прокралась седина.

Пускай в земле французской я
От родины вдали
В могилу лягу узкую,
Как тысячи легли –
Мое благословение
С тобой, родная, будь,
Пусть день за днём без тени бед
Ложится добрый путь.

Покойной ночи, милая;
Пусть сладким будет сон –
Наполнит и унылый дух
Наутро силой он.
Здесь мрак траншей, лишений хлад
И близкой смерти вой,
Свершений и побед не жду –
И долог путь домой.

* Это самая знаменитая песня Дональда Рыжего из Коруны. Ее многочисленные исполнения можно найти в интернете. Один из исполнителей – Донни Мунро (Donnie Munro), бывший член группы «Runrig» – пишет, что эта песнь посвящена его бабушке. Правда, Дональд Рыжий не женился на Маргарет Маклауд; он дожил до преклонных лет, и в 1960-х написал песнь, приведенную ниже.

Гусиная песня

От запада, слышу, спускается ниже,
Всё ближе гусиная стая;
И вновь, торопливы, как волны отлива,
Отхлынут, мне сердце пронзая.

Глаза помутнели; мешкотно, без цели,
Брожу еле-еле порою;
За стаей гусиной на берег, в долину
Не двинусь привычной тропою.

Я каждое лето вставал до рассвета,
Был меток, ни с кем не тягаясь;
Охотник умелый, я знал своё дело –
Летел серый гусь, кувыркаясь.

Пусть ветер – насквозь, и снегу нанёс:
В мороз меня вёл первопуток,
Я лютой зимой от бухты домой
С собой приносил рыжих уток.

Да, видно, сдаю; я песню свою
Спою, завершив чин по чину;
Что было отрадно, то нынче неладно,
И хладная близко кончина.

Сорли Маклин (1911–1996)

Перевод Е. Витковского

Самый знаменитый гэльский поэт XX века. Родился на небольшом острове Раасай к востоку от Ская. Учился в Эдинбургском университете, позднее вернулся в Хайленд в качестве учителя. Во время второй мировой войны служил в британском корпусе в Северной Африке, был трижды ранен, в последний раз – в битве при Эль Аламейне. Первый сборник стихотворений написал на английском, позднее перешел на гэльский и писал стихи только на нем, переводя их на английский. Первая его книга стихотворений на родном языке вышла в 1943, хотя известность пришла к нему куда раньше; ныне он считается одним из столпов гэльского возрождения XX века. «Халлаг», вероятно, наиболее известное его стихотворение. Помимо авторского, существует перевод его на английский, выполненный лауреатом Нобелевской премии Шеймасом Хини. Халлаг – заброшенная деревня на юго-востоке родного острова поэта; опустошенная трагическими «зачистками» XIX века, когда население деревень целиком выселялось и частично погибло, частично было вынуждено эмигрировать; стихотворение стало культовым до такой степени, что стало названием даже марки автомобиля. В поздние годы, не отходя от поэзии, Сорли Маклин перестал писать, ибо не хотел создавать ничего хуже того, что уже было им создано.

Халлаг

Время это олень в лесу Халлага

Забиты окна на закат,
Печален вид руин и жалок.
Береза здесь и водопад,
Моя любовь, старинный Халлаг.

Там за Молочным Озерком,
Вдоль зеленеющей лощины,
Легко одеты, босиком,
Стоят рябины и лещины.

У Скрепадала, близ ручья,
Где жили предки, тлеют кости,
Их дочери и сыновья
Стоят деревьями в подросте.

Меж сосен шелестят ветра,
Рассеивают лунный морок,
Но лес вершины Крок-на-Ра
Совсем не лес, что был мне дорог.

Я жду явления берез,
Прихода к древнему дольмену,
Чтоб Бен-на-Лихке весь зарос,
Чтоб свету тень пришла на смену.

Но непришедших я прощу
В часы родительской субботы,
Когда могилы посещу
Свободных от земной заботы.

Определением судьбы,
В истерзанной земле долины,
Малькольма верные рабы,
Лежат Маклауды, Маклины.

И у любого в головах
Веков минувших очевидца,
Вся в подвенечных кружевах,
Береза, стройная девица.

Путь между двух ручьев знаком,
И по нему теперь несмело
Уходят девушки пешком
В тот Клахан, где толпа шумела.

А там покой ненарушим,
Девицам надо возвращаться,
Идут от мертвецов к живым
И сказок больше не боятся.

От Ферна до прибрежных гряд,
Где эхо протяженно гулко,
Лишь девушек бессмертный ряд,
Лишь бесконечная прогулка.

И Халлаг на исходе дня
Все так же девушками занят,
И, в воздухе морском звеня,
Их голоса мой слух туманят.

И в миг, когда за лес и дол
Уйдет светило в тень Дун Кана,
Любовью разъяренный ствол
Прорвется яростью жакана,

Швырнет оленя на траву,
Трофеем холода и тленья, –
И пусть, покуда я живу,
Не высыхает кровь оленья.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Витковский. Поющие среди вереска 3

Мурхад Маккоиих
(Murchadh MacCoinnich) (ок. 1650).
Перевод Е. Витковского
Суета сует 10

Шейла на Кеппок
(Sileas na Ceapaich) (ок.1660–1729).
Перевод Е. Витковского
Аластар Гленгарри 12

Иан Маккей (Слепой Волынщик)
(Am Pìobaire Dall) (1666–1754).
Перевод Е. Кистеровой
Плач у Водопадного Раздола 15

Йан Маккодрум
(Iain Mhic Fhearchair / John Mac Codrum) (1693–1779).
Перевод Е. Витковского
Сатира на портных 21
Песня к лихорадке 23

Аласдайр Макмастир Аласдайр
(Alasdair mac Mhaighstir Alasdair / Александр Макдональд)
(ок. 1698–1770).
Перевод Е. Витковского
Сахарный ручей 28
Песнь о зиме 34
Ладья Макдональдов из Кланранальда 38

Йан Руа Стюарт
(Iain Ruaidh Stiùbhairt) (1700–1747/1752).
Перевод Е. Витковского
День Куллодена 60
Псалом Йана Руа 63

Александр Камерон из Доханасси
(Alexander Cameron of Dochanassie) (1701–1780).
Перевод Е. Кистеровой
Песнь к Дональду Бану, Сыну Дональда Черного, лэрду Лохиеля 66

Роб Донн
(Rob Donn MacAoidh) (1714–1778).
Перевод Е. Витковского
Гимн Йану Маккею 71
Элегия для сыновей арендатора Риспанна 74
Элегия для Эхана 76
Стихи для Джона Маккея 78
Портки Макрори 79
Песня о судебном разбирательстве 82
Городская и деревенская жизнь 84
Леди Рэй 86
К доктору Мунро 88
Шлюп «Джейн» из Риспанна 89

Кристина Фергюсон
(Cairistìona NicFhearghais) (годы жизни неизвестны).
Перевод Е. Кистеровой
Любимый мой 90

Лахлан Макферсон («Страмаси»)
(Lachlan Macpherson / Lachlan Mac a'Phearsain) (1723 – ок.1795).
Перевод Е. Витковского
Элегия для вождя Клуни Макферсона († 1764) 94
Белая свадьба 97
Сатира на мышей 99

Дункан Бан Макинтайр
(Donnchadh Bàn Mac an t-Saoir) (1724–1812).
Перевод Е. Витковского
Песня о битве у Фолкерка 104
Раздол Туманов 107
Похвала Бен Дорану 111
Плач о Раздоле Туманов 126
Песня о неудачной охоте 130

Элегия псу, пробежавшему по льду 131
Песня о бутылке 132
Песня кремневке, госпоже Мушкет 134
Стихи о древнейшей профессии 136
Заговор девушке на возлюбленного 137
Последнее прощание с горами 138

Шемас Макинтайр Глен Но
(Seumas Mac an t-Saoir) (1727–1799).
Перевод Е. Витковского
Песня для доктора Джонсона 141

Дункан Маккей
(Donnchadh MacAoidh) (ок.1725/30 – ок. 1825).
Перевод Е. Витковского
Элегия Джеймсу Макферсону 146
Элегия о гибели в Гайкском лесу 151

Йан Макмурхад / Джон Макрей
(Iain MacMhurchaidh/John Macrae) (ок.1750 – не ранее 1780).
Перевод Е. Витковского
Одиночество 155

Улем Рос
(Uilleam Ros) (1762–1790).
Перевод Е. Кистеровой
Похвала Гярлоху 159
Песнь маркизу Грэхему и шотландской одежде 163

Алистер Маккинон
(Alastair MacFionghain) (1772–1814).
Перевод Е. Кистеровой
Песнь поэта после высадки в Египте 166
Песнь о битве в Голландии 169

Дональд нан Оран Маклауд
(Dòmhnall nan Òran MacLeoid) (1787–1872).
Перевод Е. Витковского
Стихи во славу старой лодки 175
Истинная песнь о той же лодке 78
Песня во славу картошке 79

Бард Маклин
(Iain MacGilleEathain) (1787–1848).
Перевод Е. Витковского
Песнь Америке [Глухой урман] 184

Йан «Охотник» Макдональд
(Iain Sealgar/John MacDonald) (1795–1853).
Перевод Е. Витковского
Песня для Америки 189

Алан «Ридж» Макдональд
(Allan MacDonald/Allan the Ridge)(1794–1868).
Перевод Е. Витковского
Похвала Новой Шотландии 193
Сатира на медведя 195
Песня к выпивке 198

Иан Макинтош
(Iain Mac-an-Toisich) (ок. 1800–1852 гг.).
Перевод Е. Кистеровой
Иан Бан с Бурного Брода.....202

Улем Ливингстон
(Uilleam MacDhùnlèibhe/William Livingston) (1808–1870).
Перевод Е. Кистеровой
Сражение в бухте Грунаршт.....206
Весточка барду. Песня жены Дункана 215
Плач по Ирландии.....219

Эхан Маккоркадайл
(Hugh MacCorkndale /Eobhan Mac-Corcadail)
(ок. 1810 – после 1877).
Перевод Е. Витковского
Песня айлейца.....222

Дункан Блэк Блэр
(Ant-urramachd Donnadh Blàrach / Rev. Duncan Blair) (1815–1893).
Перевод Е. Витковского
Ниагара 226
Верховья речки Барни 231

Александр Макдональд (Бард Кеппока)
(Allasdair Ailein Mhór, Bàrd na Ceapaich /Alexander MacDonald, the Keppoch Bard) (1819–1904).
Перевод Е. Витковского
Горящий Спрингхилл 233

Мэри Макферсон
(Большая Мари Песен, Màiri Nic a' Phearsain, Màiri Mhòr nan Òran) (1821–1898).
Перевод Е. Кистеровой
Туманный остров.....237
Годы весны моей.....243

Ниал Маклауд
(Niall MacLeòid / Neil MacLeod) (1843–1913).
Перевод Е. Кистеровой
Ежегодная встреча Гэльского Общества в Инвернессе 245

Йан Ду / Джон Маклауд
(Iain Dubh / John Macleod) (1847–1901).
Перевод Е. Витковского
Парни из Глендейла 247

Дональд Рыжий из Коруны
(Dòmhnall Ruadh Chorùna) (1887–1967).
Перевод Е. Кистеровой
Белая лебедь 249
Гусиная песня 251

Сорли Маклин
(Somhairle MacGill-Eain) (1911–1996).
Перевод Е. Витковского
Халлаг 252

Раздол туманов
Страницы шотландской гэльской поэзии XVII–XX вв.

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Корсакова*

Подписано в печать 10.01.18. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 16,25

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: http://www.vodoleybooks.ru
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано: Акционерное общество «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

16+

9 785917 634067